V 41/610

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

20 ноября 1864 г.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Ив. Блинова.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1914.

3658
/10

Г43
41
610

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

20 ноября 1864 г.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Ив. Блинова.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1914.

ОПБ
Ф 68
Бл-551

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
фр 8183-37

Настоящая книга составилась изъ отдѣловъ, написанныхъ мною для изданія „Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесятъ лѣтъ“.

Ив. Блиновъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ

ЧАСТЬ I.

Судебный строй и судебные порядки передъ реформой 1864 года.

I. Давнишнее стремленіе къ правосудію.

Правосудіе представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ важныхъ условій нормальнаго существованія человѣческихъ обществъ. Оно въ одинаковой мѣрѣ необходимо каждому государству, независимо отъ принятой въ немъ формы правленія. Несовершенство судебнаго строя и дурные судебные порядки вызываютъ обыкновенно дружное недовольство народа, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго является отрицательное отношеніе не только къ носителю государственной власти, но и къ существующему политическому строю. Исторія подтверждаетъ это положеніе многочисленными примѣрами. И, напротивъ того, чѣмъ лучше устроена судебная часть, чѣмъ просвѣщеннѣе судьи и чѣмъ независимѣе суды, тѣмъ популярнѣе государственная власть и тѣмъ спокойнѣе чувствуютъ себя граждане, сознавая, что ихъ личность и собственность надлежащимъ образомъ обезпечены. Эта спокойная увѣренность въ правовой охранѣ безусловно необходима для экономическаго и духовнаго развитія человѣческихъ обществъ [1]). Высказанная истина давно извѣстна чело-

[1]) Ср. I. Simon. „La liberté politique", ch. III, § 3, page 186; Saint Girons. „La séparation des pouvoirs", livre II, ch. II, page 411; Anatol Leroy-Beaulieu. „L'Empire des Tzars et les Russes". Tome II, livre IV, chap. I, page 282.

вѣчеству и притомъ не только политическимъ мыслителямъ, но и практическимъ дѣятелямъ въ сферѣ политики—монархамъ и ихъ совѣтникамъ. Такъ, въ ордонансахъ французскихъ королей XV вѣка мы находимъ самыя опредѣленныя указанія на великое значеніе правосудія для благоденствія народа и на крайнюю опасность судебной неправды и волокиты. Подобныя же мысли проводилъ не разъ въ своихъ указахъ Императоръ Петръ Великій. Съ давняго времени лучшія правительства всѣхъ странъ и народныя массы одушевлены одинаковымъ желаніемъ водворить истинное правосудіе, но жизнь показываетъ, что этого не легко достигнуть. Независимо отъ различныхъ, болѣе или менѣе существенныхъ условій, какъ-то: извѣстнаго нравственнаго уровня народа, достаточнаго числа просвѣщенныхъ гражданъ для занятія судебныхъ должностей, необходимаго для созидательной дѣятельности политическаго спокойствія и т. п., здоровые судебные порядки создаются обыкновенно совмѣстными усиліями государственной власти и общества. Каждое правительство, даже обладающее всею полнотою власти, воодушевленное лучшими желаніями и имѣющее въ своемъ распоряженіи достаточное количество образованныхъ и честныхъ юристовъ, нуждается для проведенія судебной реформы въ поддержкѣ общественныхъ силъ и сочувствіи общественнаго мнѣнія.

Только при такомъ соотношеніи двухъ важнѣйшихъ факторовъ каждаго государства: власти и народа, возможно провести въ жизнь систему, обезпечивающую надлежащее сочетаніе формальной правды съ истинной справедливостью и человѣчностью.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, многіе монархи и народъ издавна стремились къ насажденію правосудія,—еще въ серединѣ XVI вѣка, въ лучшую пору царствованія Ивана Грознаго, была въ этихъ цѣляхъ проведена реформа, сущность которой сводилась къ замѣнѣ суда московскихъ чиновниковъ-кормленщиковъ судомъ болѣе совершеннымъ, при которомъ къ кормленщикамъ придавались выборные старосты и цѣловальники. То же стремленіе къ правосудію одушевляло московскихъ людей черезъ сто лѣтъ въ серединѣ XVII вѣка, — когда было создано Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, стремившееся, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшого чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна“. Заботамъ о правосудіи посвящена

была значительная часть энергіи Императора Петра Великаго, который ввелъ существенныя измѣненія въ судоустройство и въ особенности въ судопроизводство, но результаты не соотвѣтствовали затраченному труду: состояніе правосудія продолжало быть неудовлетворительнымъ. Это мы можемъ видѣть хотя бы изъ наказовъ, данныхъ депутатамъ Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія (1767 г.) [1]). Какъ извѣстно, цѣль, поставленная этой комиссіи, не была достигнута, и сама комиссія при началѣ войны съ Турціей (1768 г.) была распущена, но полученныя отъ депутатовъ свѣдѣнія послужили основаніемъ для изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, въ предисловіи къ которому съ обычнымъ для того времени краснорѣчіемъ и лиризмомъ разбирались недостатки существующаго губернскаго устройства и отправленія правосудія: „въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи и казенные доходы и счеты обще съ благочиніемъ или полиціею и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются... Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно, съ одной стороны медленность, упущенія и волокита суть естественныя слѣдствія такого неудобнаго и недостаточнаго положенія... отъ медлительнаго производства возрастаетъ своевольство и ябеды обще со многими пороками“. Давъ такой суровый, но совершенно справедливый отзывъ о ходѣ административныхъ и судебныхъ дѣлъ, Императрица Екатерина II указываетъ, что Учрежденіе для управленія губерній вводится для пресѣченія... многихъ неудобностей, наипаче же ради заведенія лучшаго порядка... и правосудія“. На новое учрежденіе законодатель возлагаетъ большія надежды и находитъ, что оно „наивящше противъ прежняго надежно утверждаетъ, общую тишину и безопасность“. Къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала этихъ свѣтлыхъ ожиданій!

---

[1]) Наиболѣе любопытные въ этомъ отношеніи наказы помѣщены въ томѣ IV Сборника Имп. Русск. Ист. Общества.

II. Судебная организація и процессъ до реформы 1864 года.

Созданная Учрежденіемъ 1775 года система судебныхъ мѣстъ просуществовала съ небольшими измѣненіями до судебной реформы 1864 года, вслѣдствіе этого на ней и придется остановиться нѣсколько подробнѣе, въ цѣляхъ наилучшаго уясненія какъ развитія политической мысли, подготовившей умы къ судебному преобразованію, такъ и самаго хода работъ по составленію Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Императрица Екатерина II, какъ видно изъ приведенныхъ критическихъ строкъ предисловія къ „Учрежденію“ 1775 года, хорошо сознавала неудобства проистекающія отъ смѣшенія административныхъ и судебныхъ дѣлъ, но, не смотря на это, она не ввела въ губернскую жизнь раздѣленія властей, не устранила Ею же самою осужденнаго порядка [1]).

Правда, въ Учрежденіи о губерніяхъ говорится, что „Государевъ намѣстникъ не есть судья“ [2]) и что „Учрежденіе“ „судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій“, но дѣйствительно, какъ то видно изъ дальнѣйшаго текста того же Учрежденія, отдѣленіе тутъ было чисто внѣшнее,—на намѣстника (или губернатора) возложены были и судебныя функціи,—въ значительной зависимости отъ него находился какъ личный составъ судовъ, такъ и направленіе многихъ судебныхъ дѣлъ. Типичной чертой мѣстнаго административнаго строя по прежнему оставалось соединеніе въ лицѣ главы губернскаго управленія судебныхъ и административныхъ функцій, сохранялось прежнее смѣшеніе суда съ администраціей. Хотя непосредственно губернаторы почти перестали быть судьями, но имъ принадлежало очень важное право—утверждать выборныхъ судей. Затѣмъ всѣ суды, кромѣ палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, должны были исполнять „повелѣнія“ губернскихъ правленій, т. е. тѣхъ же

---

[1]) О раздѣленіи властей административной и судебной, какъ одномъ изъ принциповъ „Учрежденія“ 1775 года, см. у Лохвицкаго „Губернія“, стр. 55 и дал.; объ „Учрежденіи“ 1775 года, ср. Градовскій, т. I, стр. 223; В. М. Гессенъ. „Губернаторъ, какъ органъ надзора“; Куплеваскій. „Русское государственное право“, т. II, стр. 172.

[2]) П. С. З., № 14392, пунктъ 82.

губернаторовъ. Наконецъ, губернаторы же могли приказать судамъ засѣдать и большее число разъ, чѣмъ установлено закономъ. Кромѣ того имъ были предоставлены весьма обширныя права въ сферѣ судопроизводства, особенно уголовнаго, которыя фактически ставили судебныя учрежденія, созданныя Императрицей Екатериной II, въ полную отъ нихъ зависимость. Однимъ изъ поводовъ къ начатію дѣла въ палатѣ уголовнаго суда была жалоба стряпчаго, вносимая по приказанію губернатора. Для остальныхъ же судовъ такимъ же поводомъ служитъ повелѣніе губернскаго правленія [1]) (т. е. губернатора же). Губернаторы должны требовать у полиціи, чтобы „всякое преступленіе было приводимо въ точную извѣстность надлежащимъ изслѣдованіемъ"... При разсмотрѣніи донесеній полиціи о чрезвычайныхъ происшествіяхъ и о слѣдствіяхъ они рѣшаютъ, не нужно ли начать новое слѣдствіе и усилить производство уже начатаго, для чего, если потребуется, назначаютъ слѣдователей изъ особо довѣренныхъ чиновниковъ или составляютъ по своему усмотрѣнію особыя слѣдственныя комиссіи [2]).

Наблюдая вообще за безостановочнымъ и, по возможности, быстрымъ производствомъ слѣдствій, губернаторы имѣютъ надзоръ и за теченіемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, чтобы предупредить всякую напрасную проволочку и медленность, и „побуждаютъ, когда нужно, нерадивыхъ къ исполненію долга"... Губернаторы обязаны наблюдать, чтобы послѣ подачи отзыва о неудовольствіи на рѣшеніе палаты уголовнаго суда, такіе дѣла не были оставляемы безъ представленія въ Правительствующій Сенатъ долѣе шести недѣль [3]), въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могли пріостановить разсмотрѣніе дѣлъ въ судахъ. Дѣла палаты уголовнаго суда, совѣстнаго суда и уѣздныхъ судовъ, по ихъ рѣшеніи судами, вносятся на утвержденіе губернатора [4]), при чемъ палатѣ уголовнаго суда неоднократно подтверждалось, чтобы она всѣ безъ изъятія дѣла представляла губернатору, дабы онъ „яко хозяинъ губерніи могъ контролировать постоянно дѣятельность палаты и въ случаѣ несправедливаго опредѣленія

---

[1]) П. С. З., № 14.392, пункты 109, 198, 203, 406 и др.

[2]) 2-е П. С. З., № 10.303, §§ 228, 229 и 236.

[3]) Тамъ же. № 10.303, §§ 234, 235, 242 и 245.

[4]) При существованіи верхняго земскаго суда, расправы и губернскаго магистрата также и ихъ дѣла.

могъ бы (на основ. 86 ст. Учрежд. 1775 г.) остановить исполненіе его и донести Сенату [1]). Въ случаѣ, если губернаторъ найдетъ нужнымъ, можетъ приказать произвести дополнительное слѣдствіе и со вновь полученными свѣдѣніями дѣло снова вносится въ надлежащій судъ, по разсмотрѣніи въ которомъ поступаетъ опять для утвержденія къ губернатору и онъ можетъ утвердить рѣшеніе, если дѣло не принадлежитъ къ одному изъ семнадцати разрядовъ дѣлъ, указанныхъ въ Наказѣ губернаторамъ 1837 года, утверждаемыхъ Сенатомъ, министрами и Высочайшею властью. Утвердивъ рѣшеніе, губернаторъ возвращаетъ его для исполненія въ соотвѣтствующій судъ. Неутвержденіе дѣла губернаторомъ влечетъ передачу его на ревизію въ высшую инстанцію.

Губернаторамъ дано было весьма важное право смягчать въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказанія, налагаемыя судами, а иногда даже отмѣнять ихъ совершенно (напр., относительно осужденныхъ военными судами за неповиновеніе властямъ). Сенатъ стремился придать дѣлу утвержденія губернаторами рѣшеній разныхъ судовъ серьезное значеніе и, въ случаѣ, если губернаторы соглашались съ рѣшеніями, которыя впослѣдствіи Сенатъ признавалъ незаконными, то за это имъ объявлялись выговоры [2]). Забота о своевременномъ и точномъ исполненіи приговоровъ лежала всецѣло на губернаторахъ и губернскихъ правленіяхъ; поэтому они распоряжались освидѣтельствованіемъ приговоренныхъ къ отдачѣ въ военную службу, снабженіемъ всѣмъ необходимымъ приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь или на Кавказъ [3]) и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при необходимости сужденія виновныхъ военнымъ судомъ, даже самое созданіе суда зависѣло отъ губернатора, который назначалъ предсѣдателя и членовъ по своему усмотрѣнію [4]) (конечно назначая ихъ изъ опредѣленнаго закономъ круга лицъ). Нѣкоторыя группы дѣлъ (напр. о держателяхъ военныхъ дезертировъ) были подсудны губернскому правленію, слѣдовательно, рѣшались губернаторами. Все изло-

---

[1]) П. С. З., № 20745.

[2]) Андреевскій. „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“, стр. 149 и 2-е П. С. З., № 10.303, §§ 238, 239, 242, 246, 249, 251, 255 и 256.

[3]) Тамъ же, № 10.303, §§ 263—265 и слѣд.

[4]) Тамъ же, § 168.

женное ясно показываетъ, въ какой зависимости находился судъ отъ администраціи. Но губернаторы нерѣдко не довольствовались предоставленной имъ широкой властью и вмѣшивались въ уголовныя дѣла еще больше, чѣмъ имъ позволялъ это дѣлать законъ [1]).

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какой-либо самостоятельности мѣстныхъ судебныхъ учрежденій. Они входили тѣсно въ систему губернскаго управленія и всецѣло подчинялись „хозяину губерніи"—губернатору.

Сводя приведенныя соображенія въ краткую формулу, надо признать, что одною изъ характерныхъ чертъ судебнаго строя, существовавшаго въ Россіи отъ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. до реформы 20 ноября 1864 г., было смѣшеніе административныхъ и судебныхъ дѣлъ и зависимость суда отъ администраціи. Обращаясь затѣмъ къ самой судебной системѣ, которую замѣнили нынѣ дѣйствующіе суды, приходится отмѣтить двѣ ея особенности,—многочисленность инстанцій и многочисленность спеціальныхъ судовъ. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. поставило внизу лѣстницы судебныхъ мѣстъ уѣздные суды, городовые магистраты и нижнія расправы, слѣдующей инстанціей были верхніе земскіе суды, губернскіе магистраты и верхнія расправы, еще выше стояли палаты гражданскаго и уголовнаго суда и, наконецъ, Сенатъ (Департаменты и Общее Собраніе); число инстанцій сократилось при Павлѣ I благодаря уничтоженію верхняго земскаго суда, верхней расправы и губернскаго магистрата, но вскорѣ снова возросло вслѣдствіе учрежденія Государственнаго Совѣта, въ который стали переходить судебныя дѣла изъ Сената для окончательнаго разрѣшенія. Кромѣ перечисленныхъ судовъ Учрежденіе 1775 г. создало нижніе земскіе суды въ уѣздахъ, на которые были возложены полицейскія, судебно-полицейскія и слѣдственныя обязанности, а въ большихъ городахъ для той же цѣли вводились управы благочинія.

Перечисленныя мѣста имѣли болѣе или менѣе общій характеръ, такъ какъ дѣятельность ихъ распространялась на значительный кругъ лицъ и дѣлъ (на всѣхъ вообще обывателей, какъ палаты и Сенатъ, или на какое либо сословіе, какъ напр. расправы и магистраты), но, кромѣ нихъ, существовали еще спеці-

---

[1]) П. С. З., № 20.372.

альные суды съ болѣе узкою подсудностью, которая опредѣлялась или принадлежностью къ какой либо опредѣленной группѣ населенія или характеромъ возникающаго дѣла, къ такимъ судамъ надо отнести военные, духовные, коммерческіе, горные, совѣстные, межевыя конторы и проч. Изъ этихъ судовъ наибольшее значеніе для населенія имѣли военные, подсудность которыхъ, постепенно расширяясь, къ концу царствованія Императора Николая I достигла весьма большого объема.

Правительство того времени опредѣленно стремилось къ милитаризаціи различныхъ сторонъ государственнаго обихода. Въ сферѣ управленія оказывалось большое довѣріе военному персоналу и военныя лица (напр. флигель-адъютанты, генералъ-адъютанты, жандармскіе офицеры) постоянно командировались на ревизіи, слѣдствія и для различныхъ административныхъ распоряженій общаго характера, которымъ правительство придавало важное значеніе, какъ напр. для производства рекрутскихъ наборовъ. Точно такъ же правительство стремилось опереться на военные суды (военно-судныя комиссіи); отчасти такое стремленіе исходило изъ совершенно основательнаго недовѣрія къ общимъ судебнымъ мѣстамъ, волокита и кривосудіе которыхъ были всѣмъ извѣстны, но въ еще большей степени оно вытекало изъ желанія усилить кару за многія преступленія, представлявшіяся сознанію правящей среды особенно опасными для существующаго государственнаго и общественнаго строя,—безъ измѣненія при этомъ постановленій общихъ уголовныхъ законовъ.

Военнымъ судамъ предписывалось обыкновенно въ такихъ случаяхъ примѣнять законы военнаго времени и такимъ образомъ достигалось присужденіе къ смертной казни и другимъ тяжкимъ наказаніямъ за такія преступныя дѣянія, которыя по Своду Законовъ наказывались гораздо мягче. Итакъ, направленіе дѣлъ вмѣсто общаго суда къ спеціальному военному влекло за собою обыкновенно болѣе суровыя послѣдствія для обвиняемаго. Противоположное значеніе для населенія имѣлъ другой спеціальный судъ, — совѣстный. Онъ былъ созданъ Императрицей Екатериной II во имя гуманности. Въ составъ юрисдикціи совѣстныхъ судовъ входили нѣкоторыя гражданскія дѣла и „такія преступленія, которыя совершены по несчастному какому нибудь приключенію или по стеченію разныхъ обстоятельствъ, отягчаю-

щихъ судьбу виновнаго свыше мѣры имъ содѣяннаго... нуждающихся въ томъ, чтобъ ихъ разсматривали съ особою снисходительностью". Совѣстный судъ обязанъ былъ руководствоваться естественной справедливостью, вслѣдствіе чего при постановкѣ рѣшеній онъ долженъ былъ обращать вниманіе: 1) на человѣколюбіе вообще, 2) почтеніе къ особѣ ближняго, 3) отвращеніе отъ угнетенія или притѣсненія человѣчества, „и для того совѣстный судъ никогда судьбы ничьей да не отяготитъ, но ввѣряется оному совѣстный разборъ и осторожное и милосердное окончаніе дѣлъ, ему порученныхъ". Учрежденіе съ такими задачами представляло для своего времени замѣчательное явленіе,— въ немъ были заложены здоровыя начала суда по совѣсти и при томъ признающаго за обвиняемымъ права человѣческой личности. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и правотворческой дѣятельности судовъ — совѣстное производство могло бы развиться и сыграть значительную роль въ дѣлѣ перехода отъ старыхъ, отжившихъ судебныхъ порядковъ, къ новому судебному строю, но ходъ внутренней политики и государственной жизни Россіи до воцаренія Императора Александра II не былъ благопріятенъ для расширенія дѣятельности подобнаго института и поэтому совѣстные суды не сыграли значительной роли въ исторіи правовой жизни русскаго народа, они не дожили даже до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 года, такъ какъ были постепенно уничтожены въ 1852—1861 годахъ [1]).

Упоминая о совѣстныхъ судахъ, нельзя не замѣтить, что многіе изъ современниковъ отдавали себѣ полный отчетъ въ значеніи этихъ учрежденій и мечтали о расширеніи ихъ дѣятельности въ цѣляхъ насажденія истиннаго правосудія [2]).

---

[1]) Послѣ уничтоженія совѣстныхъ судовъ дѣла ихъ были переданы палатамъ, гдѣ производились особымъ совѣстнымъ порядкомъ; чтобы дать понятіе о числѣ подобныхъ дѣлъ приведемъ цифровыя свѣдѣнія за 1862 годъ:

I) гражданскихъ дѣлъ было: а) о раздѣлахъ и выдѣлахъ 86, по искамъ о неправильномъ и насильномъ владѣніи 116, о денежныхъ вознагражденіяхъ за имущество 99; II) уголовныхъ дѣлъ было: а) о злоупотребленіи власти родителей и о преступленіяхъ дѣтей противъ родителей 581, о воровствѣ-кражѣ 185, о зажигательствѣ 132. Сен. Арх. Отчетъ Мин. Юст. за 1862 годъ.

[2]) Съ этой точки зрѣнія представляетъ большой интересъ хранящаяся въ Арх. Собств. Е. И. В. Канцеляріи (№ 3460) записка надворнаго совѣтника Наумова, подробно разбирающаго преимущества совѣстнаго производства передъ судомъ по формѣ и полагавшаго, что расширеніе дѣятельности совѣстнаго суда приведетъ къ ослабленію „тяжебнаго духа".

Императрица Екатерина II ввела въ созданныя Ею учрежденія выборный отъ сословій элементъ, предоставивъ ему преимущественное значеніе въ низшихъ мѣстахъ, но впослѣдствіи—въ царствованіе Императора Николая Павловича—и важнѣйшія изъ губернскихъ судебныхъ должностей—предсѣдателей палатъ гражданскаго и уголовнаго суда—стали выборными отъ дворянства. Такимъ образомъ выборному элементу обезпечено было широкое участіе въ отправленіи правосудія на мѣстахъ. Казалось бы, что такое привлеченіе мѣстнаго общества къ участію въ разборѣ судебныхъ дѣлъ должно было представлять изъ себя серьезную гарантію правосудія—крѣпкій фундаментъ для нормальнаго судебнаго строя, но на самомъ дѣлѣ выборные отъ сословій судьи не принесли той пользы, которую можно было отъ нихъ ожидать. Останавливаясь на причинахъ этого печальнаго явленія, нѣкоторые публицисты 60-хъ годовъ указывали прежде всего на сословность выборовъ,—судебныя должностныя лица, разсуждали они, будучи выбраны отъ какого либо одного сословія, не могутъ быть безпристрастными судьями по отношенію къ своимъ избирателямъ, а въ особенности при столкновеніи ихъ съ лицами другихъ сословій. Быть можетъ это обстоятельство и играло нѣкоторую роль, но, во всякомъ случаѣ, далеко не главную. Для разрѣшенія вопроса, почему выборный элементъ не принесъ пользы дѣлу насажденія правосудія, необходимо помнить прежде всего характеръ отношеній дореформенныхъ судовъ къ администраціи и ту роль, которая была предоставлена закономъ губернаторамъ при отправленіи правосудія. Ни суды въ цѣломъ, ни тѣмъ болѣе отдѣльные ихъ члены не имѣли по закону надлежащей независимости—этого первѣйшаго условія для успѣшнаго отправленія судебной функціи. Что же касается фактическихъ отношеній мѣстныхъ судовъ къ администраціи, то жизнь здѣсь оставляла далеко позади законъ;—фактически губернаторъ, по большей части, являлся полновластнымъ распорядителемъ какъ личнаго состава судовъ, такъ и всего хода судебныхъ дѣлъ на мѣстахъ. Выборные отъ сословій засѣдатели и даже ставленники перваго сословія—предсѣдатели палатъ—не имѣли особенно важнаго значенія въ глазахъ начальника губерніи, который привыкъ обращаться полновластно даже съ представителями дворянства—предводителями и мало считаться съ дворянскими собраніями. Иностранцы, посѣщавшіе

Россію въ концѣ XVIII вѣка, говорятъ о рабской зависимости дворянскихъ собраній отъ губернаторовъ. Порабощеніе дворянскихъ обществъ губернаторами обратило на себя вниманіе и правительства, которое бралось иногда за ихъ защиту. Въ одномъ сенатскомъ указѣ конца XVIII в. мы читаемъ: „открылось, что правитель губерніи (губернаторъ) пришедъ въ собраніе дворянства, выслалъ изъ онаго дворянина, выговаривалъ губернскому предводителю за опредѣленіе, собраніемъ учиненное и подтвержденное, въ принесеніи жалобы Ея Императорскому Величеству на намѣстническое правленіе, настоялъ на выборѣ въ предводители дворянина, судомъ опороченнаго, и отвергалъ выбраннаго дворянствомъ въ губернскіе предводители дворянина и сверхъ того приводилъ съ собою въ дворянское собраніе гостей“ [1]).

Злоупотребленія губернаторовъ въ данныхъ отношеніяхъ продолжались и даже усиливались при преемникахъ Екатерины II. При Павлѣ I, напримѣръ, Костромское губернское правленіе, т. е. фактически губернаторъ, запретило губернскому предводителю созвать уѣздныхъ предводителей для обсужденія одного, вполнѣ законнаго дѣла. Въ 1802 году поручено было извѣстному Державину произвести слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ Калужскаго губернатора (Лопухина); оказалось, что этотъ губернаторъ, присутствуя на выборахъ (тогда дѣйствовало правило о присутствіи губернаторовъ при выборахъ), нерѣдко вмѣшивался въ производство ихъ, ему подавались жалобы на пристрастную баллотировку (которыхъ принимать онъ не имѣлъ права), подчищались баллотировочные списки и т. п.

По словамъ одного изъ авторитетныхъ наблюдателей мѣстной жизни въ царствованіе Александра I, дворянство, въ лицѣ своихъ предводителей, крайне оскорбляется и унижается неприличнымъ и неучтивымъ тономъ переписки губернскихъ правленій, „не имѣющей иногда ни основанія, ни благопристройности и единственно для подчиненія ихъ изобрѣтаемой“. Если провинціальныя должностныя лица мало стѣснялись съ губернскими дворянскими учрежденіями и предводителями, то не трудно себѣ представить, какъ они обращались съ уѣздными. Наиболѣе распространенный въ средѣ губернской администраціи

---

[1]) П. С. З., № 16.731.

взглядъ на уѣздныхъ предводителей дворянства былъ какъ на чиновниковъ, ей подчиненныхъ, которымъ можно было давать самыя разнообразныя порученія и въ любое время командировать по своему усмотрѣнію по всякаго рода дѣламъ. По словамъ нѣсколькихъ сенатскихъ указовъ на уѣздныхъ предводителей и маршаловъ губернскими властями „возлагаются комиссіи съ ихъ обязанностью, предписанною въ Жалованной Грамотѣ, вовсе не сообразныя", вслѣдствіе чего Сенатъ не разъ указывалъ на неправильность такихъ распоряженій. Но многія губернскія правленія считали своими подчиненными не только выбираемыхъ собраніями должностныхъ лицъ, но и всѣхъ дворянъ вообще, хотя бы и не состоящихъ на службѣ, и Сенату приходилось защищать ихъ отъ такого рода притязаній. До чего губернскія правленія распоряжались неслужащими дворянами, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: въ Симбирской губ. былъ преданъ суду мѣщанинъ Кафтанниковъ, управляющій фабрикой купца Пчелина; тогда губернское правленіе предписало одному неслужащему дворянину, совмѣстно съ однимъ купцомъ, надзирать сообща за помянутой фабрикой. Къ счастію для дворянина за него вступился губернскій предводитель, обратившійся по этому поводу съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ, а этотъ послѣдній передалъ возникшее дѣло на разсмотрѣніе Сената. Конечно, Сенатъ нашелъ распоряженіе губернскаго правленія совершенно неправильнымъ, а данное дворянину назначеніе неприличнымъ [1]). Не стѣсняясь распоряжаться по своему усмотрѣнію служащими и даже неслужащими дворянами, губернское начальство такъ же мало стѣснялось удалять отъ должностей „по своей волѣ въ противность Жалованной Дворянству Грамотѣ" избираемыхъ дворянами лицъ. Это было весьма обычное явленіе, на которое неоднократно жаловались губернскіе предводители дворянства. Иногда такія увольненія принимали массовый характеръ, такъ въ Смоленской губ. за одно трехлѣтіе было отрѣшено губернаторомъ отъ должностей 189 дворянъ [2]), а въ Виленской—столько предано суду, что на это обратилъ вниманіе Государь и призналъ дѣйствія мѣстнаго губернатора неправильными.

---

[1]) П. С. З., 1820 г., № 28.368.

[2]) Ист. обз. дѣят. Ком. Мин. т. I, стр. 287.

Это небольшое отступленіе въ сферу взаимныхъ отношеній губернатора и дворянства до реформъ 60-хъ годовъ XIX вѣка — хорошо показываетъ ихъ сравнительный удѣльный вѣсъ въ строѣ тогдашней губернской жизни. Понятно, при такихъ условіяхъ наиболѣе состоятельные, независимые и образованные дворяне, которые дѣйствительно могли бы принести пользу, не стремились къ занятію выборныхъ должностей, а особенно такихъ незначительныхъ, какъ засѣдателей судебныхъ мѣстъ. На эти должности попадали по большей части мелкопомѣстные и притомъ нерѣдко плохо грамотные дворяне, безропотно подчинявшіеся начальству и заботившіеся больше о прокормленіи своего семейства, чѣмъ о служеніи малопонятному для нихъ дѣлу правосудія.

Находясь въ большой зависимости отъ губернаторовъ, предсѣдатели и члены дореформенныхъ судебныхъ учрежденій въ такой же мѣрѣ зависѣли отъ своихъ канцелярій. Не имѣя обыкновенно надлежащихъ юридическихъ знаній и практической подготовки для судебной дѣятельности, они оказывались всецѣло въ распоряженіи секретарей, чему въ особенности содѣйствовалъ принятый въ то время слѣдственный процессъ, благодаря которому процвѣтало многописаніе и даже незначительныя дѣла разрастались въ цѣлые томы.

Непривлекательность службы въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ усугублялась еще незначительностью получаемаго за эту службу содержанія [1]), матеріальное обезпеченіе какъ предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, такъ и ихъ канцелярій было крайне скудное! Значительно ниже окладовъ по соотвѣтственнымъ должностямъ другихъ вѣдомствъ. Въ то время, напримѣръ, когда вице-губернаторъ получалъ въ годъ 2500 р., управляющій казенной палатой 4400 р., а управляющій палатой государствен-

---

[1]) Извѣстный французскій писатель Анатоль Леруа Болье даетъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ правильную характеристику дореформенныхъ выборныхъ судей: „Les juges, pour la plupart choisis par la noblesse et pris dans son sein, étaient d'habitude de petits propriétaires besogneux, sans instruction juridique, sans compétence professionelle. Ces fonctions, d'ordinaire peu considerées et mal retribuées n'attiraient à elles que des hommes de peu de consideration et de peu de valeur. Avec la procédure secrète, il ne pouvait y avoir de sérieux controle des électeurs sur les élus. C'était en vain que les élections se répétaient à de courts intervalles, de trois ans en trois ans. La plupart des juges ou assesseurs élus n'avait pas même le temps de se mettre au courant de leurs fonctions, ils ne faisaient qu'approuver les décisions et contresigner les arrêts des juges de profession ou des greffiers du tribunal (Leroy-Beaulieu. L'Empire des Tzars et les Russes. Tome II. Livre IV. Chap. I, Page 292).

ныхъ имуществъ 2860 р., содержаніе предсѣдателей палатъ уголовнаго и гражданскаго суда не превышало 1500 рублей, засѣдатели же палатъ получали менѣе 300 рублей въ годъ. Взвѣсивъ внимательно все сказанное о положеніи выборныхъ отъ сословій лицъ, входившихъ въ составъ дореформенныхъ мѣстъ, мы поймемъ, почему эти лица не оказали никакого вліянія на русскій юридическій бытъ [1]).

Исходя отъ вышеприведенныхъ цифръ окладовъ первыхъ лицъ губернскаго судебнаго міра, нетрудно догадаться, какъ были обезпечены чины судебныхъ канцелярій и какія проистекали послѣдствія отъ такого обезпеченія. Приведемъ по этому поводу официальный отзывъ Министерства Юстиціи: „Въ каждомъ изъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ въ губерніи, содержаніе для чиновниковъ и канцелярскихъ служителей очень ограниченное, такъ что столоначальники получаютъ жалованія отъ 8 до 12 руб., а канцелярскіе отъ 3 до 5 и не болѣе 7 руб. въ мѣсяцъ. При такомъ содержаніи всякій чиновникъ болѣе способный предпочитаетъ выгоднѣе для себя заниматься частными дѣлами, внѣ службы, въ присутственныя же мѣста поступаютъ по большей части молодые люди неспособные, и потому присутственныя мѣста вынуждены, для скорѣйшаго хода дѣлъ, допускать къ занятіямъ лицъ вольнонаемныхъ, по большей части испорченной нравственности, подсудимыхъ и изгнанныхъ изъ службы за пороки, коихъ не столько интересуетъ назначаемое имъ жалованье, сколько непозволительные доходы, вымогаемые ими отъ посѣтителей обманнымъ образомъ; люди сіи, не представляя собою ни малѣйшаго ручательства въ добросовѣстномъ поведеніи своемъ, при всякомъ заинтересованіи въ дѣлѣ взяткою, или посулою со стороны тяжущихся, посягаютъ на похищеніе или самыхъ дѣлъ или нужныхъ изъ нихъ бумагъ и документовъ“ [2]).

Благодаря такимъ ничтожнымъ окладамъ жалованья, судебныя учрежденія обходились казнѣ дешево, тридцать—сорокъ тысячъ рублей въ годъ расходовалось на содержаніе судовъ цѣлой губерніи [3]), но народу отправленіе правосудія стоило очень

---

[1]) Ср. сочин. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 467.

[2]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 4990, л. 84.

[3]) Интересныя свѣдѣнія о числѣ дѣлъ въ разныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, размѣрахъ жалованья и стоимости содержанія каждаго суда см. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 307.

дорого! Всякаго рода взяточничество, вымогательство и волокита свили себѣ прочное гнѣздо въ дореформенныхъ судебныхъ мѣстахъ, о чемъ придется ниже говорить болѣе подробно. Затѣмъ къ слабымъ сторонамъ дореформенной судебной организаціи надо отнести неудовлетворительное устройство слѣдственной части и крайне несовершенный порядокъ исполненія приговоровъ. Начальный и конечный актъ почти каждаго уголовнаго дѣла находился всецѣло въ рукахъ общей полиціи [1]), которая ни по своей подготовкѣ и развитію, ни по нравственнымъ качествамъ не была пригодна для несенія этихъ серьезныхъ обязанностей. Состоя въ полномъ распоряженіи губернскаго начальства и вполнѣ правильно считая своимъ главнымъ назначеніемъ дѣятельность административно-исполнительную, полиція весьма мало считалась съ требованіями мѣстныхъ судовъ, а слѣдствіями и исполненіемъ приговоровъ интересовалась преимущественно какъ источниками вѣрныхъ и притомъ весьма значительныхъ доходовъ.

Не задаваясь цѣлью дать сколько-нибудь полную и исчерпывающую оцѣнку судебной организаціи, существовавшей до изданія Уставовъ 1864 года, и не перечисляя поэтому другихъ ея недостатковъ, ограничимся сопоставленіемъ всего сказаннаго по этому поводу. Дореформенный судебный строй характеризуется прежде всего подчиненіемъ судовъ администраціи, затѣмъ многочисленностью инстанцій и спеціальныхъ судовъ, плохимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ судей и канцелярій, полной неудачей привлеченія къ отправленію правосудія общественно-выборнаго элемента, который былъ поставленъ въ такое положеніе, что не могъ принести пользы, и наконецъ весьма неудовлетворительнымъ порядкомъ производства слѣдствій и исполненія приговоровъ.

Переходя къ подсудности старыхъ судебныхъ учрежденій, необходимо отмѣтить прежде всего ея крайнюю сложность и запутанность, вслѣдствіе чего систематическое изложеніе круга вѣдомства дореформенныхъ судовъ представляется невозможнымъ, а приходится или ограничиться самыми общими указаніями или прибѣгнуть къ простому перечисленію всѣхъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію даннаго суда.

---

[1]) Изъ общаго правила о производствѣ слѣдствій полиціей законъ допускаетъ довольно многочисленныя исключенія.

По общему правилу уѣздному суду были подсудны дѣла всѣхъ сословій, кромѣ купцовъ и мѣщанъ, подвѣдомыхъ магистратамъ и ратушамъ. Но изъ этого основного положенія закономъ устанавливались многочисленныя исключенія по категоріямъ дѣлъ и лицамъ, количество которыхъ постепенно возрастало, при чемъ особенно расширялся кругъ вѣдомства военныхъ судовъ, такъ что къ концу царствованія Императора Николая I насчитывалось около сорока родовъ дѣлъ, подлежавшихъ военному суду. Уѣздные суды по однимъ дѣламъ постановляли рѣшенія, хотя и неокончательныя, а по другимъ лишь подготовляли матеріалъ, высказывая свои „мнѣнія".

Изъ общаго положенія о подсудности палатамъ уголовнаго и гражданскаго суда всѣхъ дѣлъ данной губерніи точно также было установлено очень много исключеній, причемъ палаты являлись то въ качествѣ первой инстанціи, то въ качествѣ второй. Но въ особенности сложна и запутана была подсудность Сенату, къ тому же она нерѣдко измѣнялась и дополнялась по частнымъ случаямъ, доходившимъ до разсмотрѣнія Сената или Комитета Министровъ. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе доклада Сената въ 1821 году состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о внесеніи въ Сенатъ всѣхъ приговоровъ уголовныхъ палатъ о чиновникахъ, предаваемыхъ суду ревизующими сенаторами" [1]). Затѣмъ Новгородскій и Тверской генералъ-губернаторъ, принцъ Ольденбургскій, обратилъ вниманіе на приговоры Новгородской уголовной палаты, которая постановила за порубку казенныхъ лѣсовъ отдать цѣлыя деревни въ рекруты. Принцъ нашелъ, что это разоритъ населеніе, поэтому участь виновныхъ была облегчена, а на будущее время создано правило, что дѣла о порубкѣ казенныхъ лѣсовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда привлекается къ отвѣтственности много лицъ, должны вноситься на ревизію въ Сенатъ, а затѣмъ на Высочайшее усмотрѣніе. Черезъ нѣкоторое время за этимъ частнымъ измѣненіемъ подсудности Сенату послѣдовало другое, болѣе общее. При разсмотрѣніи дѣла крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ Яковлева, предсѣдатель Комитета Министровъ, кн. Лопухинъ, предложилъ принять на будущее время за правило:

---

[1]) П. С. З., № 28.825. Сенаторъ Мясоѣдовъ еще въ 1817 г. въ письмѣ къ Трощинскому предлагалъ ввести этотъ порядокъ.

если приговоромъ присуждается къ наказанію много лицъ, то всякій разъ такой приговоръ до приведенія въ исполненіе отдавать на разсмотрѣніе Сената. Въ этомъ смыслѣ и состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ [1]).

Такихъ примѣровъ можно бы было привести еще очень много и въ отношеніи не только дѣлъ уголовныхъ, но и гражданскихъ. Это постоянное расширеніе подсудности Сенату объясняется очень просто: законодатель не довѣрялъ мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ и стремился открыть путь въ Сенатъ всѣмъ сколько нибудь существеннымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ разсмотрѣнія ихъ въ Сенатѣ, важнѣйшія изъ этихъ дѣлъ направить въ Государственный Совѣтъ.

Вотъ какой, въ общихъ чертахъ, былъ ходъ законодательства о подсудности Сенату. Тотъ же пріемъ постепенныхъ по частнымъ случаямъ исключеній и увеличеній подсудности высшимъ судамъ насчетъ низшихъ примѣнялся правительствомъ и къ мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ. Но правительство первой половины XIX вѣка отнюдь не было склонно строго слѣдовать буквѣ закона, по соображеніямъ цѣлесообразности оно всегда готово было допустить изъятія и отступленія отъ установленнаго судебнаго порядка.

Даже съ Сенатомъ (не говоря о прочихъ судахъ) мало стѣснялись и къ его судебной дѣятельности не питали полнаго довѣрія; поэтому нерѣдко, помимо Сената, административнымъ порядкомъ разрѣшались весьма важныя дѣла, которыя правительство, по какимъ либо соображеніямъ, хотѣло окончить быстро и безъ огласки, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя дѣла о бунтахъ крестьянъ и заводскихъ рабочихъ, дѣло покражи кредитныхъ билетовъ изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и проч. [2]). Но какъ ни мало почитало правительство судебную дѣятельность Сената, еще менѣе довѣряло оно губернскимъ и уѣзднымъ судебнымъ учрежденіямъ, поэтому нерѣдко дѣлались распоряженія о направленіи, въ видѣ изъятія, тѣхъ или иныхъ дѣлъ на ревизію въ Сенатъ, а иногда и для разсмотрѣнія ихъ Сенатомъ въ качествѣ первой инстанціи [3]).

---

[1]) Ист. обз. дѣят. Ком. Мин., т. I, стр. 376.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 380 и т. II, стр. 104 и 105.

[3]) Напримѣръ дѣло о духовномъ завѣщаніи графа Шереметева — Арх. Гос. Сов., т. IV, часть I, стр. 9 и 10.

Чтобы дать болѣе точное понятіе о дореформенномъ законодательствѣ, регулировавшемъ подсудность, и о порядкѣ и условіяхъ восхожденія дѣлъ по инстанціямъ, остановимся подробнѣе на подсудности Сенату.

Несмотря на все разнообразіе и пестроту дореформенной уголовной подсудности и уголовнаго процесса, можно, безъ особаго затрудненія, свести всѣ вносившіяся въ Сенатъ уголовныя дѣла въ двѣ группы: одни восходятъ на ревизію Сената въ силу самаго требованія закона, независимо отъ чьей либо воли, другія вносятся только при наличности жалобы осужденнаго или протеста подлежащаго должностного лица (или учрежденія).

Первая категорія крайне сложна, принадлежность къ ней даннаго дѣла опредѣляется различными основаніями: 1) родомъ преступленія, 2) родомъ и размѣромъ наказанія, 3) званіемъ, состояніемъ или вѣроисповѣданіемъ подсудимаго, 4) числомъ осужденныхъ къ наказанію лицъ, и другими.

На ревизію Сената должны были поступать (по силѣ Свода Закон. 1832 г.) приговоры уголовныхъ палатъ: 1) о лишеніи дворянства, чиновъ и орденовъ, 2) по преступленіямъ должности, хотя бы виновные не были дворянами или классными чиновниками, если они присуждаются къ лишенію жизни, чести или торговой казни, 3) приговоры, которыми подсудимые присуждаются къ отрѣшенію отъ мѣстъ и исключенію изъ службы съ тѣмъ, дабы впредь ихъ никуда не опредѣлять, 4) слѣдственныя дѣла о казенныхъ взысканіяхъ, 5) когда къ тяжелому наказанію приговариваются болѣе девяти человѣкъ, 6) если иновѣрцы, тяжкіе преступники примутъ православную вѣру, 7) дѣла, по которымъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, 8) всѣ дѣла, начавшіяся по предложенію ревизующихъ сенаторовъ [1]), 9) дѣла, по которымъ при разсмотрѣніи приговора уголовной палаты губернаторъ потребовалъ дополненія слѣдствія, 10) дѣла о дворянахъ, судившихся за убійство, хотя бы они были признаны невиновными [2]).

---

[1]) Ст. 605, т. II и ст.ст. 613, 614, 618, 620, 1317, т. XV Св. Зак. 1832 г.

[2]) Эта статья (ст. 612, т. II) позднѣйшаго происхожденія, подъ ней имѣются ссылки на указы 1806 и 1820 гг. Цѣль ея—чтобы дворянинъ, пользуясь своимъ вліяніемъ и матеріальными средствами, не уклонился отъ законной кары. Всетаки въ Сенатѣ не такъ легко было добиться рѣшенія въ желательномъ смыслѣ, какъ въ уголовной палатѣ.

Въ дѣйствительности уголовныя палаты весьма часто нарушали требованіе закона о внесеніи дѣлъ на ревизію въ Сенатъ: это было самое обыкновенное злоупотребленіе [1]).

Среди дѣлъ второй категоріи можно прежде всего указать на тѣ, которыя поступали въ Сенатъ вслѣдствіе несогласія губернатора съ рѣшеніемъ палаты уголовнаго суда [2]). Такихъ дѣлъ было не мало, такъ какъ многіе губернаторы охотно пользовались предоставленнымъ имъ правомъ переноса дѣлъ въ Сенатъ. Правда, для этого были и особыя побуждающія причины: Сенатъ и Комитетъ Министровъ обыковенно не оставляли безъ взысканія тѣхъ губернаторовъ, которые соглашались съ неправильными приговорами палатъ.

Кромѣ губернаторовъ право протеста по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ принадлежало прокурорамъ, но они не проявляли особой энергіи въ этомъ дѣлѣ. Причины такого порядка вещей были весьма сложны: тутъ играли роль и недостаточная ихъ освѣдомленность въ законахъ и крайнее обремененіе просмотромъ журналовъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и незначительность ихъ служебнаго положенія. Дѣло нѣсколько измѣнилось къ лучшему въ самые послѣдніе годы дореформеннаго режима, когда на должности губернскихъ прокуроровъ стали назначать молодыхъ и образованныхъ юристовъ, которые къ тому же нерѣдко имѣли поддержку въ Министерствѣ Юстиціи, вслѣдствіе семейныхъ или школьныхъ отношеній.

Затѣмъ, по нѣкоторымъ дѣламъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ казенному интересу, право протеста было предоставлено органамъ хозяйственнаго управленія [3]).

Чтобы покончить со второй категоріей, надо упомянуть о частныхъ жалобахъ. Дореформенный законодатель смотрѣлъ вообще не особенно одобрительно на жалобы и жалобщиковъ, а правительственная практика едва ихъ терпѣла.

Было весьма распространено воззрѣніе, что внесеніе важнѣйшихъ дѣлъ на ревизію, въ силу требованія закона и протеста губернаторовъ и прокуроровъ, въ достаточной мѣрѣ обезпечи-

---

[1]) См. напр., рапортъ сенатора Дурасова о ревизіи Курской губ. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1854 г. № 9993.

[2]) Ст. 606 и 607, т. II Св. Зак. 1832 г.

[3]) Вице-губернатору, когда онъ былъ предсѣдателемъ казенной палаты, палатѣ государственныхъ имуществъ и др.

ваетъ правильное теченіе правосудія [1]), жалобы же являются чѣмъ-то излишнимъ, безполезнымъ, напрасно замедляющимъ движеніе уголовныхъ дѣлъ.

При такихъ условіяхъ жаловаться было крайне затруднительно. Чтобы представить себѣ ясно всю трудность положенія жалобщиковъ, достаточно привести лишь одно постановленіе дореформеннаго законодательства: „купцы 3-й гильдіи, мѣщане и крестьяне могутъ приносить жалобы на рѣшеніе палаты уголовнаго суда, когда они присуждены къ торговой казни, ссылкѣ на поселеніе или въ работу“, но уже послѣ приведенія приговора въ исполненіе, причемъ „если по разсмотрѣніи дѣла (въ Сенатѣ) жалоба оказывается несправедливой, то податель ея наказывается тѣлесно“ [2]). Неблагопріятна была жалобщикамъ и тогдашняя житейская обстановка — отсутствіе образованныхъ юристовъ, съ которыми можно было бы посовѣтоваться, и вообще низкій уровень просвѣщенія. Кромѣ сказаннаго надо имѣть въ виду сложность и запутанность нашего уголовнаго законодательства до 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Все это, вмѣстѣ взятое, стѣсняло пользованіе жалобой, какъ средствомъ переноса уголовныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій, съ чѣмъ можно было бы еще примириться, если бы дѣятельность мѣстныхъ судовъ была безупречна. На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, уголовное правосудіе шло изъ рукъ вонъ плохо, и Сенату приходилось измѣнять и отмѣнять больше половины восходившихъ на его разсмотрѣніе приговоровъ.

Дѣла гражданскія по отношенію къ условіямъ переноса ихъ на разсмотрѣніе Сената, какъ и дѣла уголовныя, могутъ быть сведены въ двѣ группы: одни представляются на ревизію изъ палаты гражданскаго суда въ силу требованія закона, какъ, напримѣръ, всѣ дѣла по удѣльнымъ имѣніямъ, монастырскимъ владѣніямъ и церковнымъ землямъ, когда часть ихъ должна быть кому-нибудь отчуждена [3]); другія восходятъ на разсмотрѣніе Сената лишь вслѣдствіе домогательства заинтересованныхъ лицъ по апелляціоннымъ жалобамъ.

Чтобы не обременять Сенатъ массой мелкихъ гражданско-правовыхъ споровъ, были установлены: во первыхъ,—минималь-

---

[1]) Ср. ст. 1146 и 1147 зак. уг., т. XV Св. Зак. 1832 г.

[2]) Ст. 1163 и 1167 зак. уг., т. XV Св. Зак. 1832 г.

[3]) П. С. З., 1804 г. № 21.248 и ст. 306, 320 т. IX Св. Зак. 1842 г.

ная цифра иска, при которой допускалось обращеніе къ Сенату (2.000 р.—при счетѣ на ассигнаціи и 600 р.—при счетѣ на серебро), и, во вторыхъ,—залогъ правой апелляціи (въ 200 р. ассигнаціями).

Рѣшеніемъ Сената далеко не всегда кончалось судебное дѣло,—въ случаѣ разногласія сенаторовъ, протеста оберъ-прокуратуры или всеподданнѣйшей жалобы, признанной заслуживающей уваженія, дѣло переносилось въ одно изъ общихъ собраній Сената, а оттуда, при несоставленіи законнаго большинства голосовъ или при несогласіи министра юстиціи, восходило на разсмотрѣніе департамента Гражд. и Дух. Дѣлъ, а затѣмъ и Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Такое безконечное восхожденіе дѣлъ снизу вверхъ по инстанціямъ мало содѣйствовало насажденію истиннаго правосудія, но оно находилось въ полномъ соотвѣтствіи со всей системой тогдашняго процесса, проникнутой недовѣріемъ не только къ подсудимымъ или вообще заинтересованнымъ лицамъ, но даже къ свидѣтелямъ и, наконецъ, къ самимъ судьямъ. Законодатель не довѣрялъ судебнымъ учрежденіямъ отъ низшихъ до высшихъ и предпочиталъ каждое важное дѣло разрѣшать самъ, давая такимъ рѣшеніямъ форму Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта.

Познакомившись съ характеромъ дореформеннаго законодательства о подсудности, а также порядкомъ и условіями переноса дѣлъ изъ низшихъ судовъ въ высшіе, надлежитъ нѣсколько остановиться на нѣкоторыхъ типическихъ чертахъ судопроизводства.

Дѣйствовавшія въ Россіи въ серединѣ XIX вѣка процессуальныя нормы развились преимущественно изъ законодательства Петра Великаго, который, подчиняясь духу времени и господствовавшимъ юридическимъ понятіямъ, ввелъ въ русскую жизнь розыскную (слѣдственную) форму процесса [1]), сущность которой заключалась въ томъ, что судьи принимали самое дѣятельное участіе въ ходѣ и развитіи судебнаго дѣла и изысканіи доказательствъ въ цѣляхъ установленія матеріальной истины. Конечно, слѣдственная форма процесса не сразу вытѣснила принятую раньше обвинительную форму; да и самъ Петръ Великій издалъ въ 1723 г. „Указъ о формѣ суда“, въ духѣ обвинительнаго

[1]) Латкинъ: Учебникъ исторіи русскаго права, стр. 519; по опредѣленію воинскихъ процессовъ „процессъ есть дѣло судимое, чрезъ которое тяжебныя дѣла основательнымъ представленіемъ, и изъ обстоятельства дѣлъ обрѣтенныхъ доказовъ явныя сочиняются, и потомъ отъ судей, по изобрѣтенію оныхъ причинъ, рѣшеніе чинится“.

процесса. Такимъ образомъ обѣ формы продолжали существовать параллельно, но несомнѣнно, что обвинительный порядокъ быстро клонился къ упадку. Челобитчики въ судахъ злоупотребляли правомъ словесныхъ объясненій, а судьи имъ часто мирволили или просто не умѣли съ ними сладить. Тяжущіеся отказывались продолжать судоговореніе и затягивали дѣло, когда судьи напоминали имъ, чтобы они постороннихъ рѣчей не говорили. Иногда серьезныя затрудненія возникали оттого, что выступавшіе на судѣ ябедники сбивали судей, не обладавшихъ обыкновенно надлежащими юридическими свѣдѣніями, бывали даже случаи настоящихъ перебранокъ и скандаловъ, возникавшихъ изъ обмѣна слишкомъ горячими рѣчами; таково, напримѣръ, въ серединѣ XVIII вѣка было дѣло Пушкина и Крекшина, которое обратило на себя вниманіе Сената. Во время суда Пушкинъ называлъ Крекшина извѣстнымъ воромъ и проклятымъ матерью сыномъ; а Крекшинъ Пушкина воромъ и смертоубійцей; за что Сенатъ посадилъ ихъ на мѣсяцъ въ тюрьму и опубликовалъ объ ихъ наказаніи особымъ указомъ.

Законодатель пытался урегулировать порядокъ произнесенія рѣчей и возраженій на судѣ, но всѣ направленныя къ этому мѣры плохо удавались, такъ какъ люди того времени, по выраженію извѣстнаго историка права Ѳ. М. Дмитріева, „уже не понимали обвинительнаго процесса“ [1]).

Изъ принципа недовѣрія, представлявшаго собою одно изъ основаній слѣдственнаго процесса, естественно вытекали три его характерныя особенности: 1) система предустановленныхъ доказательствъ, 2) крайнее развитіе письменнаго производства и 3) оставленіе обвиняемыхъ въ подозрѣніи.

Не довѣряя судьямъ, законодатель очевидно не могъ имъ предоставить свободу оцѣнки разбираемыхъ на судѣ фактическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего въ законѣ было подробно перечислено, что именно должно служить доказательствомъ, причемъ съ мелочною обстоятельностью было указано значеніе каждаго изъ нихъ. Доказательства дѣлились на совершенныя и несовершенныя. Къ совершеннымъ или полнымъ доказательствамъ относилось прежде всего собственное сознаніе подсуди-

[1]) Ѳ. М. Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 550—552.

маго, которое, по выраженію Петровскихъ воинскихъ процессовъ, является „лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта".

Конечно, для образованныхъ юристовъ собственное сознаніе пріобрѣтало такое значеніе лишь при наличности извѣстныхъ условій; вотъ какъ говоритъ по этому поводу одинъ юридическій афоризмъ, напечатанный въ 1843 году. „Собственное признанье паче свидѣтельства цѣлаго свѣта. Если признаніе сдѣлано во-первыхъ, лицомъ извѣстнымъ честностію и доброю славою; во-вторыхъ, независимымъ лично, по званію своему въ обществѣ и по состоянію; въ третьихъ, не имѣвшимъ никакой причины ожидать себѣ отъ того какой либо пользы или прибыли; въ четвертыхъ, подвергшимъ себя, напротивъ того, строгой отвѣтственности предъ закономъ, чрезъ огласку такихъ дѣйствій, въ коихъ само (хотя и невольно) участвовало; въ пятыхъ, сдѣлано не принужденно, съ тою искренностью, коею отличается правда отъ лжи и отъ ложныхъ, двусмысленныхъ показаній; если, наконецъ, это признаніе подтверждается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ другихъ лицъ и открывшимися впослѣдствіи времени обстоятельствами, то какой свѣтъ наводитъ оно на лица и на дѣла, какъ драгоцѣнно такое признаніе для судей правосудныхъ!!"

Къ сожалѣнію, такое строгое отношеніе къ условіямъ, въ которыхъ давалось собственное сознаніе, было удѣломъ весьма немногихъ, громадное же большинство слѣдователей и судей относилось къ сознанію совершенно формально, довольствуясь самымъ его фактомъ и не обращая никакого вниманія на обстановку и условія, въ которыхъ оно было дано.

Затѣмъ, къ совершеннымъ доказательствамъ отнесены были одинаковыя показанія двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, письменные документы и присяга.

Степень достовѣрности свидѣтелей устанавливалась разъ навсегда закономъ, въ которомъ подробно говорилось, кому именно нужно отдавать предпочтеніе. Такъ законодатель довѣрялъ больше показаніямъ мужчины, чѣмъ женщины, духовному лицу болѣе чѣмъ свѣтскому, ученому больше, чѣмъ неученому.

Несовершенныхъ доказательствъ было гораздо больше, причемъ законъ также стремился опредѣлить относительное ихъ значеніе. Осужденіе обвиняемаго могло послѣдовать лишь при наличности совершенныхъ доказательствъ, а при несовершенныхъ, —обвиняемый оставлялся въ подозрѣніи. Не довѣряя не

только заинтересованнымъ лицамъ, но также свидѣтелямъ и, наконецъ, судьямъ, законодатель вынужденъ былъ допустить такія рѣшенія, которыя, въ сущности говоря, представляли изъ себя отсутствіе всякаго рѣшенія,—сознаніе суда въ полной неспособности обнаружить истину. Едва-ли нужно распространяться о томъ, что приговоры объ оставленіи въ подозрѣніи, естественно вытекавшіе изъ слѣдственнаго процесса, имѣли самое развращающее вліяніе, какъ на суды, такъ и на обвиняемыхъ и, наконецъ, на все общество.

Суды пріучались халатно относиться къ дѣлу, зная, что установленіе матеріальной истины не является для нихъ обязательнымъ, подсудимые, въ особенности рецидивисты и вообще наиболѣе дурные въ нравственномъ отношеніи получали возможность, оставаясь въ подозрѣніи, продолжать свою преступную работу и наносить серьезный вредъ населенію, и, наконецъ, общество, видя безнаказанность преступниковъ, естественно утрачивало правовое сознаніе и все больше и больше пополняло ихъ кадры. По офиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ громадное большинство уголовныхъ дѣлъ въ дореформенныхъ судебныхъ мѣстахъ оканчивалось оставленіемъ въ подозрѣніи.

Недовѣріе къ должностнымъ лицамъ, которымъ поручено было дѣло отправленія правосудія, влекло за собою установленіе и крайнее развитіе письменности процесса. Законодатель желалъ, чтобы каждое дѣйствіе слѣдователя и судьи могло быть провѣрено высшей инстанціей и для этого требовалъ подробнаго занесенія на бумагу всѣхъ показаній и разсматриваемыхъ данныхъ и вообще каждаго мельчайшаго шага!

Письменныя производства вслѣдствіе этого необычайно разрастались и, благодаря своему объему, становились малодоступными для членовъ судебныхъ мѣстъ.

Если къ сказанному еще прибавить, что обыкновенно въ каждой инстанціи документы, по большей части, лишь переписывались по мѣрѣ и въ порядкѣ ихъ появленія въ дѣлѣ, а не сводились въ одно систематическое цѣлое, то станетъ понятно, что въ высшихъ инстанціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Сенатѣ, подробное письменное производство разрастаясь во многія тысячи листовъ, служило нерѣдко не къ разъясненію, а лишь къ затемнѣнію дѣла и открывало канцеляріямъ широкое поле для злоупотребленій.

То-же недовѣріе къ судьямъ и судамъ привело законодателя къ созданію большого количества особыхъ видовъ судопроизводства. Эти исключенія изъ общаго процесса возрастали съ такою силою, что къ серединѣ XIX вѣка ихъ было около двадцати; вводились они обыкновенно для наиболѣе важныхъ дѣлъ или для извѣстныхъ лицъ и сословій [1]). Законодатель, очевидно, самъ былъ недоволенъ дѣйствовавшимъ судопроизводствомъ, но въ то же время не рѣшался на измѣненія общаго характера, а предпочиталъ ограничиваться принятіемъ подъ свое особое попеченіе почему либо интересовавшихъ его дѣлъ, причемъ хотя для нихъ и устанавливались особые виды судопроизводства, но всѣ они были того-же слѣдственнаго характера.

III. Фактическое состояніе правосудія до реформы 1864 года.

Отъ изображенія характерныхъ чертъ судопроизводства и судоустройства, дѣйствовавшихъ въ Россіи до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 г., намъ надлежитъ перейти къ весьма важному вопросу о фактическомъ состояніи правосудія.

Эта тема въ первой половинѣ и въ серединѣ XIX вѣка была одною изъ самыхъ излюбленныхъ, ей удѣляли серьезное вниманіе корифеи русской изящной словесности; богатство отрицательныхъ типовъ въ дореформенной судебной средѣ давало обильный матеріалъ для обличительной литературы, къ которой всегда тяготѣли русскіе писатели.

Поэтому неудивительно, что мы находимъ данныя, характеризующія фактическое состояніе правосудія, въ цѣломъ рядѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ.

Но еще болѣе матеріала даютъ намъ офиціальные документы, отчеты и дѣла Министерства Юстиціи, всевозможныя объяснительныя записки и проекты и въ особенности донесенія посылавшихся на ревизіи губерній сенаторовъ.

[1]) Ѳ. М. Дмитріевъ. Собр. соч., т. II, стр. 468.

По справедливому выраженію одного изъ извѣстныхъ русскихъ юристовъ (К. П. Побѣдоносцева): „дѣйствіе учрежденій зависитъ отъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ виду, что и люди образуются въ духѣ тѣхъ или другихъ учрежденій". Эти слова Побѣдоносцева приложимы къ объясненію старыхъ судебныхъ порядковъ и плохого состоянія дореформеннаго правосудія.—Суды были поставлены въ такое положеніе, такъ организованы, что почти всякіе люди оказывались въ нихъ плохи.

Самая обстановка судовъ и видъ судебныхъ дѣятелей были въ большинствѣ случаевъ крайне непривлекательны, достаточно вспомнить хотя бы классическое изображеніе канцеляріи палаты гражданскаго суда, въ которой Чичиковъ совершалъ купчія крѣпости на пріобрѣтенныя имъ мертвыя души, или палаты уголовнаго суда, изображенной И. С. Аксаковымъ въ его интересныхъ сценахъ: „Присутственный день уголовной палаты".

Въ уѣздныхъ же судахъ было еще неприглядне и хуже. Въ тѣсныхъ, грязныхъ комнатахъ сидѣли полуголодные писцы, которые подъ руководствомъ юридически-невѣжественныхъ, и по большей части плутоватыхъ чиновниковъ строчили неправосудныя рѣшенія.

Юридическое невѣжество дореформенныхъ судебныхъ и слѣдственныхъ дѣятелей не представляетъ изъ себя ничего удивительнаго, такъ какъ большинство изъ нихъ не обладало даже надлежащей грамотностію; при такихъ условіяхъ совершенно понятно, что они не умѣли не только вести возникшее дѣло, но и дать ему надлежащій заголовокъ. Еще въ публицистикѣ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра II приводились курьезные примѣры дѣлъ „о найденныхъ въ лѣсу костяхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, повидимому солдатскихъ, по причинѣ найденной между ними форменной пуговицы", „о подложномъ присвоеніи крестьянскому мальчику Василію женскаго пола" и т. п. Не менѣе любопытные образчики юридической терминологіи сообщаетъ А. Ѳ. Кони изъ слѣдственной практики должностныхъ лицъ Казанской губерніи: дѣло „о кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ", тогда какъ въ дѣйствительности это было дѣло объ убійствѣ съ четырьмя обвиняемыми, кладнушкой-же называлась палубная лодка съ мачтою; „о публичномъ произнесеніи крестьяниномъ NN похвальныхъ словъ",

„о дракѣ со взломомъ", „объ учиненіи мѣщанскому старостѣ буйства на лицѣ" и т. п. [1]).

Авторы такихъ своеобразныхъ наименованій не представляли чего-либо исключительнаго для своего времени, они вполнѣ отражали степень развитія и юридической освѣдомленности окружавшей ихъ среды, правосознаніе которой оставляло еще желать многаго.

Да и трудно было ждать быстраго роста юридическаго образованія, когда многія лица изъ правящей среды относились къ нему съ нескрываемой подозрительностью, а глава судебнаго вѣдомства, министръ юстиціи графъ Панинъ, по словамъ одного современника, прямо говорилъ: „не надо забывать, что вредно и опасно для государства, если глубокое знаніе права будетъ распространено въ классѣ людей, не состоящихъ на государственной службѣ" [2]).

Хотя, какъ упоминалось выше, старая судебная организація была такого свойства, что почти всякіе люди въ ней оказывались плохи, но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что и стремившіеся къ занятію судебныхъ должностей лица по своему нравственному, умственному и образовательному уровню въ большинствѣ случаевъ были крайне неудовлетворительны.

Служба по судебному вѣдомству, какъ упоминалось выше, не была привлекательна и личный составъ судовъ былъ плохъ во всѣхъ отношеніяхъ. Лишь въ послѣдніе годы передъ судебной реформой появляются въ должностяхъ товарищей предсѣдателей палатъ, губернскихъ прокуроровъ и оберъ-секретарей Сената, молодые и образованные юристы, которые вносятъ живую струю въ дѣло отправленія правосудія, но это были первыя ласточки, которыя не могли сдѣлать весну. При такихъ условіяхъ понятно дѣятельность судовъ по существу своему была весьма неудовлетворительна. По уголовнымъ дѣламъ царила крайняя приверженность къ формальнымъ доказательствамъ и прежде всего къ собственному сознанію подсудимаго, котораго поэтому домогались всевозможными способами, граничившими съ пыткой [3]).

---

[1]) Очень характерные образцы юридической освѣдомленности производившихъ слѣдствія чиновъ московской полиціи приводитъ Ровинскій въ своей рѣчи, сказанной впервые назначеннымъ въ 1860 г. судебнымъ слѣдователямъ.

[2]) „Колоколъ", изд. Герцена, 1858 г., листъ 13.

[3]) А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія, стр. 528.

и строгость, близкая къ жестокости по отношенію къ подсудимымъ низшихъ состояній при весьма снисходительномъ отношеніи къ лицамъ привилегированнымъ. По дѣламъ гражданскимъ рѣшенія судовъ отличались необычайною запутанностью [1]) и противорѣчивостью, которыя иногда выносились съ умысломъ канцеляріей и вели къ новымъ безконечнымъ процессамъ весьма разорительнымъ для заинтересованныхъ лицъ. Поэтому неудивительно, что высшія учрежденія должны были отмѣнять и измѣнять многіе приговоры низшихъ. Для примѣра возьмемъ данныя относительно дѣлъ, входившихъ въ 1862 г. изъ уголовныхъ палатъ въ Сенатъ. Изъ 2102 приговоровъ Сенатъ утвердилъ безъ измѣненій 948 и отмѣнилъ вовсе 509, а остальные подвергъ болѣе или менѣе серьезнымъ измѣненіямъ [2]).

Теченіе судебныхъ дѣлъ отличалось необычайной, поистинѣ легендарной, медленностью, которая проникала одинаково всѣ стадіи процесса, начиная съ возбужденія дѣла и кончая исполненіемъ приговора.

Историческіе выводы, по удачному выраженію Шатобріана, подобно физическимъ должны основываться на фактахъ; поэтому, несмотря на рискъ утомить читателя, приведемъ нѣкоторыя фактическія данныя, заимствуя ихъ изъ офиціальныхъ документовъ. Ревизія Курской губерніи сенаторомъ кн. Долгорукимъ открыла, напримѣръ, дѣла, находившіяся въ производствѣ болѣе 20 лѣтъ и еще далеко не законченныя; въ одномъ только Льговскомъ уѣздномъ судѣ подобныхъ дѣлъ было шестьдесятъ четыре [3]).

Ревизіей той-же губерніи сенаторомъ Дурасовымъ (1850 г.) обнаружено, что цѣлый рядъ вошедшихъ въ законную силу рѣшеній судебныхъ мѣстъ остается безъ исполненія около 20 лѣтъ [4]).

---

[1]) Въ Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи, тянулось лѣтъ двадцать дѣло о землѣ между Гавриловымъ и Желябугинымъ. Наконецъ вышло рѣшеніе Сената (вѣроятно VIII-го департамента), сочиненное оберъ-секретаремъ Петровымъ, по вопросу о томъ кому принадлежитъ земля, Гаврилову или же Желябугину—обращаясь къ смыслу существующихъ узаконеній и находя, что въ настоящее время состоялся манифестъ о полюбовномъ размежеваніи опредѣляютъ: предписать кому слѣдуетъ, приказать кому нужно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи существующихъ узаконеній. Получивъ такой указъ Пензенская гражданская палата для отклоненія отъ себя всякой отвѣтственности, переписавъ сенатскій указъ, переслала его въ Саранскій уѣздный судъ съ предписаніемъ рѣшить вопросъ по указу Сената.

[2]) Сен. Арх., отчетъ Мин. Юст. за 1862 годъ, л. 40 обр.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Ревизія кн. Долгорукимъ Курской губерніи.

[4]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1854 г. № 9993.

Ревизія Западной Сибири (1826—1827) открыла много дѣлъ, тянувшихся по 12—15 и болѣе лѣтъ. Сенаторъ Бѣгичевъ, при ревизіи Орловской губерніи, нашелъ приговоры палаты уголовнаго суда, которые около 13 лѣтъ пролежали у губернатора, ожидая его утвержденія, и вѣроятно, оставались бы въ томъ же положеніи и дольше, если бы не началась сенаторская ревизія [1]).

Въ отчетѣ министра юстиціи за 1863 г. говорится, что къ 1-му января 1864 года изъ числа неоконченныхъ дѣлъ въ производствѣ были болѣе 20 лѣтъ 561; болѣе 15—1466; болѣе 10—6758. Огромный матеріалъ для характеристики медленности производства дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ хранится въ Архивѣ Собствен. Е. И. В. Канцеляріи въ видѣ вѣдомостей о медленно-текущихъ дѣлахъ, представлявшихся на Высочайшее имя, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что даже указанія Государей объ ускореніи оставались очень часто безъ всякаго результата и Высочайшія повелѣнія не исполнялись по много лѣтъ, такъ напр. Высочайшее повелѣніе 1837 года объ удовлетвореніи претензіи на казну купца Авзера Разовскаго за продовольствіе во время кампаніи 1806 и 1807 гг. военныхъ госпиталей въ Бѣлостокѣ оставалось неисполненнымъ до 1856 г., причемъ въ вѣдомости значится, что исполненіе задерживается за неполученіемъ Петербургскимъ надворнымъ судомъ надлежащихъ свѣдѣній отъ Балашовскаго и Кирсановскаго земскихъ судовъ, которыя ожидаются „въ теченіе полугода“ [2]). Указаніе, что свѣдѣнія ожидаются „въ теченіе полугода“ было лишь стереотипной, канцелярской формулой, которая постоянно повторялась въ тѣхъ случаяхъ, когда не надѣялись скоро получить желаемыхъ свѣдѣній. Очевидно, съ даннымъ дѣломъ не очень торопились.

На замѣчанія о медленности суды обыкновенно отвѣчали, что они собираютъ дополнительныя свѣдѣнія, наводятъ справки или составляютъ экстракты, и дѣйствительно наведеніе справокъ было однимъ изъ удобныхъ способовъ замедлять дѣла. Многіе суды или вѣрнѣе ихъ канцеляріи поступали для этой цѣли такъ: наводилась сперва справка отъ одного учрежденія,

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1842 г. № 574.

[2]) Архивъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, № 7389.

потомъ отъ другого и т. д. Точно также дѣлалось и при собираніи дополнительныхъ свѣдѣній, причемъ часто въ такихъ случаяхъ суды отсылали и самыя дѣла, руководствуясь единственною цѣлью показать въ концѣ года въ отчетѣ наименьшее число остающихся за ними производствъ. Поводы, изъ за которыхъ требовались дополнительныя свѣдѣнія и возвращались дѣла часто бывали совершенно незначительны. Такъ напримѣръ недостаточно полная надпись на тюкѣ, который тѣмъ не менѣе прибылъ по назначенію, ошибки въ нумераціи на приложенныхъ къ дѣлу описяхъ и тому подобныя мелочи, не имѣвшія рѣшительно никакого значенія. Суды старались показать, что они работаютъ, но на самомъ дѣлѣ большая часть ихъ труда сводилась къ канцелярской отпискѣ. Надзоръ высшихъ учрежденій за низшими, а также надзоръ прокуроровъ и губернаторовъ мало помогалъ дѣлу.

Послѣдствіемъ медленности было чрезвычайное накопленіе дѣлъ и неисполненныхъ бумагъ, которыя часто не записывались въ реестры, а просто валялись въ безпорядкѣ на полкахъ канцелярскихъ шкаповъ или для очистки мѣста нерѣшенными сдавались въ архивы. Но не одною медленностью характеризуется дѣятельность старыхъ судебныхъ учрежденій, ревизіи постоянно обнаруживали въ нихъ всевозможные безпорядки и злоупотребленія. Въ иныхъ случаяхъ положительно нельзя не удивляться, что судъ, вся дѣятельность котораго въ теченіе многихъ лѣтъ была сплошнымъ безпорядкомъ, оставался тѣмъ не менѣе долгое время, обыкновенно до наступленія сенаторской ревизіи, безнаказаннымъ. Для примѣра можно привести Курскій уѣздный судъ, который сенаторомъ Дурасовымъ въ 1850 г. былъ преданъ суду: а) за нарушеніе законовъ о порядкѣ веденія канцелярскихъ книгъ, б) неизвинительную медленность въ дѣлопроизводствѣ, отчего накопилось въ судѣ до тысячи неоконченныхъ дѣлъ, в) незанесеніе въ настольные реестры, въ теченіе двухъ лѣтъ, нѣкоторыхъ дѣлъ, оставшихся во все сіе время въ безгласности, г) представленіе губернскому начальству ежемѣсячно невѣрныхъ вѣдомостей о дѣлахъ, д) утайку въ вѣдомости, представленной въ губернское правленіе къ іюлю мѣсяцу 1850 г., болѣе полутораста дѣлъ уголовныхъ, е) приведеніе уголовной части по суду до крайняго разстройства, ж) записку въ докладные реестры не всѣхъ требовавшихъ доклада бумагъ,

з) несоблюденіе законовъ о составленіи, писаніи, подписаніи и исполненіи журналовъ, между которыми встрѣчаются статьи безъ всякаго по нимъ приказанія, и) составленіе журналовъ позднѣйшими противъ дѣйствительнаго числами, і) подлогъ въ журналѣ 21 февраля 1850 г., въ статьѣ подъ № 1267, к) подачу членамъ къ подписанію журналовъ, уже исполненныхъ, н) рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ съ нарушеніемъ всѣхъ обрядовъ и формъ, для судопроизводства постановленныхъ, о) перевершеніе своею властію собственныхъ рѣшеній, п) превратное исполненіе журнала о выдачѣ просительницѣ Авериной свидѣтельства на полученіе капитала, оставшагося по смерти дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аверина, р) окончательное рѣшеніе корчемныхъ дѣлъ, подлежащихъ ревизіонному ходу, а также принятіе къ своему производству дѣлъ слѣдственныхъ по преступленію должности, с) нарушеніе узаконеній насчетъ веденія и составленія протоколовъ, т) утрату или и истребленіе подлинныхъ судебныхъ опредѣленій и дѣлъ, у) растрату казенныхъ денежныхъ суммъ и передержку, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ къ отправленію въ приказъ общественнаго призрѣнія апелляціонныхъ денегъ, ф) безпорядки по архиву и неосвидѣтельствованіе онаго и, наконецъ, х) за оставленіе безъ огласки и донесенія начальству о множествѣ бумагъ и дѣлъ, найденныхъ заброшенными въ чуланѣ и на чердакѣ въ самомъ жалкомъ и недостойномъ званія присутственнаго мѣста видѣ“ [1]).

Не лучше исполнялъ свои обязанности и Тобольскій окружной судъ. Ревизующіе сенаторы нашли въ немъ: „безпорядки, упущенія и отступленія отъ законоположеній въ производствѣ дѣлъ, превыше всякаго возможнаго чаянія. Здѣсь не законы, но собственный произволъ судей постановлялъ рѣшенія.... и все сіе не было прегражденo поставленными отъ правительства блюстителями“; дѣятельности суда вполнѣ соотвѣтствовало состояніе его канцеляріи, въ которой многія дѣла оказались безъ начала и безъ конца [2]).

Среди безпорядковъ въ судахъ, особенно низшихъ, не послѣднее мѣсто занимала утрата дѣлъ. На это обстоятельство обратила вниманіе комиссія, разсматривавшая годовой отчетъ

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1858 г. № 6858, стр. 1—3.
[2]) Тамъ же, дѣло I-го деп. Сен. 1826 г. № 2413.

министра юстиціи за 1859 г. [1]), вслѣдствіе чего были черезъ губернскихъ прокуроровъ собраны надлежащія свѣдѣнія, которыя лишній разъ дали заглянуть въ самую гущу уѣзднаго чиновничества судебнаго вѣдомства. Конечно картина открывшаяся взору, была малопривлекательна. Для примѣра приведемъ донесеніе ярославскаго губернскаго прокурора: по Ярославской губ. была утрата дѣлъ въ слѣдующихъ присутственныхъ мѣстахъ: а) въ Угличскомъ уѣздномъ судѣ, о покражѣ пряжи. Слѣдствіемъ открыто, что дѣло это было вынесено изъ уѣзднаго суда писцомъ онаго, Жеребцовымъ, для показанія подсудимымъ, которыми и было похищено, при нетрезвомъ состояніи Жеребцова, въ которое онъ былъ приведенъ самими похитителями, б) въ томъ же судѣ не оказывалось долгое время неоконченнаго производства о лѣсоистребленіяхъ, открытыхъ въ 1843 г., но впослѣдствіи времени производство сіе найдено въ архивѣ, куда оно было сдано по ошибкѣ, и в) въ Рыбинскомъ городовомъ магистратѣ открыта утрата дѣлъ объ обидѣ, причиненной рыбинскимъ купеческимъ сыномъ Эльтековымъ митавскому гражданину Штернъ и о неправильной торговлѣ сего послѣдняго шампанскимъ виномъ. Дѣло это было взято помощникомъ столоначальника того магистрата Петровскимъ изъ шкафа, ключъ отъ котораго находился у него, для прочтенія Штерну, но въ квартирѣ послѣдняго Петровскій напился до того, что не помнитъ, какимъ образомъ утратилось дѣло“ [2]).

Самымъ горькимъ зломъ дореформеннаго судебнаго обихода было взяточничество, оно такъ въѣлось въ жизнь и наносило такой ущербъ народу, что лучшіе русскіе люди, мечтая о судебной реформѣ, больше и прежде всего хотѣли изгнать взятки изъ судовъ. Въ одной изъ своихъ статей позднѣйшаго времени И. С. Аксаковъ прямо говоритъ: „мы желали суда, только безъ взятокъ“. О взяткахъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ столько говорилось и писалось, что трудно сказать что-либо новое и едва ли представляется надобность дополнять примѣрами изъ подлинныхъ дѣлъ длинный списокъ случаевъ взяточничества, который каждый легко можетъ составить на основаніи произведеній изящной литературы, всевозможныхъ журнальныхъ и газет-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 4990.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 4990, л. 18.

ныхъ статей и лондонскихъ изданій Герцена второй половины 1850 гг.

По выраженію одного изъ современниковъ той эпохи взятки въ Россіи свирѣпствуютъ эндемически, спорадически и эпидемически; этою язвою заражены всѣ до послѣдняго сторожа и сельскаго писаря. А другой современникъ излилъ по этому поводу свои чувства въ стихотворномъ обращеніи къ московскому генералъ-губернатору:

„Какой-же думаешь ты учредить законъ
Какіе новые установить порядки.
Ужъ не мечтаешь ли, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ перевести иль посягнуть на взятки?
За это не берись; остынетъ гордый пылъ
И сокрушится власть подобно хрупкой стали;
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ
Вѣдь это съ молокомъ мы матери всосали".

Столь же избитое мѣсто говоритъ о господствовавшихъ въ то время ябедѣ и крючкотворствѣ, съ помощью которыхъ и суды и заинтересованныя лица старались безконечно затягивать и запутывать дѣла. Духъ ябеды и крючкотворства геніально воплощенъ Гоголемъ въ лицѣ юрисконсульта, къ которому обратился за совѣтомъ Чичиковъ, когда попалъ въ затруднительное положеніе. „Будьте всегда покойны, поучалъ юрисконсультъ Чичикова, и не смущайтесь ничѣмъ, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаявайтесь; нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня; я всегда покоенъ. Какіе бы ни были взводимы на меня казусы, спокойствіе мое не поколебимо".

Лицо юрисконсульта пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи... „Конечно это первая вещь", сказалъ Чичиковъ. „Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такія дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе".

„Повѣрьте мнѣ, это малодушіе", отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. „Старайтесь только, чтобы производство дѣла было всё основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было и какъ только увидите, что дѣло идетъ

къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтесь не-то, чтобы оправдывать и защищать себя,—нѣтъ, просто спутать новыми вводными обстоятельствами... Спутать, спутать и ничего больше", „ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали бы сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ и ничего больше. И тамъ пусть пріѣзжій петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ".

„Да, хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу", сказалъ Чичиковъ.

„Подберутся обстоятельства, подберутся! повѣрьте, отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше и жалованья имъ больше... Словомъ втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ; да вѣдь имъ же оправдаться... имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно откупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ... Повѣрьте мнѣ, что какъ только обстоятельства становятся критическими, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ?—Потому, что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свое—и губернатора, и вице-губернатора, и полиціймейстера и казначея,—всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутываются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и водятся раки. Всѣ только ждутъ, чтобы запутать". Этими строками дается ясная картина той атмосферы, которой дышали и жили старые суды и обращавшіеся около нихъ практики—юристы [1]). Крайне неудовлетворительное состояніе правосудія до судебной реформы 1864 года не было темнымъ пятномъ на фонѣ свѣтлой государственной дѣйствительности, напротивъ того, оно находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ прочими сторонами тогдашней жизни.

Послѣднія десятилѣтія передъ воцареніемъ Императора Александра II были въ Россіи эпохой полнаго и крайняго господства

---

[1]) Интересный образчикъ стариннаго крючкотворства приводится въ Русскомъ Архивѣ 1870 г. стр. 269; предисловіе написано И. С. Тургеневымъ.

принциповъ полицейскаго государства. Правительство считало необходимымъ проникать всюду и вмѣшиваться даже въ частную жизнь, причемъ, настойчиво придерживаясь охранительнаго направленія, оно заботилось болѣе всего о созданіи сильной власти, главнымъ образомъ въ цѣляхъ поддержанія внѣшняго порядка.

Однимъ изъ основныхъ началъ тогдашней русской жизни было поглощеніе личности государствомъ, которое проходитъ красною нитью черезъ всю русскую исторію, начиная съ возвышенія Москвы и вплоть до великихъ реформъ Императора Александра Николаевича. Въ свое время это вызывалось безусловною необходимостью противостать врагамъ, обложившимъ съ трехъ сторонъ Московское государство—татарамъ и стоявшимъ за ними туркамъ, Литвѣ, Польшѣ и шведамъ и сплотить воедино составныя части русской земли.

Въ концѣ XVIII вѣка были болѣе или менѣе благополучно разрѣшены три важнѣйшіе вопроса традиціонной русской внѣшней политики—Черноморскій, Балтійскій и Польскій—и въ достаточной мѣрѣ укрѣплено единство и внутренній порядокъ въ государствѣ. При такихъ условіяхъ не представлялось уже болѣе надобности въ исконномъ поглощеніи личности русскаго человѣка государствомъ,—естественно было ждать значительныхъ измѣненій и дѣйствительно въ первые годы царствованія Императора Александра I замѣчается опредѣленное стремленіе измѣнить внутренній курсъ государственной машины и прежде всего раскрѣпостить личность, но затѣмъ, грозныя, внѣшнія событія отвлекли всю силу и вниманіе на военныя и дипломатическія дѣла, и положеніе личности въ государствѣ осталось прежнее; послѣ же окончанія великой борьбы съ Наполеономъ, въ силу различныхъ причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто, наступило господство крайне охранительнаго направленія, не представлявшаго изъ себя надлежащей атмосферы для развитія личной свободы. Даже привилегированное сословіе—дворянство, освобожденное отъ обязательной службы еще въ 1762 году и получившее въ 1785 Жалованную Грамоту имѣло нѣкоторыя права лишь въ составѣ своей корпораціи—губернскаго дворянскаго общества, лично же каждый дворянинъ передъ государствомъ и представлявшей его государственной властью былъ почти безправенъ. Его могли всегда назначить на государственную службу и нерѣдко назначали

противъ собственнаго желанія, какъ то дѣлалось и до Жалованной Грамоты.

Такое положеніе, конечно, вызывало недовольство дворянъ, которое высказывалось иногда съ крайней рѣзкостью и остротою; для примѣра можно привести одинъ памфлетъ 1850 г. По его словамъ права дворянства состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ знакъ особой благодати поступать съ малолѣтства въ казенную собственость физически, нравственно и умственно.

2) Поступать на службу, если примутъ.

3) Выйти въ отставку, если выпустятъ.

4) Ѣхать туда, куда позволятъ.

5) Быть избавлену отъ тѣлеснаго наказанія, пока не высѣкутъ [1]).

По выраженію одного изъ русскихъ ученыхъ, законодательство Екатерины II не освободило дворянъ отъ государственной служебной повинности, а лишь перенесло эту повинность съ лица дворянина на губернское дворянское общество, при чемъ одной изъ важнѣйшихъ цѣлей созданія такихъ обществъ было обезпеченіе комплектованія чиновниками многочисленныхъ мѣстныхъ учрежденій.

Избранныя дворянами лица не имѣли политической опоры въ своихъ избирателяхъ и всецѣло подчинялись поставленному надъ ними начальству, они на время сроковъ избранія какъ бы отрывались отъ своей общественной среды, которая и вообще-то не отличалась сплоченностью; при такихъ условіяхъ, конечно, трудно было ожидать общественной поддержки дѣлу управленія и правосудія. Судъ не опирался на общественное сочувствіе и на общественное пониманіе истинной справедливости. Постоянная забота правительства объ усиленіи власти и сохраненіи внѣшняго порядка и покорнаго безмолвія заслоняла другія задачи управленія, и при отсутствіи развитыхъ и сколько нибудь самостоятельныхъ общественныхъ группъ и полномъ поглощеніи личности государствомъ создавалась благопріятная обстановка для развитія чиновничьяго произвола, прикрывавшагося витіеватыми фразами различныхъ отчетовъ и сомнительными цифрами вѣдомостей объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ.

---

[1]) Памфлетъ „Права русскаго народа", напечатанный въ кн. 3-ей Полярной Звѣзды.

Официальная ложь и показная мишура, противъ которыхъ съ такою силою впослѣдствіи возсталъ одинъ изъ искреннѣйшихъ и талантливыхъ сотрудниковъ Царя Освободителя Великій Князь Константинъ Николаевичъ, принимались за дѣйствительность.

На бумагѣ все шло хорошо или по крайней мѣрѣ удовлетворительно, а въ дѣйствительности, которую по временамъ и лишь отчасти вскрывали сенаторскія ревизіи и которую видѣли лучшіе люди, оказывалось полное разстройство едва-ли не всѣхъ сторонъ государственной жизни, а въ томъ числѣ и судебной части.

Россія весьма опредѣленно шла къ кризису, отъ котораго ее могли избавить лишь дружныя усилія правительства и народа. Тѣ изъ русскихъ людей, которые привыкли думать не только о себѣ, но и о родинѣ, понимали всю серьезность существующаго положенія.

Великій писатель земли русской, смѣявшійся сквозь незримыя слезы надъ ея пороками, выразилъ свои мысли по этому поводу въ слѣдующихъ горячихъ строкахъ.

„Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать свою землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ, что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху всеобщаго возстанія народовъ вооружился..., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою-же кровью, я теперь обращаюсь къ вамъ.

Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какоенибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется“...

Другого склада и темперамента человѣкъ, профессоръ Никитенко въ 1843 году записываетъ въ свой дневникъ: „Важную роль въ русской жизни играютъ государственное воровство и такъ называемыя злоупотребленія; это наша оппозиція, нашъ протестъ... Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленій.

Между тѣмъ ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она хочетъ“ [1]).

Паденіе общественной нравственности сдѣлало возможными такія чудовищныя разсужденія, что „совѣсть нужна человѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ высшее начальство“!

IV. Всеобщее отрицательное отношеніе къ состоянію правосудія.

Ко времени вступленія на престолъ Императора Александра Николаевича не было стороны нашего быта въ такой мѣрѣ дискредитированной и признанной всѣми несостоятельной, какъ наша судебная часть.

Идея правосудія какъ будто была чужда нашему обиходу. У насъ существовали иногда суды съ недурнымъ личнымъ составомъ, но вѣры въ святость и силу праваго дѣла не было. У насъ точно по выраженію одного публициста былъ поврежденъ самый органъ всякаго права, общественная совѣсть. Нѣтъ сферы нашей народной жизни, въ которой не сохранилась бы память о людяхъ, честно и энергически, съ знаніемъ и умомъ послужившихъ общему дѣлу. Не сохранилась только память о лицахъ, безстрашно державшихъ вѣсы правосудія. Типъ судьи праведнаго, судящаго и пользующагося общимъ довѣріемъ, чуждъ не только древней, но и новой Россіи вплоть до реформы 1864 года.

Въ отрицательномъ отношеніи къ состоянію правосудія народъ былъ вполнѣ солидаренъ съ государственной властью.

При этомъ конечно каждый по своему выражалъ свое отрицательное отношеніе.

Народныя массы создали рядъ поговорокъ и пословицъ.

---

[1]) Дневникъ, изд. 1904 г. Т. I, стр. 341, 25 мая.

Образованные круги выступали съ художественно-литературными, публицистическими и научными произведеніями, и наконецъ государственная власть издавала указы, назначала ревизіи, отмѣняла и измѣняла судебныя рѣшенія.

По взгляду народному вообще трудно судиться [1])—„не дай Боже лѣчиться, да судиться“, „изъ суда, что изъ пруда, сухой не выйдешь“, „лучше утопиться, чѣмъ судиться“.

При прежнемъ порядкѣ судопроизводства—при неправосудіи, взяточничествѣ и медленности въ разсмотрѣніи дѣлъ, тяжущіеся несли большіе расходы, и часто даже выигранное дѣло вело только къ обогащенію судьи: „судьѣ рыба, а просителю чешуя“, „тяжбу завелъ, сталъ голъ, какъ соколъ“.

Народная мудрость подсказывала не вести тяжбъ съ богатѣями и вліятельными людьми,—„кто борется съ морозомъ, тотъ будетъ безъ уха, кто тяжется съ начальствомъ, тотъ будетъ безъ головы“ или, „не тягайся съ богатымъ, не борись съ сильнымъ“; „коза съ волкомъ тягалась, хвостъ да шкура осталась“, и вообще по возможности избѣгать суда: „умный на судъ не ходитъ, а глупый и съ суда не сходитъ“.

Много поговорокъ говорило о произволѣ и неправосудіи „законы святы, да законники супостаты“ или „законы миротворцы, да законники крючкотворцы“, „судъ что паутина, шмель проскочитъ, а муха увязнетъ“; но особенною ѣдкостью отличаются поговорки, касающіяся взяточничества, которыя были самыми ходовыми: „слова не скажи, только грошъ покажи“, „захочешь добра, подсыпь серебра“, „золотой молотокъ желѣзныя ворота прокуетъ“, „когда карманъ сухъ, тогда и судъ глухъ“, „мздою, что уздою обратишь судью въ твою волю“ и др.

Не менѣе рѣзко и не менѣе страстно осуждала старые судебные порядки интеллигенція.

Начиная съ Петра Великаго въ литературѣ нашей не переставало слышаться обличительное слово, направленное противъ лихоимства, ябеды, беззаконныхъ судей и приказныхъ [2]).

Противъ „застарѣлой неправды“ возставалъ Посошковъ, писалъ сатиры Кантемиръ, былъ созданъ на эту тему цѣлый рядъ памфлетовъ, комедій и другихъ произведеній.

---

[1]) Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ, изд. 1904 года.

[2]) Афанасьевъ „Черты русскихъ нравовъ XVIII ст. Русскій Вѣстникъ 1857 г., т. 10, стр. 623—626, 627—629, 641—644.

Библиотека имени В. И. Даля

Фонвизинъ оставилъ „письма, найденныя по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника Взяткина"; сатирическія изданія XVIII столѣтія, съ самымъ живымъ интересомъ относившіяся ко многимъ общественнымъ вопросамъ, постоянно возвышали свой голосъ противъ неправосудія и взятокъ.

Высмѣивая судей и приказныхъ, „Всякая всячина", издававшаяся секретаремъ Императрицы Козицкимъ, напечатала характерную „нравоучительную заповѣдь подъячимъ", которая даетъ ясное указаніе на тогдашніе пороки чиновничества: 1) „не бери взятокъ", 2) „не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго", 3) „не сотвори крючковъ", 4) „не обходися грубо съ людьми", 5) „не говори челобитчикамъ завтра", 6) „не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣла и законовъ выписей", 7) „не давай наставленій въ ябедѣ", 8) „не напивайся пьянъ", 9) „чеши всякій день голову, ходи чисто", 10) „покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ".

Въ концѣ XVIII в. и въ XIX в. до реформы 1864 г. былъ созданъ рядъ памфлетовъ и комедій на судебные нравы, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ „Ябеда" Капниста, принадлежащая концу XVIII в.

Капнистъ самъ испыталъ на себѣ, что такое были тогдашніе суды и какъ трудно было добиться въ нихъ правды. Онъ испыталъ это въ своемъ дѣлѣ съ полковницею Тарновскою, которое и дало ему матеріалъ для комедіи.

Главными дѣйствующими лицами являются предсѣдатель и члены гражданской палаты, чины ея канцеляріи, лица, имѣющія въ ней дѣло и губернскій прокуроръ; атмосфера, въ которой они дѣйствуютъ—неправосудіе и взяточничество. О предсѣдателѣ одинъ изъ повытчиковъ даетъ такой отзывъ, „что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ".

Не меньшею язвительностію отличается характеристика губернскаго прокурора: „вотъ прямо въ точности всевидящее око... не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ".

Прокуроръ, окруженный сослуживцами, поетъ такой куплетъ собственнаго сочиненія:

„Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что можно только взять;
На что-жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать".

А всѣ хоромъ подпѣваютъ: „брать, брать, брать“.
Отъ прокурора не отстаетъ и предсѣдатель:

„Но надо, чтобъ уйти прижимки
И чтобъ не оплошать,
Перчатки невидимки
На мигъ не скидывать“...

Въ такомъ духѣ написана вся комедія.

По преданію „Ябеда“ впервые была дана на придворномъ театрѣ въ Павловскѣ, при чемъ очень понравилась Императору Павлу Петровичу. Успѣхъ комедіи былъ вообще весьма большой, и она выдержала подрядъ нѣсколько представленій, возбудивъ много разговоровъ и толковъ.

Литература начала XIX вѣка охотно повторяла тѣ же мотивы, на что конечно наталкивала ее неизмѣнность нравовъ судебной среды,—одна изъ сатиръ той эпохи начинается четверостишіемъ:

„О злые времена, о нравы!
Вездѣ плутни и обманъ,
Прочь законы и уставы,
Судьямъ только дай въ карманъ“.

Гоголь въ двухъ мѣстахъ своихъ произведеній далъ блестящія характеристики низшихъ судебныхъ мѣстъ: въ повѣсти „Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ и въ „Ревизорѣ“, гдѣ оцѣнку дѣятельности уѣзднаго суда Гоголь вкладываетъ въ уста самого уѣзднаго судьи Ляпкина-Тяпкина, который въ ожиданіи ревизора произноситъ слѣдующій монологъ: „Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ уже пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку, только рукою махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда, что неправда“. Чувство художественной мѣры оградило Гоголя отъ преувеличенія: его судья не представляетъ изъ себя крайне циничнаго взяточника, въ духѣ „Ябеды“; правда, Ляпкинъ-Тяпкинъ беретъ взятки, но чѣмъ — „борзыми щенками“ и тѣмъ, что охотится на земляхъ лицъ, имѣющихъ у него тяжбы.

Столь-же отрицательное отношеніе къ старому судебному строю проходитъ красною нитью и черезъ дальнѣйшую лите-

ратуру, — этой темѣ немало удѣляютъ вниманія Писемскій, Островскій, Некрасовъ, Щедринъ и др. Приведемъ небольшую выписку изъ произведеній послѣдняго писателя (Сатиры въ прозѣ, Литераторы—обыватели), который вообще отличается глубокимъ знаніемъ служебнаго быта провинціальной чиновничьей среды.

„Справедливо гласитъ русская пословица: „не бойся суда, а бойся судьи"; мудрость этого изреченія приходится испытывать на бокахъ нашихъ! Какъ бы вы думали, чьимъ рукамъ ввѣрены у насъ вѣсы Ѳемиды? Я не буду ни слова говорить о личныхъ качествахъ нашихъ „судей праведныхъ".... Богъ съ ними! Быть можетъ, всѣ они хорошіе семьяне, подаютъ нищей братіи, неуклонно исполняютъ христіанскія обязанности—все это остается при нихъ! Но способны ли они, но имѣютъ ли они право судить подобныхъ себѣ? — вотъ вопросъ! Для разрѣшенія этого вопроса позвольте мнѣ представить вамъ портретную галлерею нашихъ „судей праведныхъ". Предупреждаю: не ищите въ этихъ портретахъ остроумія—ищите одну истину, одну голую истину! Судья отличный человѣкъ; тученъ до того, что даже когда, ничего не дѣлая, сидитъ въ креслахъ, то и тутъ, черезъ какихъ нибудь полчаса, такъ запыхается, какъ будто бы, не кормя, во весь духъ тридцать верстъ проскакалъ. Недурные люди и засѣдатели: придутъ въ судъ и слоняются изъ угла въ уголъ, покуда секретарь почти насильно не засадитъ ихъ за докладной и не заставитъ резолюціи переписывать. Казалось бы работа не головоломная, но и тутъ бываютъ смѣхотворные случаи. На дняхъ одинъ засѣдатель, переписывая съ черновой довольно длинную резолюцію, занимавшую двѣ страницы, что бы вы думали ухитрился сдѣлать? Началъ съ оборота листа, а кончилъ началомъ! И это бываетъ сплошь, да рядомъ! А другой засѣдатель, чтобъ избѣжать надзора секретаря, безпрестанно, какъ школьникъ, бѣгаетъ въ сторожевскую, гдѣ проводитъ время въ разговорахъ съ сторожами и арестантами. Вообще довольно любопытно заглянуть въ нашъ судъ и видѣть, какъ наши „судьи праведные" сидятъ за докладными и, пыхтя и потѣя, безсознательно списываютъ резолюціи съ листочковъ, на которыхъ онѣ предварительно пишутся секретаремъ, между тѣмъ, какъ мысль ихъ „далече отстоитъ" отъ предмета ихъ занятій".

У того же писателя есть рядъ прекрасныхъ эскизовъ о производствѣ слѣдствій.—Выводится уѣздный врачъ Иванъ Петровичъ, который былъ виртуозомъ взяточничества.

„Утонулъ ли кто въ рѣкѣ, съ колокольни ли упалъ и расшибся — все это ему рука..... И какъ бы вы думали: ну, утонулъ человѣкъ, расшибся; кажется, какая тутъ корысть, чѣмъ тутъ попользоваться? А Иванъ Петровичъ зналъ чѣмъ. Пріѣдетъ въ деревню, да и начнетъ утопленника то пластать; натурально, понятые тутъ и фельдшеръ тоже, собака такая, что хуже самого Ивана Петровича.

— „А ну-ка ты, Гришуха, держи-ка покойника-то за носъ, чтобъ мнѣ тутъ ловчѣе было.

„А Гришуха (изъ понятыхъ) смерть покойника боится, на пять саженъ и подойти-то къ нему не смѣетъ.

— „Ослобони, батюшка Иванъ Петровичъ, смерть не могу, нутро измираетъ!

„Ну и освобождаютъ, разумѣется, за посильное приношеніе. А то другого заставляетъ внутренности держать. Сами разсудите, кому весело мертвечину ослизлую въ рукахъ имѣть,—ну и откупаются полегоньку; анъ, глядишь, и наколотитъ Иванъ Петровичъ рубликовъ десятокъ; а и дѣло-то все пустяковое.

Не лучше были и другіе уѣздные чиновники, одинъ изъ нихъ разсказываетъ: „А то была у насъ и такая манера: заведешь, бывало, слѣдствіе, примѣрно хоть по конокрадству; облупишь мошенника, да и пустишь на волю. Смотришь черезъ мѣсяцъ опять попался — опять слупишь и опять выпустишь. До тѣхъ, сударь, поръ этакъ дѣйствуешь, покуда на голубчикѣ, что называется лягушечьяго пуха не останется. Ну тогда ужъ шалишь, любезный, ступай въ острогъ и взаправду. Оно, вы скажете, скверно преступника покрывать, а я вамъ доложу, что не покрывать, а примѣрно, значитъ, пользоваться обстоятельствами дѣла. Вѣдь мы знаемъ, что онъ нашихъ рукъ не минуетъ, такъ отчего жъ и не потѣшить его?“

Во всѣхъ цитированныхъ произведеніяхъ выводятся рѣзко отрицательные типы дореформенной чиновничьей среды, выводятся болѣе или менѣе дурные люди, отъ которыхъ трудно и ожидать чего либо хорошаго, но еще болѣе сильное впечатлѣніе производятъ такія картины, въ которыхъ дѣйствуютъ по-

рядочные люди, склонившіеся подъ вліяніемъ обстоятельствъ и внѣшнихъ условій, къ дурнымъ поступкамъ.

Къ такимъ произведеніямъ надо отнести судебныя сцены И. С. Аксакова „Присутственный день уголовной палаты", дающія замѣчательную картину внутренней жизни палаты и отправленія въ ней правосудія.

Предсѣдатель, засѣдатели палаты и даже секретарь—недурные люди, но о правосудіи они весьма мало заботятся. Одинъ засѣдатель, прослужившій въ этой должности 17 лѣтъ, поучаетъ другого: „Да вы не читайте, такъ подписывайте.... дѣлайте какъ я.... оно и для совѣсти то спокойнѣе, ей Богу! Вѣдь по правдѣ сказать, что толку, что вы прочтете приговоры или нѣтъ? Дѣла же вы всетаки читать не станете!.... Я вамъ всю мудрость открою.... Первое дѣло—это чтобъ секретарь былъ хорошій и добрый, ну и не очень корыстный. Коли секретарь человѣкъ знающій, дѣло-то и ладно, ужъ онъ присутствующихъ ни подъ выговоръ, ни подъ штрафъ и не подведетъ.... Я вѣдь вотъ какъ разсуждаю: вѣдь на что-нибудь секретарь да заведенъ, вѣдь коли бы мы и дѣла стали читать, и законы пріискивать, и резолюціи всѣ сочинять, такъ тогда зачѣмъ и секретарь? Не нужно секретаря, прочь его. Вѣдь законы то не дураками писаны. Такъ оно-то и значитъ, что все это дѣло секретарское, а не наше. Такъ ли?

На это другой засѣдатель возражаетъ:

Конечно такъ, однакожъ для чего нибудь мы здѣсь да сидимъ?

1-й засѣдатель;

Да такъ, для порядку".

И затѣмъ оба засѣдателя успокаиваются на той мысли, что вѣдь за ихъ рѣшеніями наблюдаютъ и прокуроры и губернаторъ и „за неправое рѣшеніе кто отвѣчаетъ—не мы одни, и они также. У насъ оттого и заведеніе такое, коли прокурору что въ рѣшеніи не нравится или губернатору, такъ мы домашнимъ образомъ и переправляемъ дѣла. Что его въ Сенатъ таскать. Зато ужъ если всѣ промахнемся или дѣло рѣшимъ криво, такъ ужъ всѣ молчокъ, другъ друга не выдадимъ, все шито да крыто; дѣло то вѣдь общее"....

Судебныя сцены И. С. Аксакова представляютъ изъ себя переходъ отъ художественнаго воспроизведенія дореформенныхъ

судебныхъ нравовъ къ длинному ряду публицистическихъ произведеній на ту же тему.

Много горькихъ словъ о неправосудіи было сказано, много искреннихъ и горячихъ страницъ написано, особенно въ первые годы царствованія Императора Александра II.

Съ разнымъ конечно талантомъ, но съ одинаковымъ усердіемъ множество лицъ критиковало со всѣхъ точекъ зрѣнія дореформенный судебный строй,—указывали, что онъ цѣликомъ основанъ на бюрократическихъ началахъ старой Россіи, что поэтому населеніе не довѣряло суду, и обыватель страшился не столько наказанія, сколько судебнаго вѣдомства; что въ Россіи уголовный судъ есть мертвый механическій процессъ, „хотя предметъ его суда — человѣкъ, жизнь и страсти человѣка", что ото всего нашего судебнаго обихода вѣетъ лишь безнадежной скукой, что наша судебная система отжила давно свой вѣкъ. Публицисты восклицали, что у нихъ нехватаетъ словъ, чтобы изобразить мрачную пучину зла, которое гнѣздится въ нашемъ судопроизводствѣ и „подобно раку и Антонову огню точитъ.... силы русскаго народа". По удачному выраженію одного изъ нихъ „законность терялась до реформы 1864 г. въ лабиринтѣ безконечной переписки, правосудіе изнывало при закрытыхъ дверяхъ, право задыхалось въ глухой таинственности—книги этому помочь не могутъ, единственно только гласность, устность и свобода печати. Безъ гласности и устности судъ ни что иное, какъ подкрадывающаяся въ темнотѣ змѣя, распространяющая трепетъ и ужасъ. Каждый обвиняемый съ момента своего вызова въ судъ подвергался пыткѣ; его мучили страхъ, сомнѣнія, неопредѣленность, потому что правота его не защищала, а справедливость являлась лишь случаемъ" [1]).

Двадцать лѣтъ спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 года одинъ изъ искреннѣйшихъ русскихъ публицистовъ И. С. Аксаковъ, по личной своей службѣ знакомый съ прежними учрежденіями, восклицалъ: „старый судъ"! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ [2]).

---

[1]) Ein Wort zu den Reformen in Russland, v. Slepoff. Leipzig, 1865 г., стр. 67 и 69.

[2]) И. С. Аксаковъ. Собр. соч., т. IV, стр. 525. Не менѣе яркую характеристику стараго судебнаго строя даетъ Леруа-Болье: Le tribunal, entouré de ténèbres, était devenu une sorte de comptoir, où l'on trafiquait sans honte des biens et de la liberté des hommes.

Среди представителей науки не было такого единодушія въ оцѣнкѣ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ,—правда, критика раздавалась и изъ этого лагеря, но съ другой стороны находились и защитники дѣйствовавшей судебной системы и въ особенности слѣдственнаго процесса.

Не имѣя возможности отвести достаточно мѣста изложенію взглядовъ старыхъ представителей официальной науки, ограничимся воспроизведеніемъ основныхъ точекъ зрѣнія лишь двухъ авторовъ, по одному съ каждой стороны, — Н. Гартунга и С. Баршева.

Гартунгъ въ своей интересной „Исторіи уголовнаго судопроизводства и судоустройства Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, приноровленной къ университетскому курсу", шагъ за шагомъ подвергаетъ научному анализу важнѣйшіе институты дореформеннаго судебнаго строя[1]). Такъ, онъ останавливается подробно на роли полиціи въ дѣлѣ отправленія правосудія и на отдѣленіи слѣдствія отъ суда и замѣчаетъ, что „предоставленіе полиціи вчинять производство слѣдствія тяжелымъ гнетомъ давило общество и заставляло полицію вмѣшиваться во все и привязываться ко всему..... это превращало полицію въ страшилище. Все во власти полиціи, которая и вчиняетъ дѣло и собираетъ данныя, на которыхъ основывается потомъ судъ,— вотъ прямое послѣдствіе отдѣленія слѣдствія отъ суда".

Осужденіе Гартунга вызываетъ пестрота и сложность подсудности и весьма несправедливый порядокъ восхожденія дѣлъ по инстанціямъ, при которомъ лицамъ непривилегированныхъ

Les scribes ou avoués (striaptchi), chargés des intérêts des parties, n'étaient guère que des courtiers entre juges et plaideurs. Les sentences étaient à l'encan; les symboliques balances de la justice servaient moins à peser les droits et les titres que les offres et les présents des parties.

Le juge intègre était celui, qui recevait des deux mains et des deux parties sans vendre ses decisions ni à l'une, ni à l'autre.....

Un propriétaire avait un procés, son affaire était excellente, le président du tribunal était son ami, et de plus un homme aussi estimè que pouvait l'être un juge. Le plaideur n'osait, selon l'usage, graisser la patte du magistrat, qui ne cessait de lui répéter: „Ne vous préoccupez de rien, votre cause n'est pas douteuse". Vient le jour où le tribunal rend son arrêt, notre propriétaire est condamné. „Mon ami, lui dit le juge à la sortie de l'audience, votre affaire est si bonne que nous pouvons bien laisser à votre adversaire le plaisir de gagnes en première instance". Leroy-Beaulieu. L'empire des Tsars et les Russes. Tome II. Livre IV. Chap. I. Page 291.

[1]) „Исторія" Гартунга, изд. 1868 г., но изъ текста ея можно заключить, что это курсъ, который читался ранѣе 1864 года.

сословій предоставлялось жаловаться на осуждающіе ихъ приговоры лишь по исполненіи надъ ними тяжкаго тѣлеснаго наказанія; затѣмъ въ помянутой работѣ имѣются весьма основательныя указанія на недостатки засѣдателей отъ сословій въ качествѣ судей и на полную безполезность сословныхъ депутатовъ при производствѣ слѣдствій, роль которыхъ и по самому закону была весьма ограниченной.

С. Баршевъ въ 1842 г. выступилъ защитникомъ существующаго судебнаго строя въ статьѣ „О преимуществѣ слѣдственнаго процесса передъ обвинительнымъ“ [1]); онъ съ большою силою своего несомнѣннаго діалектическаго таланта, восхваляетъ дѣйствующее судопроизводство, приводя и группируя преимущественно общеизвѣстныя доказательства достоинствъ слѣдственнаго процесса.

Разсмотрѣвъ обвинительную и смѣшанную форму процесса, Баршевъ пишетъ, „гораздо простѣе и сообразнѣе съ цѣлью представляются у насъ и во всѣхъ важнѣйшихъ германскихъ государствахъ..., гдѣ все дѣлается самимъ слѣдователемъ и самими судьями ex officio..., такъ какъ слѣдователь не судитъ о тѣхъ дѣлахъ, по которымъ онъ производитъ слѣдствіе, то отъ того, что онъ соединяетъ въ себѣ и роль обвинителя ни государство, ни подсудимый ничего не проигрываютъ, напротивъ, оба даже выигрываютъ потому, что въ этомъ случаѣ слѣдователю уже никто не мѣшаетъ въ производствѣ слѣдствія, отчего оно и не можетъ не итти быстрѣе и успѣшнѣе... Средствъ защиты подсудимый въ слѣдственномъ процессѣ имѣетъ даже болѣе, нежели гдѣ нибудь. О доставленіи ихъ обязанъ заботиться даже самъ слѣдователь, потому что цѣль слѣдственнаго процесса состоитъ не въ обвиненіи подсудимаго, а въ дознаніи высочайшей матеріальной истины“. Къ преимуществамъ слѣдственнаго процесса Баршевъ относитъ, во-первыхъ, ту независимость и самостоятельность, съ которыми производятъ уголовныя дѣла слѣдователь и судья и которыхъ они не имѣютъ ни въ чисто обвинительной, ни въ смѣшанной формѣ: главнымъ же образомъ то, что въ системѣ слѣдственной дѣло переходитъ само собою чрезъ многія инстанціи, а въ другихъ нѣтъ.

---

[1]) Юридическія записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ, т. II, 1842 г.

По мнѣнію Баршева процессъ слѣдственный совершенно неправильно считается несовмѣстимымъ съ гражданскою свободою. Правда, продолжаетъ Баршевъ, съ перваго взгляда представляется, что гдѣ судъ по преступленіямъ ввѣряется народнымъ судьямъ, личная свобода ограждается болѣе, нежели тамъ, гдѣ онъ предоставляется короннымъ судьямъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Народные судьи, если и свободны отъ вліянія государственной власти, зато они всегда находятся подъ вліяніемъ духа партій и, кромѣ того, весьма часто сами лично бываютъ прикосновенны къ тѣмъ дѣламъ, о которыхъ судятъ.

Наконецъ, если даже допустить, что народные судьи наименѣе способны къ злоупотребленіямъ, то и въ этомъ случаѣ ихъ судъ нельзя было-бы признать образцовымъ. Въ присяжные избираются обыкновенно люди, которые не имѣютъ никакихъ свѣдѣній въ правѣ. Эти свѣдѣнія считаются совершенно ненужными для нихъ оттого, что на нихъ возлагается рѣшеніе по одному внутреннему убѣжденію, только такъ называемыхъ фактическихъ вопросовъ, а для этого признается достаточнымъ одинъ здравый смыслъ. Но справедливо ли это? Въ началѣ государствъ, когда общественныя и всѣ житейскія отношенія еще слишкомъ просты, и когда право не скрывается въ мертвыхъ письменахъ и буквахъ, а живетъ въ общественномъ обычаѣ, достаточно конечно одного здраваго смысла и внутренняго убѣжденія для того, чтобы найти простой и справедливый приговоръ. Но въ наше время, когда общественныя отношенія сдѣлались многосложнѣе и запутаннѣе и когда повсюду дѣйствуетъ писанный законъ, необходимо имѣть, при здравомъ смыслѣ и внутреннемъ убѣжденіи, еще основательное познаніе въ законахъ, дабы быть въ состояніи исполнять, какъ должно, трудную обязанность судьи.

Что же можетъ быть хуже и ненадежнѣе этихъ судей? Сужденія т. н. здраваго смысла не всегда и не у всѣхъ одинаковы.

Безъ всякаго отчета и отвѣтственности они даютъ свои приговоры и при томъ такъ, что однажды данные, они считаются неопровержимыми.

Противъ нихъ нѣтъ ни ревизіи, ни апелляціи, ниже другого какого-нибудь средства, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ случаевъ. Не лучше ли поэтому то судопроизводство, гдѣ сколько воз-

можно менѣе представляется произволу судей и гдѣ они всѣ свои приговоры обязываются утверждать на законахъ? Въ этомъ судопроизводствѣ осуждаетъ уже не судья, а законъ; и если онъ, по ошибкѣ или злоупотребленію,—приводится неправильно, то это можетъ быть тотчасъ замѣчено и исправлено въ этой же инстанціи или въ другой, куда дѣло переходитъ само собою.

Безстрастенъ и равнодушенъ, какъ законъ, долженъ быть судья, въ рукахъ котораго находится жизнь, честь, свобода и другія важнѣйшія блага его согражданъ. Всякое другое чувство, кромѣ строгаго и неумолимаго правосудія, должно быть ему чуждо.

Затѣмъ Баршевъ горячо возстаетъ противъ публичности и устности процесса: въ первой онъ не видитъ никакой пользы потому, что присутствующая публика обыкновенно не обладаетъ надлежащими познаніями въ законахъ и вообще образованіемъ, при наличности котораго только и возможенъ надзоръ общества за судьями; что-же касается устности, то Баршевъ положительно противъ нея, такъ какъ она даетъ возможность заинтересованнымъ лицамъ „стакиваться“ и ведетъ, по его мнѣнію, только къ развитію безполезной адвокатской риторики, могущей вредно вліять на менѣе опытныхъ судей.

Мнѣнія этого несомнѣнно даровитаго теоретика системы официальнаго благополучія и полнаго довольства существующимъ порядкомъ не раздѣлялось большинствомъ людей практики, даже и такихъ, которые уже по самому положенію своему были весьма далеки отъ какого-бы то ни было радикализма.

Сенаторы, ревизовавшіе губерніи, единодушно свидѣтельствовали о полномъ разстройствѣ правосудія. По картинному выраженію одного изъ нихъ „единственно успѣшный способъ заключенія многихъ уголовныхъ дѣлъ—это давность“.

Даже послѣ реформы 1864 г. старыя судебныя мѣста, гдѣ они сохранились, несмотря на нѣкоторыя улучшенія, внесенныя въ ихъ дѣятельность правилами 1865 г., дѣйствовали крайне неудовлетворительно, вызывая къ себѣ самое отрицательное отношеніе такихъ безпристрастныхъ и компетентныхъ наблюдателей, какъ ревизующіе сенаторы [1]).

[1]) См. крайне любопытное опредѣленіе Сената, по донесенію сенатора Клушина, ревизовавшаго Пермскую губернію въ 1870 г., напечатанное въ 1914 г. въ Журн. Мин. Юстиціи.

Столь-же отрицательно относилось къ дѣятельности дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ и правящая среда. Суды отъ низшихъ до высшихъ не пользовались довѣріемъ правительства, поэтому нерѣдко судебныя дѣла, вопреки точному смыслу закона, разрѣшались административнымъ порядкомъ [1]). Извѣстенъ цѣлый рядъ Высочайше утвержденныхъ положеній Комитета Министровъ, которыми видоизмѣнялись, а иногда и совершенно отмѣнялись приговоры Сената, постановленные имъ въ качествѣ ревизіонной инстанціи; при этомъ нельзя не замѣтить, что нерѣдко рѣшенія Комитета кажутся намъ болѣе соотвѣтствующими понятію правосудія и справедливости, нежели рѣшенія Сената.

И это совершенно понятно. Комитетъ Министровъ не былъ въ такой мѣрѣ связанъ, какъ Сенатъ, теоріей формальныхъ доказательствъ и другими отжившими постановленіями нашего законодательства. Сенату его „Учрежденіемъ“ предписывалось буквальное примѣненіе закона и строго воспрещалось не только дѣятельность преобразовательная, но и сколько нибудь свободное толкованіе закона, тогда какъ Комитетъ Министровъ не былъ стѣсненъ такими ограниченіями и во имя требованій жизни могъ допускать изъятіе изъ закона, а въ случаѣ надобности имѣлъ возможность немедленно-же создавать новыя нормы, въ формѣ Высочайше утвержденныхъ положеній. Императоры Александръ I и въ особенности Николай I очень интересовались ходомъ судебныхъ дѣлъ въ Сенатѣ и мѣстныхъ судахъ, просматривали представлявшіяся Имъ поэтому поводу вѣдомости, обращались къ Сенату съ побуждающими указами, гнѣвались на судебную волокиту.

Иногда Монаршая критика судебной дѣятельности звучитъ очень строго; такъ, напримѣръ, въ указѣ министру юстиціи отъ 13 февраля 1823 г. говорится: „Указомъ, 28 іюня истекшаго года даннымъ, по дѣлу объ убійствѣ Курской губерніи Льговскаго уѣзда дворянки дѣвицы Алтуховой, повелѣвъ Правительствующему Сенату, по надлежащимъ вопросамъ, очнымъ ставкамъ и церковному увѣщанію, постановить приговоръ и учинить рѣшеніе по законамъ, какъ о самомъ преступникѣ и

[1]) Ср. Колмакова, „Старый Судъ“, Русская Старина, 1886 г., № 12, гдѣ приводятся очень интересныя данныя о старыхъ судебныхъ порядкахъ.

соучастникахъ его, такъ и о тѣхъ, коихъ небреженіемъ или пристрастіемъ обстоятельства дѣла сего были сокрыты отъ дѣйствія правосудія,—Я предоставилъ ему всѣ способы кончить сіе важное дѣло безъ потери времени.

Но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не произошло въ Сенатѣ ничего, кромѣ преній безполезныхъ и такихъ вопросовъ губернскому начальству, кои, не служа прямо къ изобличенію въ преступленіи, удобны лишь запутать дѣло и отдалить окончаніе онаго на время неопредѣленное. Я поручаю Вамъ объявить Сенаторамъ сіе замѣчаніе, отклонить отъ дѣла сего все, что не ведетъ существенно къ тѣмъ удостовѣреніямъ, какихъ требуютъ обстоятельства онаго, и наблюсти, чтобъ оно рѣшено было безъ послабленія на основаніи законовъ [1])".

V. Сознаніе необходимости судебной реформы.

Всеобщее отрицательное отношеніе къ существующему судебному строю естественно приводило къ мысли о необходимости судебной реформы. Сперва эта мысль была достояніемъ немногихъ—наиболѣе просвѣщенныхъ и понимавшихъ государственныя надобности людей, но постепенно она болѣе и болѣе распространялась и къ концу пятидесятыхъ годовъ XIX в. стала единодушнымъ желаніемъ всѣхъ сколько нибудь развитыхъ группъ населенія.

Вопросъ объ улучшеніи судебныхъ порядковъ весьма опредѣленно интересовалъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей въ первую половину царствованія Александра Павловича, которая вообще представляется намъ временемъ необычайнаго оживленія политической мысли, но внѣшнія событія и послѣдовавшая затѣмъ эпоха застоя отодвинули всѣ преобразовательныя въ этомъ отношеніи намѣренія и желанія на задній планъ. Въ 20-хъ годахъ идея судебной реформы, въ связи съ другими преобразованіями, весьма занимала многихъ членовъ тайныхъ обществъ, участвовавшихъ впослѣдствіи въ декабрьскомъ возстаніи—1825 г.,

[1]) Сборникъ Истор. матеріаловъ, извлечен. изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцел. т. VI, стр. 93 и 94. Высочайшія повелѣнія по гражданской части 1823 года.

причемъ они хотѣли реформы на тѣхъ приблизительно основаніяхъ, на которыхъ она проведена была впослѣдствіи при Императорѣ Александрѣ II.

Въ особенности подробно останавливался на этомъ вопросѣ Никита Муравьевъ, признававшій необходимымъ отдѣленіе судебной власти отъ административной, судъ присяжныхъ и пр.

Приблизительно въ то же время вопросъ о судебной реформѣ занималъ и государственныхъ людей,—предсѣдатель Государственнаго Совѣта В. П. Кочубей составлялъ проектъ объ учрежденіи „мирныхъ судей", которые должны разбирать всѣ споры и тяжбы, руководствуясь болѣе совѣстью и здравымъ разсудкомъ, нежели формами, но рѣшенія ихъ становились обязательными лишь по дѣламъ менѣе важнымъ [1]).

Извѣстный адмиралъ Мордвиновъ, обсуждая въ одной изъ своихъ записокъ вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ министерскаго и коллегіальнаго управленія, подробно останавливается на необходимости отдѣленія судебной власти отъ административной.—„Всегда и вездѣ, пишетъ онъ, признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой. Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣйшимъ можетъ почесться то, гдѣ лица и мѣста, въ предметахъ ихъ должностей и занятій, не имѣютъ никакого между собою смѣшенія". „Между европейскими державами почитается самымъ худшимъ правленіе турецкое, потому что тамъ не судья судитъ, но паша. Онъ рѣшаетъ дѣла тяжебныя о собственности и казнитъ виновныхъ не по приговору судебному, коего основаніемъ суть законы, но по собственному своему произволу. Такое нераздѣленіе властей въ турецкомъ правительствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ; повсемѣстно-же водворились дикость, уныніе и нищета. Гдѣ поучали Платоны и Сократы, тамъ кружатся съ крикомъ

[1]) М. А. Филипповъ. Судебная реформа въ Россіи, т. I.

дервиши и бѣснуются юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми... Столь пагубно есть смѣшеніе властей, предпоставленныхъ для созданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ царствъ земныхъ".

Еще болѣе заслуживаютъ вниманія соображенія статсъ-секретаря Балугьянскаго [1]), высказанныя имъ въ „Разсужденіи объ учрежденіи губерній", внесенномъ въ „Комитетъ 6-го декабря 1826 года" по Высочайшему повелѣнію отъ имени неизвѣстнаго.

Кореннымъ недостаткомъ современнаго ему порядка управленія Балугьянскій признавалъ „произволъ и деспотизмъ всѣхъ чиновниковъ отъ министра до послѣдняго". „Въ нашемъ вѣкѣ гдѣ деспотизмъ? спрашиваетъ онъ, въ царяхъ? Взглянемъ на европейскихъ государей. Гдѣ деспотизмъ? Онъ есть въ управляющихъ мѣстахъ и лицахъ, дѣйствующихъ съ совершенно неопредѣленною властью въ замѣшательствѣ порядка и въ производствѣ дѣлъ".

Но, „всѣхъ болѣе несовершенною" считаетъ Балугьянскій „судную часть". Подчиненность судебныхъ мѣстъ губернатору, опредѣленіе судей посредствомъ выборовъ, крайняя медленность производства дѣлъ, обусловленная тѣмъ, что, при чрезвычайной ограниченности власти судовъ первой и второй степени, всѣ дѣла обращаются въ Сенатъ, и тяжбы дѣлаются безконечными— таковы существенные, по мнѣнію Балугьянскаго, недостатки нашего стараго судопроизводства.

Безъ независимости судебной власти отъ правительственной, говоритъ онъ, нѣтъ законнаго правосудія. Необходимость отдѣленія судебныхъ дѣлъ отъ правительственныхъ не подлежитъ въ нашемъ вѣкѣ никакому сомнѣнію. Всякій чувствуетъ, что тамъ, гдѣ губернаторъ можетъ дать повелѣнія судьямъ судить то или другое, пересматривать ихъ приговоры, остановить исполненіе, тамъ не законъ царствуетъ, а произволъ. Въ цѣлой Европѣ безъ всякаго изъятія, да и у Римлянъ и въ древней Греціи, судная часть отдѣлена была отъ правительственной, и не только чтобы начальники сей послѣдней могли остановлять или пересматривать ихъ рѣшенія, они обязаны исполнять ихъ приговоры безпрекословно. Только у дикихъ необразованныхъ народовъ соединяетъ одинъ начальникъ всѣ

[1]) Коркуновъ. Сборникъ статей, стр. 134—139.

власти. Судная власть сама по себѣ составляетъ одну изъ трехъ главныхъ частей верховной власти.

Всѣ прочія управленія суть только подраздѣленія части исполнительной, слѣдовательно судная власть занимаетъ послѣ законодательной второе мѣсто въ государствѣ. Она не можетъ имѣть равное устройство съ управляющимъ мѣстами. Величество закона требуетъ, чтобы приговорамъ оной повиновались всѣ прочія управленія. Если судебные приговоры требуютъ исправленія, то для сего существуетъ по гражданскимъ дѣламъ апелляція, по уголовнымъ—ревизія въ высшихъ степеняхъ суда. На что же вмѣшаніе губернатора, мало или совсѣмъ не свѣдущаго въ законахъ, или по крайней мѣрѣ не знающаго производства всего дѣла, о которомъ онъ судить долженъ? Если общія жалобы, что законы не исполняются, имѣютъ какую то основательность, то причина оной состоитъ въ совершенной ничтожности судейской власти.

Для устраненія всѣхъ этихъ недостатковъ Балугьянскій находилъ необходимымъ положить въ основу предполагаемаго преобразованія судебнаго устройства самостоятельность суда и независимость судей.

Переносъ судебныхъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ не долженъ допускаться. На Высочайшее усмотрѣніе вносятся въ видѣ исключенія только приговоры „къ лишенію жизни или чести дворянъ, случаи оскорбленія Величества или измѣны, случаи о имуществѣ Царской Фамиліи“. Функціи министра юстиціи, которому Балугьянскій предполагалъ присвоить званіе канцлера, находя генералъ-прокурорское званіе для него неприличнымъ, ограничиваются только судебнымъ управленіемъ. „Министерство не можетъ ни перевершивать, ни разсматривать приговоровъ самыхъ низшихъ судовъ,... или предлагать свое мнѣніе Сенату“ (парагр. 3). Сенатъ долженъ былъ стать кассаціоннымъ судомъ: „не судить о существѣ тяжбы или судьбѣ подсудимаго по апелляціи, но уничтожить производство въ случаѣ неправильнаго примѣненія закона къ дѣлу или нарушенія формы и велѣть разсмотрѣть дѣло другому суду“. „Всѣмъ судамъ высшимъ и меньшимъ не зависѣть отъ какой нибудь власти, кромѣ власти судебнаго сената“. Поэтому мѣстныя судебныя установленія „совершенно изъемлются изъ подъ власти губернатора и губернскаго правленія“.

Кромѣ всего этого, для большаго обезпеченія самостоятельности судебной власти Балугьянскій предполагалъ еще реформировать прокуратуру, пріурочивъ ее исключительно къ судамъ и ограничивъ функціи ея тѣмъ, чтобы: 1) имѣть бдѣніе о сохраненіи порядка въ судопроизводствѣ, законами предписаннаго; 2) вести казенныя тяжбы и сохранять при каждомъ случаѣ права правительства; 3) преслѣдовать преступниковъ, дѣлать слѣдствіе и пр.; 4) наблюдать за исполненіемъ приговоровъ суда".

Наконецъ Балугьянскій проектировалъ также образованіе особыхъ органовъ судебной полиціи: „исполненіе судебныхъ приговоровъ по дѣламъ тяжебнымъ поручается приставамъ, коихъ древнее званіе возобновляется" (парагр. 21).

Для обезпеченія судейской независимости онъ находилъ нужнымъ всѣхъ судей, какъ назначаемыхъ отъ правительства, такъ и выборныхъ сдѣлать пожизненными.

Согласно этимъ общимъ руководящимъ началамъ, Балугьянскій предлагалъ слѣдующую организацію судебныхъ установленій.

Во главѣ всей судебной власти верховный судъ или судебный сенатъ, вѣдающій: 1) уничтоженіе приговоровъ апелляціонныхъ судовъ; 2) разрѣшеніе сомнѣній о подсудности и пререканія судебной власти; 3) сужденіе преступленій противъ Величества. Онъ раздѣляется на три департамента: 1) гражданскихъ дѣлъ, 2) уголовныхъ и 3) прошеній. Сенаторы назначаются изъ предсѣдателей судныхъ палатъ.

Вслѣдъ за Сенатомъ слѣдуютъ „палаты судныя", учреждаемыя на двѣ губерніи по одной и раздѣляющіяся на департаменты гражданскаго и уголовнаго суда. Палаты состоятъ изъ одного перваго предсѣдателя, двухъ предсѣдателей и по десяти судей, опредѣляемыхъ Высочайшею властью пожизненно.

Уѣздный судъ учреждается на одинъ, два или даже три уѣзда. Онъ также раздѣляется на два департамента, тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, и состоитъ изъ предсѣдателя, старшаго судьи и отъ шести до десяти судей. Судьи избираются депутатскимъ собраніемъ изъ дворянъ или чиновниковъ по жизнь съ Высочайшаго утвержденія. Они почитаются наравнѣ съ другими судьями.

Въ городахъ предполагалось учредить особые магистратскіе суды, состоящіе изъ судьи, опредѣляемаго министромъ юстиціи

по представленію судной палаты, и засѣдателей, избираемыхъ на неопредѣленное время изъ жителей, внесенныхъ въ городскую книгу безъ различія состоянія, дворяне ли они или мѣщане, или купцы.

Наконецъ, для крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ, должны бы быть учреждены нижнія земскія расправы, состоящія изъ расправнаго судьи по выбору изъ дворянъ и 2—4 засѣдателей поселянъ по выбору подсудныхъ этимъ расправамъ волостей.

Проектъ Балугьянскаго былъ обсужденъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, и хотя комитетъ и не былъ согласенъ съ нѣкоторыми его сужденіями и предположеніями, но въ общемъ отнесся къ проекту довольно доброжелательно.

Идеи, высказанныя Балугьянскимъ, были такого рода, что конечно не могли вызвать общаго сочувствія правящей среды, многія лица которой вполнѣ удовлетворялись существующимъ порядкомъ вещей. Такъ, напримѣръ, Закревскій при обсужденіи вопроса объ измѣненіяхъ въ строѣ губернскихъ учрежденій писалъ: „долговременное и благотворное существованіе губернскихъ учрежденій усвоило его въ любви народной и произвело то, что самые поселяне знаютъ всѣ постановленія, въ немъ заключающіяся, и удобно снискиваютъ себѣ правосудіе, и нѣтъ прямой необходимости отмѣнять сіе учрежденіе и вводить новое, мѣняя такимъ образомъ благо, уже испытанное, на пользу еще сомнительную [1]).

Едва ли нужно останавливаться на томъ, насколько эта идиллія соотвѣтствовала дѣйствительности; понятно такіе взгляды не раздѣлялись лучшими русскими людьми, мысль которыхъ постоянно обращалась къ судебному преобразованію,—они горячо мечтали о насажденіи въ Россіи истиннаго правосудія, при чемъ инстинктивно чувствовали, что это возможно лишь при дружной совмѣстной работѣ правительства съ общественными силами. Въ такомъ направленіи не разъ высказывается въ своемъ дневникѣ весьма умѣренный человѣкъ, профессоръ и академикъ Никитенко, [2]) также думалъ и писатель совершенно другого склада Ник. Ив. Тургеневъ, удѣлявшій въ своемъ сочиненіи

---

[1]) М. А. Филипповъ. Судебная реформа въ Россіи, т. I, стр. 617.

[2]) Ср. Никитенко. Дневникъ, т. II, стр. 463 и 464.

„La Russie et les russes“ и другихъ работахъ большое вниманіе вопросу о судебномъ преобразованіи.

Тургенева въ особенности привлекали англійскіе порядки, хотя онъ отдавалъ должное и французской практикѣ. Онъ желалъ отдѣленія судебной власти отъ правительственной, введенія суда присяжныхъ какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, устнаго судопроизводства, введенія адвокатуры и пр.

Нѣтъ причинъ думать, пишетъ Тургеневъ, чтобы учрежденіе суда присяжныхъ въ Россіи было сопряжено съ непреодолимыми препятствіями, такъ какъ до Петра I былъ вѣдь старинный судъ цѣловальниковъ [1]), который оттѣснило введенное Петромъ нѣмецкое судопроизводство.

Сознаніе необходимости судебной реформы постепенно распространялось и укрѣплялось и, наконецъ, проникло въ учрежденіе, вѣдавшее кодификацію нашего законодательства и незадолго передъ тѣмъ составившее Сводъ Законовъ—во II-ое Отдѣленіе Собств. Е. И. Величества Канцеляріи, главноуправляющій которой графъ Блудовъ въ 1843 году затребовалъ черезъ министра юстиціи, графа Панина, мнѣнія прокуроровъ и предсѣдателей судовъ и палатъ по поводу недостатковъ русскихъ законовъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Но общая политическая обстановка того времени не была благопріятна сколько нибудь существеннымъ измѣненіямъ, даже въ такой спеціальной сферѣ, какъ гражданскій процессъ.

Принятая правительственная система покоилась на незыблемомъ сохраненіи существующаго порядка и вообще всего строя созданныхъ ранѣе отношеній. Совершенно игнорировалась истина, хорошо выраженная однимъ изъ современниковъ той эпохи, что консерватизмъ такая же крайность, какъ и ученія радикаловъ: жизненнаго процесса нельзя ни перегнать, ни остановить.

Поэтому понятно, что работы въ направленіи судебнаго преобразованія не двигались, но сознаніе необходимости реформы все же не оставляло многихъ лицъ правящей среды, и въ 1848 году было ясно высказано въ слѣдующей резолюціи Императора Николая Павловича по дѣлу объ имѣніи и долгахъ Баташова: „изложеніе причинъ медленности непомѣрной, съ которою

---

[1]) В. И. Семевскій. Политическія идеи декабристовъ, стр. 555—569.

производится сіе столь извѣстное дѣло, ясно выставляетъ всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства".

Эта резолюція временно нѣсколько оживила вопросъ объ исправленіи судебныхъ порядковъ, но не привела и не могла привести къ сколько нибудь существеннымъ результатамъ, такъ какъ общее охранительное направленіе русской внутренней политики еще усилилось вслѣдствіе серьезныхъ народныхъ волненій на западѣ Европы, начавшихся февральской революціей во Франціи. Къ этому же времени лучшіе дѣятели первыхъ лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича, какъ Кочубей, Сперанскій и Новосильцевъ сошли одинъ за другимъ въ могилу, и на высшія должности попали люди значительно меньшихъ способностей, безъ широкаго государственнаго кругозора, и правительство окончательно сосредоточиваетъ свое исключительное вниманіе на двухъ чисто полицейскихъ вопросахъ, — сокращеніи сношеній русскихъ людей съ западной Европой и поддержаніи внѣшняго порядка. Для достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей правительство сочло себя вынужденнымъ принять рядъ мѣръ стѣснительнаго характера, вызвавшихъ значительное недовольство среди болѣе образованныхъ группъ населенія.

При такой мало благопріятной внутренней обстановкѣ и при полномъ отсутствіи союзниковъ Россіи пришлось начать восточную войну съ коалиціей, опиравшейся на общественное мнѣніе почти всей Европы.

Борьбѣ противъ нашего отечества придавалось большое культурное значеніе, и цѣлью ея должно было быть ослабленіе Россіи, какъ наиболѣе крѣпкаго оплота реакціи. Крымская война почти сразу же обнаружила нашу полную неподготовленность къ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ, нашу жалкую отсталость отъ цивилизованныхъ странъ Европы. Всѣмъ стало ясно, что тридцатилѣтнее господство показной военщины принесло страшный вредъ не только гражданской жизни Россіи, но и самой арміи, занимавшейся больше церемоніальными маршами, нежели подготовкой къ войнѣ. Правда, солдаты и офицеры сражались какъ львы, но большинство генераловъ было очень плохо и совершенно лишено иниціативы; хуже всего были старшіе начальники; долгое господство безпощадной, суровой и бездушной дисциплины сильно препятствовало развитію и движенію самостоятельныхъ и та-

лантливыхъ людей, которые нужны для войны такъ же, какъ для всякаго крупнаго дѣла.

Въ эту истинно трагическую для Россіи минуту, когда на политическомъ ея горизонтѣ все сгущались и сгущались грозовыя тучи, а внутри страны царило уныніе, соединявшееся въ наиболѣе передовыхъ группахъ населенія съ раздраженіемъ и озлобленіемъ противъ правительства, скончался 18-го февраля 1855 года Императоръ Николай Павловичъ, и началось славное царствованіе Императора Александра II.

Это царствованіе составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ нашей исторіи,— оно ознаменовалось цѣлымъ рядомъ великихъ реформъ, которыя были направлены къ раскрѣпощенію личности, уничтоженію произвола и водворенію гуманности въ разныхъ сферахъ русской жизни.

Дружными усиліями правительства и общества заложенъ надежный фундаментъ для созданія въ Россіи правового строя, этого непремѣннаго условія для экономическаго и духовнаго процвѣтанія каждаго народа.

Въ ходѣ реформъ весьма активное участіе принималъ самъ Императоръ Александръ Николаевичъ, который всегда интересовался и всегда опредѣленно сочувствовалъ законности и закону, и былъ проникнутъ истинною человѣчностью [1]).

Это настроеніе Государя, сыгравшее большую роль въ исторіи преобразованій 1860-хъ г.г., коренилось въ обстановкѣ и условіяхъ его воспитанія, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ [2]).

Императоръ Александръ Николаевичъ родился 17 апрѣля 1818 года. Заря жизни его была воспѣта Жуковскимъ въ красивыхъ стихахъ, въ которыхъ былъ высказанъ рядъ вдохновенныхъ пожеланій.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій „человѣкъ“.

---

[1]) Интересныя мысли о времени Императора Александра II и его дѣятельности см. у Anatole Leroy-Beaulieu. Etudes russes et européennes, стр. 10—18.

[2]) Фактическія свѣдѣнія о воспитаніи и многихъ чертахъ дѣятельности Императора Александра II взяты преимущественно у Татищева. „Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе“; см. также А. Корниловъ. „Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ II“. М. 1909 г.

Не менѣе горячо и столь-же пророчески привѣтствовалъ его другой видный поэтъ той-же эпохи, вложившій свои пожеланія въ уста тѣни Екатерины II.

„Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ,
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Дай просвѣщенные уставы,
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ
Науками очисти нравы
И вѣру утверди въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби . . .
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ,
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори
И Ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари“.

Если бы поэтамъ было суждено дожить до славной эпохи реформъ Императора, младенчество котораго они такъ пророчески воспѣвали, то конечно это были бы счастливѣйшія ихъ минуты.

Когда Александру Николаевичу исполнилось шесть лѣтъ, его передали изъ женскихъ рукъ въ мужскія; его воспитателемъ былъ назначенъ капитанъ Мердеръ. Это былъ человѣкъ хорошей души и твердаго характера, оказавшійся кромѣ того прекраснымъ педагогомъ: онъ вполнѣ сознавалъ всю важность лежавшей на немъ отвѣтственности и сумѣлъ, съ одной стороны, развить хорошія стороны сердца и ума своего питомца, съ другой—бороться съ его недостатками. Обстановка первоначальнаго воспитанія будущаго Царя-Освободителя сложилась очень благопріятно: онъ былъ окруженъ общимъ доброжелательствомъ и любовью, и прежде всего любовью своихъ родителей, которые, однако, не

баловали чрезмѣрно своего сына и держали его, по большей части, вдали отъ той пышности, которой были сами окружены, и которая, конечно, не могла быть благопріятнымъ условіемъ для нормальнаго и здороваго воспитанія ребенка.

Императоръ Николай Павловичъ опредѣленно высказывалъ, что желаетъ воспитать въ Своемъ сынѣ человѣка, раньше чѣмъ сдѣлать изъ него государя. Онъ искалъ Своему сыну подходящаго наставника и нашелъ его въ лицѣ Жуковскаго. Это былъ истинный гуманистъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, человѣкъ, сумѣвшій и ученику своему внушить уваженіе къ личности и достоинству человѣка, а это качество очень цѣнно въ монархѣ и дѣлаетъ его близкимъ и дорогимъ сердцу народа. Понимая всю важность возложеннаго на него порученія и отвѣтственность передъ родиной за надлежащую подготовку будущаго Государя, Жуковскій горячо принялся за дѣло, которое всего его поглотило и стало главнѣйшею цѣлью его жизни. Онъ уѣхалъ за границу и на свободѣ, въ уединеніи, занялся подготовительной работой къ предстоящимъ обязанностямъ и прежде всего составленіемъ плана ученія наслѣдника.

Въ планѣ, составленномъ Жуковскимъ, на первое мѣсто выдвигалась нравственная сторона, моральное воспитаніе, развитіе природныхъ добрыхъ качествъ и борьба съ дурными побужденіями и наклонностями; цѣль ученія—образованіе добродѣтели. Въ систему преподаванія наслѣднику должны были войти, кромѣ предметовъ общаго начальнаго образованія, науки естественныя и гуманитарныя, и, наконецъ, вѣнцомъ всего должно быть систематическое чтеніе лучшихъ произведеній литературы, въ особенности тѣхъ, которыя знакомили бы будущаго Императора съ Россіей и русскимъ народомъ. Отводилъ нѣкоторое мѣсто Жуковскій и обученію военному дѣлу: ознакомленію съ нимъ предполагалось посвящать ежегодно лѣтнее вакаціонное время (полтора мѣсяца), но, озабочиваясь болѣе воспитать человѣка и монарха, нежели полководца, Жуковскій опасался увлеченія военщиной и не сочувствовалъ раннему появленію Наслѣдника въ военной обстановкѣ, на военныхъ торжествахъ и парадахъ.

Жуковскій находилъ, что главною наукою Наслѣдника должна быть исторія, которую онъ называетъ сокровищницею царскаго просвѣщенія. Въ оцѣнкѣ значенія исторіи Жуковскій слѣдуетъ Карамзину. Онъ говоритъ, что исторія наставляетъ опытами

прошедшаго, объясняетъ настоящее и даетъ возможность предсказывать будущее. Она знакомитъ Государя съ нуждами его страны и вѣка, она воспламеняетъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству; изъ нея извлечетъ Государь правила дѣятельности царской. Вотъ что писалъ Жуковскій для своего высокаго воспитанника: „Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ-Аврелій и Генрихъ Великій, сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти: народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти; но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ—просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе—оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ; истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народовъ. Будь вѣренъ слову; безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе царя, отдаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся насчетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели. Сіе есть вѣра въ Бога! Она защититъ твою душу отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей“.

Образованіе Александра Николаевича шло въ общемъ не дурно, въ особенности же посчастливилось наукамъ юридическимъ. Хотя самъ Императоръ Николай Павловичъ относился къ юриспруденціи и ученымъ юристамъ безъ особеннаго сочувствія, но тѣмъ не менѣе онъ допустилъ обученіе наслѣдника законовѣдѣнію, понимая его, правда, болѣе въ смыслѣ практическомъ: ознакомленія съ русскимъ Сводомъ Законовъ, чѣмъ въ смыслѣ ряда научныхъ дисциплинъ. Преподавателемъ былъ очень удачно избранъ М. М. Сперанскій, сподвижникъ Императора Александра Павловича въ первую половину его царствованія и составитель Свода Законовъ. Онъ широко смотрѣлъ на поставленную ему задачу, и его „Бесѣды о законахъ", продолжавшіяся около полутора года, представляли серьезный курсъ публичнаго права, который какъ нельзя лучше подготовлялъ Наслѣдника къ будущей его государственной дѣятельности. Сперанскій былъ проповѣдникъ законности и уваженія къ закону,—эти положенія одушевляли его въ государственной работѣ и руководили имъ при составленіи Полнаго Собранія и Свода Законовъ, ихъ же положилъ онъ въ основаніе своихъ лекцій Наслѣднику. Говоря о самодержавной и неограниченной власти русскаго монарха, Сперанскій подчеркивалъ, что законы, волею его созданные, должны быть обязательны для него самого, точно такъ же, какъ и для его подданныхъ, до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ отмѣнены или замѣнены новыми законами. Устанавливая принципъ незыблемости законовъ, какъ основаніе государственнаго порядка, Сперанскій поучалъ далѣе, что всякое право, а слѣдовательно, право самодержавное—право только до тѣхъ поръ, пока оно основывается на правдѣ; тамъ, гдѣ кончается правда и начинается неправда, будетъ уже не право, а самовластіе [1]). Умъ наслѣдника былъ хорошо подготовленъ Жуковскимъ и Мердеромъ къ воспринятію идей, проводившихся въ бесѣдахъ Сперанскаго; добрыя сѣмена падали на хорошо воздѣланную почву и принесли обильные плоды. Главнымъ образомъ благодаря этимъ тремъ лицамъ воспитался монархъ, дѣятельность котораго была проникнута постояннымъ стремленіемъ къ справедливости и глубокимъ уваженіемъ къ законности и закону.

---

[1]) См. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Т. I. Изд. 2-е, 1911 г. Стр. 64 и 65, и Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., XXX. „Годы ученія". Т. I, стр. 370 и 371.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II во внутренней жизни Россіи сразу почувствовалась перемѣна политическаго курса, повѣяло свѣжимъ воздухомъ. Образованное общество, съ восторгомъ привѣтствовавшее воцареніе новаго Государя, не обманулось въ своихъ надеждахъ, такъ какъ хотя и не было предпринято еще какихъ либо крупныхъ шаговъ къ исправленію выяснившихся недостатковъ и золъ, но послѣдовала отмѣна цѣлаго ряда весьма непопулярныхъ мѣръ, принятыхъ въ концѣ прошлаго царствованія. Прежняя строгость къ печатному слову уступила мѣсто болѣе терпимому отношенію къ литературѣ и періодической печати, измѣнилось отношеніе и къ университетамъ: отмѣнены были нѣкоторыя ограниченія при пріемѣ студентовъ, вновь разрѣшено было посылать за границу для подготовки къ профессорской дѣятельности; заслуженнымъ профессорамъ, оставшимся на службѣ, были возвращены отнятыя у нихъ въ 1852 году пенсіи, послѣдовала отмѣна весьма стѣснительныхъ и обидныхъ мѣръ, клонившихся къ полному воспрещенію русскимъ подданнымъ выѣзда за границу. Всѣ эти и другія подобныя мѣропріятія имѣли слѣдствіемъ то, что государственная власть стала снова популярной, въ нее вѣрили и отъ нея ждали дальнѣйшаго исправленія недостатковъ и уничтоженія злоупотребленій, приведшихъ Россію къ политическому и общественному кризису.

Выразителемъ тогдашняго общественнаго настроенія явился извѣстный историкъ Погодинъ, такъ привѣтствовавшій радужную зарю новаго царствованія: „Въ трудныхъ обстоятельствахъ принялъ Государь свою державу. Ни одно вступленіе на престолъ въ Русской исторіи не сопрягалось съ такими грозными внѣшними опасностями; но въ утѣшеніе и одобреніе можемъ сказать себѣ и то, что ни одинъ Государь, съ начала своего царствованія, не пользовался такимъ общимъ расположеніемъ, такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, такою горячею любовью, безъ примѣси всякихъ чувствованій отрицательныхъ, какъ Онъ. Всѣ сердца къ Нему стремятся, и не было, можетъ быть, никогда минуты болѣе благопріятной, когда было бы такъ удобно, такъ легко сдѣлать всѣ нужныя преобразованія и исправленія. Преобразованія и исправленія внутреннія для насъ не только нужны, но и необходимы. Скажу болѣе: ими только можемъ мы спастися, ими только можемъ отвратить настоящія опасности и предупредить будущія, кромѣ, разумѣется, гнѣва Божія“.

Люди, жившіе въ то время, въ своихъ запискахъ говорятъ о сладкомъ чувствѣ облегченія, которое охватило русское общество, когда съ высоты престола послышались кроткія и милостивыя слова [1]). „Простить, отпустить, разрѣшить", говорилъ видный писатель на одномъ изъ многочисленныхъ тогда публичныхъ обѣдовъ, „сколько заключается въ этихъ немногихъ словахъ" [2]).

Наблюдательные современники отмѣчаютъ необычайное общественное оживленіе, которое быстро охватило различные слои населенія. Всѣ заволновались, заговорили, заспорили, но конечно особенное оживленіе замѣчалось въ столицахъ [3]).

Въ тогдашней Россіи было что-то праздничное, утреннее, весеннее, каждый „хотѣлъ думать, читать, учиться.... спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать" [4]).

Ближайшимъ результатомъ этого общественнаго подъема было недовольство существующими порядками, доставшимися новому царствованію отъ времени Императора Николая Павловича, духъ критики широко распространился съ низу до самаго верха [5]). Появилась обширная обличительная литература печатная, среди которой видное мѣсто занимали лондонскія изданія Герцена [6]) (Колоколъ съ приложеніемъ „Подъ судъ", Голоса изъ

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго царствованія было освобожденіе отъ наказанія плетьми слабосильныхъ преступниковъ, къ которымъ стали чаще всего относить женщинъ (Исторія Россіи въ XIX в., изд. Гранатъ, т. III, стр. 236).

[2]) „Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія, стр. 10; ср. „Мои воспоминанія" Е. Нарышкиной, стр. 93. Duc de Morny „Une Ambassade en Russie" стр. 93 и 94; La Russie en 1859, les reformes et la politique, стр. 12; situation financière стр. 37 и 38.

[3]) „Отличительною чертою тогдашняго Петербурга была его оживленность". Кн. Мещерскій, „Мои воспоминанія", ч. I, стр. 99.

[4]) Шелгуновъ „Изъ прошлаго и настоящаго", „Русская Мысль" 1885 г. № XI, стр. 237. Ср. „Мои воспоминанія", Е. Нарышкиной.

[5]) Въ томъ, что послѣ Севастопольскаго погрома всѣ очнулись, говоритъ Н. В. Шелгуновъ, всѣ стали думать и в с ѣ м и овладѣло критическое настроеніе, заключается разгадка мистическаго секрета 60-хъ годовъ; в с ѣ—вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха реформъ. Императоръ Николай I опирался только на Государственный Совѣтъ. Императоръ Александръ II обратился къ чувствамъ всѣхъ, къ тѣмъ громаднымъ творческимъ и сознательнымъ силамъ, которыя хранились въ нижнемъ теченіи (Изъ прошлаго и настоящаго, „Русская Мысль" 1885 г. № XI, стр. 221).

[6]) „Къ концу 1856 г., когда успокоились всѣ волненія коронаціи, небо стало хмуриться..... началась совсѣмъ новая политическая жизнь..... явился новый страхъ—Герценъ; явилась новая служебная совѣсть—Герценъ; явился новый идолъ—Герценъ. Герценъ основалъ эпоху обличенія. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ того времени, брошюры Герцена читались..... Классы юнкеровъ дѣлились на герценистовъ и антигерценистовъ. Явился новый духъ, либеральный и современный, заключавшійся въ открещиваніи отъ Николаевщины: въ порицаніи его военщины, къ критикованію его дисциплины". Кн. В. П. Мещерскій, „Мои воспоминанія", ч. I, стр. 67 и 68.

Россіи, Полярная звѣзда и Историческій сборникъ) и рукописная, быстро достигшая большого развитія.

По рукамъ ходила масса записокъ, посвященныхъ критикѣ существующихъ порядковъ, причемъ иногда намѣчались и необходимыя исправленія. Тонъ этихъ записокъ обыкновенно энергическій, подчасъ желчный [1]), содержаніе довольно разнообразное, но преимущественное вниманіе удѣлялось крѣпостному праву, нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны впослѣдствіи или въ заграничныхъ изданіяхъ конца 50-хъ годовъ или въ различныхъ историческихъ изданіяхъ, но много есть и такихъ, которыя сохранились лишь въ рукописномъ видѣ. Подобные памятники публицистики средины XIX вѣка можно найти во многихъ частныхъ архивахъ. Значеніе этой рукописной литературы, какъ источника для русской исторіи и роль, которую она сыграла для подготовки общества къ реформамъ, давно отмѣчены изслѣдователями.

Авторами такихъ записокъ нерѣдко бывали даровитые и хорошо знакомые съ государственными нуждами люди, поэтому изложеніе ихъ отличается основательностью, яркостью и картинностью. „Мы согрѣшили, говорится въ одной изъ такихъ записокъ, задремавъ на лаврахъ 1812—1815 г.г., мы сорокъ лѣтъ увлекались наружнымъ блескомъ и заграничною молвою, но мало пеклись о существенномъ устройствѣ внутренняго порядка и

---

[1]) Въ одной изъ записокъ читаемъ: „Взятки и разграбленіе казны были издавна преимущественною кручиною нашего правительства и всѣхъ людей благомыслящихъ. Язвы эти, съ теченіемъ времени, становились все глубже, шире и смертоноснѣе. Въ послѣднее время въ бѣдственную, едва прожитую нами годину, это зло выказалось въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Грабили казну и частныхъ людей подъ непріятельскими пушками, въ сосѣдствѣ и въ отдаленіи отъ поля брани; грабили на провіантѣ, на амуниціи, на военныхъ припасахъ, на лекарствахъ, на корпіи; грабили на сушѣ и на водѣ, въ городахъ и деревняхъ, на базарахъ и въ захолустьяхъ; грабили при пріемѣ рекрутовъ и ратниковъ; грабили при сборѣ пожертвованій на военные расходы; грабили въ судахъ, въ полиціяхъ и въ мѣстахъ управленія; грабили чиновники военные и гражданскіе, большіе и малые; грабили ополченцы, словомъ грабили всѣ, всѣхъ и все. Царь и немногіе еще уцѣлѣвшіе честные люди озираются теперь со страхомъ и ужасомъ, не знаютъ, что дѣлать, какія мѣры принять къ искорененію зла и чуть чуть не приходятъ въ отчаяніе. Для увраченія болѣзни первое условіе есть узнать ее и причину, ее породившую. Залѣчивать прыщи и наружныя раны, когда испорчена кровь, есть дѣло тщетное и даже вредное. Вѣшаніе взяточниковъ и воровъ принесетъ мало пользы; оно только подниметъ премію на риски, заставитъ грабителей быть искуснѣе, воровать болѣе и скорѣе, чтобы было чѣмъ откупиться отъ слѣдствія и суда. Для пораженія, уничтоженія зла надобно открыть источникъ онаго, вполнѣ обнаружить его и пресѣчь изліяніе и распространеніе заразы въ самомъ ея корнѣ“.

всенароднаго благосостоянія. Вещественныя богатства и живыя силы, которыми Провидѣніе щедро надѣлило народъ и землю русскую, частью костенѣли въ застоѣ, частью расточались на суетную роскошь. Мелочный надзоръ, полицейская опека и канцелярскія придирки стѣсняли личную предпріимчивость. Дѣла копились, но громады бумагъ не давали хода настоящему дѣлу. Поэтому многія благія соображенія и мѣры, отечески задуманныя къ облегченію подданныхъ, пребыли безгласными и даже обратились во вредъ". Въ другой запискѣ того времени говорится: „лежащая въ натурѣ русскихъ министровъ тенденція къ произволу и самовластію заставляла каждаго изъ нихъ стремиться къ независимости отъ своихъ коллегъ. Каждая отрасль управленія сдѣлалась постепенно государствомъ въ государствѣ, чего не видывала вся остальная Европа. Одна юстиція требуетъ такой независимости и пользуется ею во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, только не въ Россіи" [1]).

Во многихъ запискахъ выводятся недостатки существующаго судебнаго строя и указывается на необходимость преобразованія судебной части.

Рѣзкая критика существующихъ злоупотребленій раздалась и въ правящей средѣ, гдѣ главнымъ выразителемъ общественнаго настроенія явился Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Поставленный во главѣ флота и морского вѣдомства, онъ приблизилъ къ себѣ цѣлый рядъ просвѣщенныхъ и мечтавшихъ о реформахъ лицъ и, занимая спеціально военный постъ генералъ-адмирала, оказывалъ несомнѣнное вліяніе на все внутреннее управленіе.

Для характеристики настроенія той части правящей среды, которая примыкала къ Великому Князю Константину Николаевичу, приведемъ выдержку изъ письма близкаго ему человѣка статсъ-секретаря Головнина къ фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому, пользовавшемуся, какъ извѣстно, особымъ расположеніемъ Императора Александра II.

„Разсматривая вблизи состояніе страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за послѣдніе сорокъ лѣтъ правительство много брало у этого народа, а дало ему очень мало,

---

[1]) Цитированная записка—на нѣмецкомъ языкѣ—изъ Архива Е. В. Герцога Михаила Георгіевича Мекленбургскаго.

что же дѣлало правительство въ то-же самое время для этихъ же мѣстъ взамѣнъ всѣхъ податей? Ничего для церкви, которая существовала народными приношеніями, ничего для народнаго просвѣщенія, ничего для дорогъ, такъ какъ онѣ находятся въ томъ-же состояніи, въ какомъ онѣ находились во времена нашего предка Рюрика. Правительство содержало съ незначительными издержками суды, несправедливость которыхъ вошла въ пословицу и полицію, которая грабитъ народъ. Государственный доходъ . . . . . тратился на уплату процентовъ долга, на армію, флотъ и на этотъ далекій Петербургъ, который въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ очень мало полезенъ для настоящей Россіи. И такъ деньги, получаемыя съ податей, не тратились на ихъ настоящія потребности, все это было большою несправедливостью, а такъ какъ каждая несправедливость всегда наказывается, то я увѣренъ, что наказаніе это не заставитъ себя ждать. Оно настанетъ, когда крестьянскія дѣти, которыя теперь еще грудные младенцы, вырастутъ и поймутъ все то, о чемъ я только что говорилъ. Это можетъ случиться въ царствованіе внука настоящаго Государя [1]).

Не менѣе опредѣленно выражалъ свое неудовольствіе существующими злоупотребленіями и безпорядками и самъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна записка, разосланная по приказанію Великаго Князя подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ морского вѣдомства, въ которой воспроизводились мысли П. А. Валуева (высказанныя въ „Думѣ русскаго“) о господствѣ тогда офиціальной лжи. „Многочисленность формъ, писалъ Валуевъ, подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь; взгляните на годовые отчеты: вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. . . . . Сверху блескъ, внизу гниль, въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины“. Приведя эти слова и еще нѣкоторыя мысли изъ „Думы русскаго“, Великій Князь писалъ, „мы ожидаемъ отчета за нынѣшній годъ и повторите имъ (подчиненнымъ), что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалъ, а истины и въ особенности откровеннаго

[1]) Барсуковъ, т. XVII, стр. 195 и 196.

и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія".

Настроеніе критики существующихъ порядковъ и недовольство ихъ недостатками раздѣлялъ съ подданными и Императоръ Александръ II. На первомъ же представленномъ ему отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 г. онъ подчеркнулъ именно эту сторону, написавъ слѣдующія слова: „Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за изложеніе всѣхъ недостатковъ" . . . . Съ такою же охотою неоднократно выслушивалъ Онъ и въ слѣдующіе годы критику различныхъ сторонъ управленія. На всеподданнѣйшемъ рапортѣ сенатора Сафонова, ревизовавшаго въ 1859 г. Пензенскую губернію, Государь написалъ: „Обращаю особое вниманіе Комитета Министровъ на этотъ добросовѣстный и дѣльный рапортъ . . . . , за который объявить особую Мою благодарность. Дай Богъ, чтобы замѣчанія его, касающіяся вообще до нашего губернскаго управленія, послужили впрокъ", а противъ того мѣста рапорта, гдѣ сенаторъ писалъ, что онъ счелъ долгомъ откровенно изложить какъ тѣ несовершенства, которыя онъ усмотрѣлъ въ управленіи Пензенскою губерніею, такъ и тѣ, которыя болѣе или менѣе свойственны другимъ частямъ обширнаго отечества нашего, Государь помѣтилъ: „за это въ особенности Я ему благодаренъ".

Отрицательное отношеніе къ создавшемуся укладу государственной жизни обусловливалось главнымъ образомъ двумя его особенностями: 1) закрѣпощеніемъ и порабощеніемъ личности и при томъ не только крѣпостныхъ, собственно, крестьянъ, но и прочихъ сословій и 2) господствомъ произвола. Поэтому общія желанія лучшихъ людей сосредоточивались на уничтоженіи произвола и водвореніи законности, при наличности каковыхъ условій и возможно только истинное раскрѣпощеніе личности. Вопросъ объ уничтоженіи произвола и водвореніи законности сдѣлался одной изъ любимыхъ темъ разговоровъ и текущей публицистики и привлекъ къ себѣ серьезное вниманіе правительства [1]).

---

[1]) Объ этомъ-же охотно говорили и съ университетскихъ каѳедръ, см. напр. Барсуковъ—Жизнь и труды Погодина, т. 18, стр. 260, гдѣ приводится конспектъ вступительной лекціи Б. Н. Чичерина. Интересны для иллюстраціи этого вопроса всеподданнѣйшія записки мин. юстиціи Замятнина, хранящіяся въ Сенатскомъ Архивѣ. Сравн. также Flerowsky „Unter drei Kaisern", гдѣ дается односторонняя оцѣнка дѣятельности Имп. Александра II, сближающаяся съ нѣкоторыми разсужденіями Анатоля Леруа-Болье.

Императоръ Александръ Николаевичъ и въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣлялъ настроеніе своихъ подданныхъ. Такъ, уже въ манифестѣ 21 мая 1855 г., которымъ устанавливались порядокъ опеки и организація правительства на случай смерти государя до совершеннолѣтія наслѣдника—было сказано: „Постановленіемъ и обнародованіемъ сихъ правилъ, устраняя заранѣе всякое сомнѣніе въ волѣ и намѣреніяхъ Нашихъ въ отношеніи къ управленію государствомъ во время малолѣтства Нашего Наслѣдника, Мы желали съ тѣмъ вмѣстѣ при самомъ началѣ Нашего царствованія явить любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ новый знакъ благоговѣйнаго уваженія Нашего къ законамъ отечества. Да будутъ они всегда и всѣми столь-же свято исполняемы и на семъ, ничѣмъ незыблемомъ основаніи, да утверждаются болѣе и болѣе благоустройство, могущество и счастіе державы, отъ Бога Намъ врученной"; такой-же взглядъ на законъ, какъ на важнѣйшую основу государственной и частной жизни, проводится и въ другихъ манифестахъ и указахъ; напр. въ манифестѣ 15 марта 1856 года объ окончаніи войны съ коалиціей, гдѣ высказывается пожеланіе, чтобы „каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, наслаждался плодами мирныхъ трудовъ". Въ этомъ-же манифестѣ находятся и знаменитыя слова: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ". Эти мысли, высказанныя въ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ начала царствованія Александра II, отражаютъ идеи, которыя ему внушали Жуковскій и Сперанскій; выраженныя въ прочувствованныхъ словахъ, онѣ не были лишь красивой риторикой, а представляли изъ себя рядъ положеній программнаго характера, отъ которыхъ, въ той или иной степени, отправлялись послѣдовавшія въ шестидесятыхъ годахъ великія реформы. Обращенныя къ народу съ высоты престола многозначительныя слова о незыблемости закона и о великомъ значеніи его, какъ первой основы государственнаго порядка, были какъ бы отвѣтомъ на горячія желанія различныхъ слоевъ населенія, чтобы былъ уничтоженъ царствовавшій всюду произволъ и водворилась законность въ управленіи.

Мысль о водвореніи законности и правосудія въ Россіи принадлежала къ числу любимыхъ мыслей Императора Александра II и выражалась имъ охотно даже въ такихъ случаяхъ, когда говорить объ этомъ вопросѣ казалось бы не было повода; для примѣра можно привести письмо его митрополиту

московскому Филарету, человѣку крайне охранительнаго направленія, не раздѣлявшему общаго настроенія критики и недовольства существующими порядками: „сегодня въ день Моего ангела", писалъ Государь, „дошло до Меня изъ Гефсиманской пустыни ваше поздравленіе, молитвы ваши обо Мнѣ и Моемъ семействѣ и полныя глубокихъ назиданій, воспоминанія о русскомъ православномъ угодникѣ, имя коего Я ношу и соименномъ Мнѣ Императорѣ, освободившемъ Россію отъ иноплеменниковъ. Преданный православію, какъ Святой Великій Князь, Мой угодникъ, дорожа достояніемъ Россіи, какъ знаменитый Императоръ, Мой дядя, Я прошу у Бога не ихъ славы, а счастья видѣть народъ Мой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраненнымъ въ своемъ развитіи твердымъ закономъ и ненарушимымъ правосудіемъ. Молите предъ престоломъ Всевышняго, дабы дано Мнѣ было привести въ исполненіе эти всегда присущія сердцу Моему желанія на благо любезнаго отечества" [1]).

Получивъ, благодаря лекціямъ Сперанскаго, юридическое образованіе и интересуясь постоянно водвореніемъ правомѣрности въ различныхъ сферахъ русской жизни, Императоръ Александръ Николаевичъ хотѣлъ и старшему сыну Своему, Цесаревичу Николаю Александровичу, дать хорошую юридическую подготовку, для чего и были приглашены виднѣйшіе профессора того времени: Кавелинъ, Побѣдоносцевъ, Чичеринъ и Андреевскій; любопытно отмѣтить, что занятія ихъ съ наслѣдникомъ происходили какъ разъ въ то время, когда вырабатывалась судебная реформа.

Сопоставляя все сказанное о первыхъ годахъ царствованія Императора Александра II, мы видимъ, что это было время необычайнаго общественнаго подъема, когда духъ недовольства создавшимися безпорядками и злоупотребленіями охватилъ всѣ слои населенія [2]) и вылился въ рѣзкую критику отрицательныхъ

---

[1]) Это письмо напечатано у Татищева въ его исторіи Имп. Александра II.

[2]) Любопытно отмѣтить несомнѣнное развитіе самосознанія въ крестьянской средѣ. При Николаѣ I въ комиссію прошеній ежегодно отъ крестьянъ поступало 10—20 прошеній, а въ первые годы царствованія Императора Александра II ихъ число быстро повысилось и скоро перешло за т ы с я ч у. Самые предметы домогательства сдѣлались болѣе разнообразны и касались нетолько жалобъ на помѣщиковъ, но также надѣловъ землею, неправильныхъ дѣйствій мѣстной власти, воинской повинности и пр. Въ 1866 г. было около 400 доносовъ, 500 просьбъ по дѣламъ воинской повинности и 100 о земельномъ устройствѣ.

(„Учрежденіе по принятію и направленію прошеній и жалобъ, приносимыхъ на Высочайшее Имя", стр. 111).

сторонъ тогдашней русской жизни, причемъ общественная мысль, озабочиваясь уничтоженіемъ ненавистнаго произвола, опредѣленно тяготѣла къ законности и закону.

Настала пора, когда по выраженію историка Погодина, страхомъ, насиліемъ, угрозами и грубостью ничего уже нельзя было сдѣлать [1]).

При такихъ условіяхъ, понятно, должно было оживиться сознаніе необходимости коренного судебнаго преобразованія, безъ котораго было немыслимо установленіе истинной правомѣрности. И дѣйствительно, во всѣхъ сколько нибудь развитыхъ группахъ населенія настойчиво заговорили о судебной реформѣ, но главными выразителями этого общественнаго настроенія явились губернскія дворянскія собранія и представители губернскихъ комитетовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу. Мысль о судебной реформѣ подсказывалась сама собою при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Предстоящая „эмансипація“ должна была серьезно отразиться на положеніи помѣстнаго дворянства, уменьшивъ его вліяніе и удѣльный вѣсъ въ провинціи; въ то-же время она выдвигала весьма важный вопросъ объ охранѣ правовыхъ отношеній между освобождаемыми крестьянами и ихъ бывшими господами.

Старые суды и старые судебные порядки были совершенно неудовлетворительны. Это было весьма хорошо извѣстно и хотя въ нихъ взяткой можно было многаго добиться, но дворянство отнюдь не было склонно становиться на этотъ невѣрный путь въ весьма возможныхъ случаяхъ предстоящихъ столкновеній съ крестьянами. Оно естественно желало болѣе надежнаго суда для охраны своей личности и собственности. Такимъ образомъ выдвигалась чисто практическая причина для оживленія сознанія о судебномъ преобразованіи, но была и другая не менѣе существенная причина: это общій умственный и нравственный подъемъ средняго уровня дворянской среды, оживленіе политической мысли и несомнѣнные успѣхи самосознанія.

Гуманныя чувства и взгляды Пушкина, облеченные въ дивную музыку его стиховъ, смѣхъ сквозь слезы Гоголя надъ пороками русскаго общества, трогательное воспроизведеніе жизни подневольныхъ людей въ „Запискахъ охотника“ Тургенева и нако-

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. 17, стр. 57.

нецъ геніальный призывъ къ пробужденію и работѣ въ романѣ Гончарова „Обломовъ", раздавшійся именно въ пору переоцѣнки цѣнностей и всеобщаго возбужденія—всѣ эти и многія другія литературныя произведенія выдвигали передъ русскими людьми высокіе идеалы справедливости и человѣчности и подсказывали необходимость энергической работы для созданія болѣе здоровыхъ порядковъ и отношеній.

Въ томъ же направленіи вліяла на умы германская философія первой половины XIX вѣка, съ которою знакомились молодые люди иногда изъ первыхъ рукъ, заканчивая свое образованіе за границей, а чаще изъ вторыхъ, благодаря книгамъ и лекціямъ въ русскихъ университетахъ.

Но на пути достиженія высокихъ идеаловъ справедливости и человѣчности стояли старые суды съ ихъ специфическими порядками, поэтому естественно было желать коренной судебной реформы.

Первыми заговорили губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, работавшіе въ 1858—59 г.г. и дворянскія собранія. Открытіе губернскихъ комитетовъ было событіемъ необычайной важности въ исторіи русской губерніи вообще и въ частности—въ исторіи нашего провинціальнаго общества. Вопросъ исключительнаго, первостепеннаго значенія былъ переданъ на обсужденіе помѣстнаго дворянства, до того времени занятаго лишь выборами, да сравнительно незначительными мелкими дѣлами; будничные интересы должны были отодвинуться на задній планъ, уступивъ мѣсто обсужденію важнѣйшаго дѣла, отъ рѣшенія котораго въ томъ или иномъ смыслѣ зависѣло будущее не только дворянства или помѣщичьихъ крестьянъ, но и всей страны.

Въ 48 губернскихъ комитетахъ и комиссіяхъ участвовали 1.377 человѣкъ. При такомъ многолюдствѣ, пререканія, столкновенія и недоразумѣнія неизбѣжны, и надо удивляться не тому, что въ нихъ происходили пререканія, а скорѣе тому, что пререканія эти почти вездѣ оставались въ предѣлахъ надлежащаго приличія, которое далеко не всегда сохраняется въ несравненно болѣе развитыхъ политическихъ коллегіяхъ, какъ напримѣръ, въ современныхъ намъ законодательныхъ собраніяхъ разныхъ странъ. Губернскіе комитеты были одновременно и школой и экзаменомъ для помѣстнаго дворянства; съ одной стороны, участіе въ нихъ было хорошей подготовкой къ будущей обществен-

ной дѣятельности, зарожденіе которой стало возможнымъ при новомъ режимѣ, а съ другой—умѣньемъ работать въ комитетахъ провѣрялась степень культурности дворянскаго сословія. И надо отдать справедливость „излюбленнымъ“ людямъ дворянства: они выказали значительную степень развитія и въ большинствѣ случаевъ оказались на высотѣ поставленной имъ задачи.

Сосредоточивъ главное свое вниманіе на предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, многіе комитеты коснулись однако и вопроса о судебномъ преобразованіи. Такъ напр. орловскій комитетъ высказывалъ пожеланія о водвореніи независимой и несвязанной формальностями дворянской юрисдикціи, которая отправлялась бы избранными дворянскимъ собраніемъ „мирными судьями“, онъ находилъ, что съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости слѣдуетъ поручить управленіе народомъ и соединенные съ нимъ судъ и расправу не бездомнымъ скитальцамъ, пріѣзжающимъ на кормленіе, а лучшимъ людямъ, взятымъ изъ той же мѣстности и способнымъ внушить къ себѣ довѣріе народа.

Рязанскій комитетъ проектировалъ соединеніе сельскихъ обществъ въ округа, во главѣ которыхъ стоялъ бы мировой судья, замѣщаемый по выбору землевладѣльцевъ; этотъ судья долженъ предсѣдательствовать въ особомъ судѣ присяжныхъ, избранныхъ обществами изъ своей среды.

Комитеты тверской, владимірскій, ярославскій, калужскій, харьковскій и саратовскій высказались за важнѣйшіе институты будущей судебной реформы, за учрежденіе суда присяжныхъ и за мировой судъ [1]). Вообще различныхъ сторонъ судебнаго преобразованія, какъ перечисленныхъ, такъ и другихъ, какъ, напримѣръ, независимости суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ и пр. касались во многихъ комитетахъ.

Еще болѣе вниманія удѣлили вопросу о необходимости судебной реформы члены губернскихъ комитетовъ, избранные „для представленія высшему правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій“, въ особенности такъ называемые депутаты перваго приглашенія [2]).

[1]) Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи, изд. 2, стр. 322 и Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, изд. 1907 г., стр. 166.

[2]) Правительство, не желая одновременнаго скопленія въ Петербургѣ представителей отъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, раздѣлило ихъ на двѣ очереди, отсюда и установившіяся въ литературѣ названія — депутаты перваго и второго приглашенія.

Объѣзжая губерніи въ 1858 г., Государь категорически пообѣщалъ, что, по окончаніи работъ губернскихъ комитетовъ, имъ разрѣшено будетъ выбрать изъ своей среды по два члена для совмѣстнаго съ правительственными чинами обсужденія проектовъ реформъ. Но Н. А. Милютину совсѣмъ не улыбалась перспектива многолюднаго собранія въ Петербургѣ лицъ, въ значительной части несогласныхъ съ нимъ и его сотрудниками; онъ составилъ записку, въ которой подвергалъ рѣзкой критикѣ дѣятельность губернскихъ комитетовъ, для того, чтобы мнѣніямъ и голосамъ ихъ членовъ, имѣющихъ прибыть въ Петербургъ, не было придано большого значенія. Милютинъ проводилъ мысль, что главная забота должна направляться къ тому, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы съ единомысленными мнѣніями и не образовались бы разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. „Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено". Милютинъ напоминалъ, что, въ силу Высочайшаго повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству „тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть, правительству же полезно имѣть отъ нихъ справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ"; уничтоженіе крѣпостного права было дѣло уже рѣшенное и никакой перемѣнѣ подлежать не могло: царское слово „непоколебимо".

Такимъ образомъ, для дѣятельности мѣстныхъ представителей въ Петербургѣ подготовлялась неблагопріятная обстановка, ихъ ждали далеко не съ распростертыми объятіями. Въ Петербургѣ не желали и, повидимому, опасались одновременнаго съѣзда всѣхъ губернскихъ представителей, поэтому избранные отъ губернскихъ комитетовъ члены (по одному отъ большинства и меньшинства) были раздѣлены на двѣ смѣны, сперва отъ одной группы губерній, а потомъ отъ другой. „Депутаты перваго приглашенія" стали прибывать въ Петербургъ въ по-

ловинѣ августа 1859 г., руководители крестьянской реформы поспѣшили сразу же поставить ихъ на предназначенное имъ весьма скромное мѣсто. Имъ была предъявлена инструкція, которою ихъ дѣятельность сводилась къ обязанности давать письменные отвѣты на предложенныя имъ редакціонными комиссіями вопросы, а также словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссіи. Это было далеко не то, на что съ полнымъ основаніемъ имѣли право расчитывать и дѣйствительно расчитывали депутаты. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они хотѣли было обратиться съ жалобой къ Государю, но затѣмъ ограничились письмомъ къ Ростовцеву, въ которомъ домогались разрѣшенія имѣть общія совѣщанія, съ тѣмъ, чтобы всѣ соображенія ихъ по крестьянскому дѣлу поступили на разсмотрѣніе высшаго правительства. Желаемое разрѣшеніе было дано, а Государь постарался любезнымъ пріемомъ въ Царскомъ Селѣ усладить горечь неудовольствія и раздраженія депутатовъ. Рѣчь, съ которой Онъ обратился къ нимъ, была проникнута желаніемъ сказать имъ пріятное и успокоить ихъ опасенія. Государь причислялъ себя къ дворянству, высказывалъ увѣренность, что дворяне съ нимъ солидарны, и обѣщалъ, что всѣ мнѣнія, высказанныя депутатами, дойдутъ до Него и до главнаго комитета. Государь любилъ и умѣлъ говорить, и слова Его произвели извѣстное впечатлѣніе, но руководимые Милютинымъ члены редакціонныхъ комиссій отъ министерствъ отнюдь не были склонны считаться съ мнѣніями и желаніями депутатовъ, чего и не скрывали въ дальнѣйшихъ съ ними сношеніяхъ.

Огорченные и раздраженные принялись представители губернскихъ комитетовъ за изученіе трудовъ редакціонныхъ комиссій, которыя нашли въ нихъ хотя и не вполнѣ безпристрастныхъ, но умѣлыхъ и дѣльныхъ критиковъ. Слабыя стороны проектовъ комиссіи были замѣчены и указаны весьма основательно. Прежде всего вниманіе депутатовъ привлекло предположенное административное устройство сельскихъ обществъ, явно клонившееся къ тому, чтобы лишить дворянство всякаго вліянія на крестьянъ, замѣнивъ таковое надзоромъ и опекой уѣздной полиціи. Депутаты ясно и отчетливо сознавали, какое усиленіе бюрократіи можетъ повлечь за собой крестьянская реформа, если за нею не послѣдуетъ преобразованіе всего государственнаго порядка, и поэтому указывали правительству на

необходимыя реформы, которыя, по ихъ мнѣнію, должны быть предприняты немедленно по освобожденію крестьянъ. Большинство депутатовъ сходилось въ единодушномъ желаніи, чтобы былъ установленъ новый судебный строй съ судомъ присяжныхъ, чтобы введено было мѣстное самоуправленіе, облегчено положеніе печати и т. д., т. е. желало того, что и было вскорѣ проведено въ русскую государственную и общественную жизнь, перестроивъ нѣкоторыя ея стороны на совершенно новыхъ, невиданныхъ дотолѣ у насъ основаніяхъ.

Большинство депутатовъ перваго приглашенія, подвергая подробному разсмотрѣнію недостатки настоящей системы администраціи, находило, что они заключаются въ мелочной правительственной опекѣ надъ всею жизнію народа, въ соединеніи всего управленія въ рукахъ одной, безотвѣтственной исполнительной власти и въ совершенномъ отсутствіи самостоятельной судебной власти. Въ силу указанныхъ коренныхъ недостатковъ, вся администрація наша, говорятъ они, представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, которыя могутъ быть устранены только радикальною реформою управленія. Въ основаніе этой реформы должны быть, по мнѣнію всѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, поставлены: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской, и самоуправленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи. Такъ какъ, притомъ, съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости нѣтъ никакой разумной причины удерживать разъединеніе сельскихъ обывателей подчиненіемъ ихъ различнымъ вѣдомствамъ, и такъ какъ интересы дворянства находятся въ неразрывной связи съ интересами другихъ сельскихъ обывателей, то „хозяйственно-распорядительное управленіе должно быть общее, выборное для всѣхъ сословій“. На этихъ главныхъ началахъ должно быть немедленно организовано новое управленіе, иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ. При чемъ многіе депутаты добавляли, что преобразованіе администраціи и суда съ нетерпѣніемъ ожидается всѣми сословіями въ томъ смыслѣ, чтобы сила закона и уваженіе къ нему возвышены были до непреложнаго исполненія, колеблемаго нынѣ бюрократическимъ устройствомъ управленія и суда.

Изъ рядовъ депутатовъ перваго приглашенія раздался призывъ къ депутатамъ второго приглашенія, чтобы они настойчиво домогались „устройства суда гласнаго и изустнаго", безъ чего и самое освобожденіе крестьянъ не принесетъ пользы,— „на этомъ стойте пуще всего, говорилось въ разосланномъ безъименномъ письмѣ, и если достигнете этого, то все остальное прійдетъ само собою" [1]).

Но хотя мнѣнія депутатовъ въ отношеніи желанія судебной реформы и представляли изъ себя дружный хоръ, все же стоитъ остановиться хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности, въ виду яркости, а иногда и несомнѣнной оригинальности высказанныхъ ими мыслей. Начнемъ съ мнѣнія депутатовъ рязанскаго комитета кн. Волконскаго (отъ большинства) и Офросимова (отъ меньшинства), которые находили, что вся жизнь народа взята подъ опеку, и нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной народу. При всемъ этомъ, исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ, и хозяйственныя, и полицейскія, и судебно-слѣдственныя, и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное лицо и управленіе имѣетъ надъ человѣческою личностью всѣ роды властей, и кругъ его дѣйствія ограниченъ только географически. Суда въ Россіи вовсе нѣтъ. Будучи обязанъ произносить приговоръ на основаніи статей закона, регламентирующихъ всѣ роды доказательствъ, основываться на письменныхъ изслѣдованіяхъ, производимыхъ втайнѣ, и, не имѣя возможности повѣрять дѣйствія слѣдователей, нашъ судъ является только безполезною формою, машиною, исполняющею волю полновластной исполнительной власти. При всемъ томъ, судебныя должностныя лица поставлены подъ надзоръ исполнительныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Дѣлъ по управленію безчисленное множество, такъ что ни у одного чиновника нѣтъ физической возможности добросовѣстно исполнить обязанности, и опека надъ жизнью народа, не исполнимая на практикѣ, дѣлается сама причиною беззаконій.

[1]) Письмо депутата перваго призыва къ депутатамъ второго приглашенія любопытно по своей крайне рѣзкой и красочной критикѣ существующаго порядка, при которомъ „всю власть и все значеніе захватила бюрократія, которая своевольствовала, угнетала народъ вездѣ и всячески и припрягала къ себѣ дворянство чинами, званіями и жалованіями". Дворянство было тѣстомъ, изъ котораго преимущественно пеклись чиновники, подкладкою, которою подбивалась мантія бюрократіи, и архивомъ, куда сдавались неудавшіеся и престарѣлые чиновники (Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи, стр. 200).

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, т. е. по причинѣ соединенія всего управленія въ рукахъ одной не отвѣтственной исполнительной власти и совершеннаго отсутствія суда, вся администрація наша представляетъ нескончаемый рядъ злоупотребленій.

Многіе говорятъ, что зло не въ системѣ, а въ людяхъ, и въ доказательство приводятъ права разныхъ обществъ по Своду Законовъ, утверждая, что общества имѣютъ всѣ средства искоренить зло, но не умѣютъ воспользоваться правами своими. Но какія же это права, спрашиваютъ кн. Волконскій и Офросимовъ?

Дворянство избираетъ должностныхъ лицъ въ судебныя и полицейскія должности; но судъ, какъ выше сказано, не имѣетъ никакой власти; о выборѣ низшихъ полицейскихъ властей не можетъ быть и рѣчи, ибо выборные поступаютъ въ распоряженіе правительственныхъ канцелярій, и избиратели лишены возможности защищать своихъ избранныхъ отъ произвола начальства. Притомъ же выборъ утверждается начальникомъ губерніи, а одно это уничтожаетъ совершенно выборное начало.

Городскія сословія въ общественныхъ дѣлахъ — безгласны; на самомъ дѣлѣ городскимъ хозяйствомъ распоряжаются губернскія правленія. Головы и гласные избираются только для того, чтобы платить оброки губернскимъ канцеляріямъ; ратманы въ полиціяхъ не смѣютъ подать голоса, а засѣдатели въ палатахъ и судахъ, при нашемъ порядкѣ судопроизводства, ничего не значатъ.

Положеніе государственныхъ крестьянъ еще хуже. Совершенная зависимость сельскихъ начальствъ отъ бюрократіи, чуждой интересамъ народа, отняло у крестьянъ всякую возможность пользоваться общественными правами.

Пользуясь этимъ порядкомъ, чиновники управляютъ деспотически всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины.

По освобожденіи крестьянъ таковой порядокъ вещей будетъ лишенъ всякой опоры; крестьяне подпадутъ подъ крѣпостную зависимость чиновниковъ, всегда худшую, чѣмъ помѣщичья, ибо чиновникъ руководясь тѣмъ же произволомъ, не имѣетъ никакихъ выгодъ въ сохраненіи благосостоянія крестьянъ. Расчиты-

вать на личныя качества чиновниковъ—значитъ расчитывать на случайность, а расчитывать на авось въ дѣлѣ государственной безопасности—нельзя. Цѣль государственнаго устройства состоитъ въ обезпеченіи личной и имущественной безопасности каждаго отъ преступныхъ стремленій, а потому, для охраненія общественнаго порядка, нужно прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ.

Думать, что прибавка жалованья или возвышеніе должностей разными отличіями могутъ привлечь лучшихъ людей къ государственной службѣ, неосновательно, ибо и теперь мы видимъ чиновниковъ, получающихъ огромныя жалованья и проживающихъ въ десять разъ болѣе, не смотря на то, что кромѣ жалованья они не имѣютъ никакого состоянія. Возвышеніе должности внѣшними отличіями не соблазнитъ никого. Привлечь лучшихъ людей къ службѣ можно только нравственнымъ возвышеніемъ должностей и это нравственное возвышеніе можетъ быть произведено только самостоятельностью должностныхъ лицъ, возможною лишь при гласности дѣлопроизводства и отвѣтственности передъ независимою судебною властію.

„И такъ все дѣло въ гласности; въ учрежденіи независимаго суда; въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ; въ строгомъ раздѣленіи властей, и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи“.

Никто не оспариваетъ достоинствъ этихъ учрежденій, но слышатся сужденія о невозможности ихъ въ настоящее время.

Говорятъ, что судъ присяжныхъ у насъ невозможенъ потому, что народъ недостаточно развитъ для этого учрежденія. Присяжнымъ нужно развитіе на столько, на сколько его нужно для нагляднаго сужденія о фактѣ по совѣсти и здравому смыслу. Конечно, русскій народъ не лишенъ ни здраваго смысла, ни добросовѣстности. Судъ присяжныхъ требуетъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели наше сложное письменное судопроизводство. Поэтому можно скорѣе сказать, что у насъ только и возможенъ судъ присяжныхъ и всего менѣе возможно наше письменное судопроизводство. Если допустить невозмож-

ность суда присяжныхъ потому, что не всѣ сословія у насъ одинаково развиты, то и это несправедливо; и теперь у насъ засѣдаютъ въ судахъ лица всѣхъ сословій, которыя не болѣе развиты своихъ собратій. Конечно, при отсутствіи всякаго значенія суда и при письменномъ судопроизводствѣ, городскія и сельскія сословія считаютъ повинностію государственную службу; засѣдатели ихъ подписываютъ только подаваемыя имъ бумаги или прикладываютъ къ нимъ печати, но это происходитъ отъ сложности судопроизводства и отъ того, что судъ не имѣетъ значенія. Если же устроить самостоятельный судъ, и притомъ словесный и гласный, то тѣ же люди, будучи присяжными, поймутъ всю важность своего назначенія, и окажутся способными къ произнесенію приговоровъ.

То же возраженіе слышится и противъ непосредственной отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ. Непосредственная отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ выгодна для самой власти. Открытый судъ по совѣсти даетъ всѣ средства къ пресѣченію зла, а если и не обнаружитъ иногда преступленія, то власть останется, во всякомъ случаѣ, чистою отъ всякихъ подозрѣній.

Высказавъ начала, на которыхъ, по мнѣнію кн. Волконскаго и Офросимова, должно быть создано новое управленіе, они добавляютъ, что этого мало: необходимо правильное развитіе этихъ началъ. Въ проекты реформъ незамѣтно могутъ вкрасться подробности, повидимому ничего не значащія, но на практикѣ уничтожающія весь смыслъ реформы. Стоитъ только посмотрѣть, что можно сдѣлать съ самыми лучшими началами, предоставленными правительствомъ. Правительство признало напр., раздѣленіе властей полицейской, хозяйственной, распорядительной и судебной. Стоитъ только подчинить болѣе или менѣе, прямо или косвенно, всѣхъ чиновниковъ одной исполнительной власти, хотя бы начальнику губерніи, и вновь пойдутъ въ пользу канцелярій разные оброки съ подчиненныхъ и потворство первыхъ въ отношеніи послѣднихъ. И вновь слѣдователи не будутъ открывать преступленій, судъ не будетъ судить и т. д.

Другой примѣръ: правительство предположило учредить мировыхъ судей, нравственное вліяніе которыхъ способствовало бы уменьшенію спорныхъ дѣлъ. Стоитъ только предоставить опредѣленіе ихъ начальнику губерніи, и тогда они будутъ совер-

шенно безъ всякаго нравственнаго авторитета и, ставъ въ зависимость отъ губернскихъ канцелярій, постараются увеличить число дѣлъ, для извлеченія незаконныхъ доходовъ. [1])

Весьма значительный интересъ представляетъ собою мнѣніе тверскаго депутата Унковскаго, но въ виду того, что оно много разъ приводилось въ литературѣ ограничимся лишь небольшими изъ него выдержками.

Высказавъ мысли о существованіи полной зависимости судебной власти отъ исполнительной, вполнѣ совпадающія съ приведенными выше разсужденіями кн. Волконскаго и Офросимова, Унковскій указываетъ на многочисленные недостатки въ системѣ управленія и затѣмъ продолжаетъ: „Ясно, что этотъ порядокъ вовсе не можетъ держаться по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. При этой реформѣ онъ не будетъ имѣть никакой опоры. Если управленіе останется по прежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности вѣдь все равно, быть ли крѣпостнымъ помѣщика, или крѣпостнымъ чиновника, и даже еще лучше быть крѣпостнымъ помѣщичьимъ. Помѣщикъ имѣетъ выгоду въ благосостояніи крѣпостныхъ людей, и власть его не переходитъ изъ рукъ въ руки, къ произволу одного скорѣй можно привыкнуть. Поэтому помѣщичьи крестьяне останутся въ такомъ же положеніи, какъ теперь, если не въ худшемъ.

Въ дальнѣйшемъ Унковскій развиваетъ тѣ же доказательства, что и вышеупомянутые депутаты, относительно качествъ чиновниковъ и способовъ ихъ нравственнаго возвышенія и, перейдя затѣмъ къ изложенію своего взгляда на „судъ присяжныхъ“, онъ къ сказанному въ уже цитированныхъ нами мнѣніяхъ добавляетъ: „говорятъ еще, что судъ присяжныхъ есть начало, противное духу настоящихъ государственныхъ учрежденій, и въ особенности понятію о самодержавной власти, но это возраженіе уже не имѣетъ никакого смысла. Опытъ показываетъ намъ, что судъ присяжныхъ можетъ существовать при всякой системѣ государственнаго управленія. Понятно, что это возраженіе дѣлается только съ единственною цѣлью, отклонить правительство отъ судебной реформы и заставить молчать защитниковъ суда присяжныхъ, подъ страхомъ обвиненія ихъ

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 226, л.л. 118—126 обр.

въ преступномъ образѣ мыслей, какъ привыкли у насъ выражаться. Унковскій полагалъ, однако, что противники суда присяжныхъ уже однимъ этимъ возраженіемъ ставятъ себя на мѣсто, заготовленное ими для своихъ антогонистовъ. „Мы желаемъ учрежденія самостоятельной судебной власти въ видахъ уничтоженія настоящей грабительственной системы управленія, позорящей государственную власть; мы желаемъ этого въ видахъ утвержденія самой власти и сосредоточенія ея въ законныхъ рукахъ, и вѣримъ, что судъ и правда могутъ существовать и при нашей формѣ правленія, которая даже болѣе другихъ нуждается въ строгомъ исполненіи самодержавной воли. Противники же суда присяжныхъ сами высказываются противъ основныхъ государственныхъ законовъ, считая ихъ несовмѣстными съ началами безпристрастнаго суда и справедливости".

То же самое возраженіе слышится иногда и противъ непосредственной отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ. Здѣсь это возраженіе еще неосновательнѣе. Непосредственная отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ выгодна для самой власти. При настоящемъ порядкѣ вещей, всякій чиновникъ, узнавъ о злоупотребленіяхъ подчиненныхъ, становится въ тупикъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, потому что въ большей части случаевъ нѣтъ никакихъ средствъ узнать истину. Во всѣхъ дѣлахъ власть идетъ ощупью и принимаетъ все на совѣсть. При отсутствіи гласнаго и независимаго суда и непосредственной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ передъ судомъ, власть во всѣхъ распоряженіяхъ можетъ быть подозрѣваема въ пристрастіи, и эти подозрѣнія ничѣмъ не могутъ быть уничтожены. По этой одной причинѣ, власть, съ каждымъ днемъ, теряетъ болѣе и болѣе свое нравственное вліяніе, необходимое для существованія всякой власти, и быстро идетъ къ упадку; напротивъ, при существованіи дѣйствительнаго независимаго отъ правительственной власти суда и отвѣтственности предъ нимъ всѣхъ должностныхъ лицъ безъ всякаго исключенія, положеніе власти совсѣмъ другое; она не задумается, какъ поступить съ злоупотребленіями. Открытый судъ по совѣсти даетъ всѣ средства къ пресѣченію зла, а если и не обнаружитъ иногда преступленія, то власть остается, во всякомъ случаѣ, чистою отъ всякихъ подозрѣній. Самый нравственный авторитетъ независимаго

суда поддерживаетъ власть; всякій согласится, что онъ въ этомъ отношеніи сильнѣе милліона штыковъ. Почему же невозможна непосредственная отвѣтственность передъ судомъ безъ согласія административнаго начальства, и для чего нужно это согласіе. Разумѣется для того только, чтобы начальники, или всего чаще ихъ канцеляріи, имѣли возможность покрывать выгодныя для нихъ злоупотребленія.

Что можетъ ожидать Россія, при освобожденіи крестьянъ, безъ учрежденія независимаго суда и отвѣтственныхъ чиновниковъ? Безпорядковъ и смутъ, отвѣчаетъ Унковскій [1]).

Другой членъ тверского комитета, Кардо-Сысоевъ, излагая планъ осуществленія предлагаемаго этимъ комитетомъ хозяйственно-распорядительнаго самоуправленія, говоритъ, что однородность интересовъ крестьянскихъ обществъ съ интересами всѣхъ вообще землевладѣльцевъ и сельскихъ жителей требуетъ общаго участія въ хозяйственно-распорядительномъ управленіи, а потому „управленіе должно быть общее, выборное отъ всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ, закономъ и обществомъ". Общество само отвѣтствуетъ за лица, имъ избираемыя; слѣдовательно, выборныя лица должны утверждаться правильностью лишь избранія, а потому административныя власти повѣряютъ только эту правильность, но не должны имѣть права на утвержденіе, въ отстраненіе всякаго лицепріятія и произвола.

Такая система хозяйственно-распорядительнаго самоуправленія требуетъ отвѣтственности всѣхъ и каждаго предъ судомъ и закономъ, а потому „судебное уголовное учрежденіе должно быть самостоятельное, гласное, словесное и по совѣсти, т. е. судъ присяжныхъ". Только совершенно не знающіе возможности всѣхъ злоупотребленій закона въ тайномъ канцелярскомъ судопроизводствѣ и не допускающіе совѣсти въ русскомъ народѣ могутъ утверждать, что судъ присяжныхъ въ Россіи преждевременъ и невозможенъ.

Новыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, новыя права и интересы землевладѣльцевъ, дѣйствительное улучшеніе быта всѣхъ сословій указываютъ на необходимое „преобразованіе и судовъ гражданскихъ, съ введеніемъ въ нихъ гласнаго и словес-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 227.

наго судопроизводства". Самостоятельность суда, возможная гласность и скорость рѣшеній, уничтожая канцелярскую тайну, принесутъ величайшую нравственную и матеріальную пользу обществу. Упрощеніе гражданскаго судопроизводства, съ уничтоженіемъ лишнихъ инстанцій, отстранитъ множество несчастій, неизбѣжныхъ при настоящемъ, многосложномъ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ. Тогда не будетъ такъ часто повторяться явленіе, поражающее отсутствіемъ здраваго смысла и правды — это рѣшеніе дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ суда различнымъ образомъ, на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ, растягивающее дѣло иногда на многіе десятки лѣтъ.

Судъ присяжныхъ, гласный, словесный и по совѣсти положитъ конецъ часто невиннымъ страданіямъ и отстранитъ всякій поводъ къ томительному держанію подсудныхъ въ тюрьмахъ и острогахъ по нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того, послѣдствіемъ благодѣтельнаго и разумнаго выборнаго самоуправленія хозяйственнаго и самостоятельности и гласности суда будетъ: 1) облегченіе правительственныхъ заботъ о благосостояніи общественномъ; 2) исправное поступленіе всякаго рода повинностей; 3) уничтоженіе произвола и взяточничества чиновниковъ, изъ которыхъ многіе, по пресѣченію этихъ доходовъ, обратятся къ болѣе полезнымъ занятіямъ; 4) дѣйствительная личная отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ предъ судомъ и закономъ, безъ права ссылаться на предписаніе начальства, въ оправданіе своего противозаконнаго дѣйствія; 5) уваженіе всѣхъ къ закону, и полная, непоколебимая довѣренность къ правительству и, наконецъ, правильное, быстрое, нравственное развитіе народа.

Излагая свое мнѣніе, Кардо-Сысоевъ говоритъ, что онъ выразилъ только общій практически-вѣрный взглядъ на главныя начала, съ сильнымъ убѣжденіемъ, что для общаго спокойствія въ государствѣ необходимо, чтобы „реформы крѣпостного права шли одновременно со сказанными выше преобразованіями учрежденій: судебнаго, административнаго и полицейскаго".

Если правительству угодно будетъ принять главныя вышеизложенныя начала и основанія, то развитіе и примѣненіе ихъ слѣдуетъ поручить выборнымъ лицамъ, которыя сами по себѣ

терпятъ всѣ злоупотребленія настоящаго порядка дѣлъ, „а не чиновникамъ“ [1]).

Безобразовъ (членъ, избранный меньшинствомъ Владимірскаго комитета) разсуждалъ такъ,—„возрождая народъ, надо дать ему не одни только средства къ жизни, но вполнѣ оградить его отъ всякаго произвола и стѣсненій—указать ему широкій путь къ разумному развитію и положить предѣлъ злоупотребленіямъ. Это можетъ быть достигнуто, по мнѣнію Безобразова, только тогда, когда во всей администраціи будутъ проведены слѣдующія важнѣйшія начала:

1) Строгое раздѣленіе властей административной, судебной и полицейской (особенно въ высшихъ сферахъ, въ низшихъ можетъ быть допущено нѣкоторое смѣшеніе). 2) Полицейское управленіе правительственное и централизованное въ чисто охранительномъ духѣ. Полиція должна быть другомъ народа, охранительницей порядка; надобно отнять отъ нея всякій карательный характеръ, приведеніе въ исполненіе приговоровъ суда, наказанія не должны быть дѣломъ полиціи. 3) Судебныя учрежденія, независимыя ни отъ правительственной власти, ни отъ общества, съ введеніемъ гласности и словоговоренія; уголовный судъ, гласный, словесный и по совѣсти, т. е. судъ присяжныхъ. 4) Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

Безобразовъ не представилъ подробнаго развитія этихъ началъ; но, заявляя ихъ въ настоящемъ дѣлѣ, думалъ, что, по распоряженію правительства, необходимо возложить это на образованныхъ помѣщиковъ и людей спеціальныхъ, и ежели все это безъ малѣйшаго упущенія будетъ принято за основанія, какъ не приносящія одно безъ другого истинной пользы, то желанія благодушнаго монарха вполнѣ осуществятся [2]).

Депутаты отъ полтавскаго комитета, Позенъ и Богдановичъ, находили, что безъ существенныхъ преобразованій въ устройствѣ суда и полиціи крестьянская реформа можетъ при самомъ началѣ встрѣтить чрезвычайныя затрудненія и повести къ большимъ неустройствамъ. Правительство предусмотрѣло это, постановивъ въ числѣ условій реформы, чтобы на мѣстѣ была сильная власть. Не зная, какъ предполагаетъ правительство уста-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 227.

[2]) Тамъ же. Тѣ же дѣла, кн. 223, л.л. 354 и 355 обр.

новить эту власть, Позенъ и Богдановичъ не входили въ большія подробности, но высказали убѣжденіе, что было бы весьма полезно „не увеличивать числа чиновниковъ, а обратиться преимущественно къ выборному элементу". Особенное вниманіе, говорятъ они, необходимо обратить на должность мирового судьи, если должность эта будетъ окончательно признана необходимою, на уѣздную расправу и на мѣстную полицію.

„Изъ мирового судьи не слѣдуетъ", по мнѣнію Позена и Богдановича, „дѣлать чиновника", не слѣдуетъ также обременять его разборомъ мелочныхъ споровъ и тяжбъ. Кругъ дѣйствія его и отношенія къ мѣстнымъ и губернскимъ властямъ должны быть опредѣлены такъ, чтобы дворяне не имѣли причины отказываться отъ этой должности [1]).

Членъ отъ нижегородскаго комитета Нестеровъ говорилъ исключительно о крестьянскомъ судѣ. Предложивъ схему сельскаго административнаго и судебнаго устройства и перейдя затѣмъ къ разсужденіямъ о „судѣ стариковъ", онъ говоритъ, что гарантія этого учрежденія будетъ заключаться въ совершенной „гласности судопроизводства", при просвѣщенномъ содѣйствіи адвокатовъ, изъ среды молодыхъ образованныхъ людей, въ которыхъ не будетъ недостатка. Нестеровъ не отвергалъ прекраснаго значенія суда присяжныхъ, но былъ убѣжденъ, что этого значенія онъ можетъ достигнуть лишь тогда, когда общество пройдетъ чрезъ школу самоуправленія, когда члены его, дѣятельно участвуя въ общественномъ управленіи, сознаютъ необходимую связь общественнаго интереса съ интересами личными. До тѣхъ поръ присяжные будутъ походить „на нашихъ понятыхъ", которые, поднявъ безсмысленно два пальца кверху, готовы отказаться отъ отца и родного брата, лишь бы распустили ихъ по домамъ [2]).

Представитель большинства новгородскаго комитета Косаговскій писалъ, что секретное производство дѣлъ и полная зависимость должностныхъ лицъ отъ административной власти, во многихъ случаяхъ, дѣлаютъ изъ нашихъ судовъ излишнюю и даже вредную формальность, причемъ исполненіе законовъ зависитъ отъ произвола чиновниковъ. Лучшими тому доказа-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 225, л.л. 112 обр.—114.
[2]) Тамъ же. Тѣ же дѣла, кн. 224, л.л. 284 и 285.

тельствами служатъ многотомныя дѣла, продолжающіяся иногда десятки лѣтъ, и многолѣтнія заключенія въ тюрьмахъ, часто по одному только подозрѣнію.—Безчисленныя злоупотребленія, прикрываемыя узаконенными формальностями, вызываютъ на конечное „преобразованіе нашихъ судовъ, которые должны быть самостоятельны и гласны". „Принятіе правильнаго выборнаго начала, преобразованіе судовъ, строгое разграниченіе властей: судебной, административной и полицейской, наконецъ личная отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ передъ судомъ и закономъ, безъ права ссылаться на предписанія начальства, въ оправданіе незаконныхъ дѣйствій,—вотъ тѣ условія, при которыхъ высшее правительство можетъ расчитывать, во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, на содѣйствіе общества". Если при всемъ этомъ будетъ допущена „печатная гласность", то бо̀льшая часть злоупотребленій если не устранится вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, не будетъ укрыта, и слѣдовательно не останется безнаказанною. Вышесказанныя условія неминуемо увеличатъ довѣріе общества къ правительству; довѣріе это, въ настоящее время, необходимѣе, чѣмъ когда либо, потому что крестьянское дѣло не обойдется безъ значительныхъ финансовыхъ предпріятій со стороны правительства. Поэтому Косаговскій утверждалъ, что упомянутыя преобразованія составляютъ естественную принадлежность правильнаго и мирнаго исхода крестьянскаго вопроса [1]).

Приведенныя мнѣнія свидѣтельствуютъ о значительной солидарности во взглядахъ представителей губернскихъ комитетовъ не только на необходимость судебной реформы, но также и на существеннѣйшіе ея пункты, но впрочемъ были отдѣльные голоса, несогласные по нѣкоторымъ вопросамъ съ общимъ хоромъ. Для примѣра приведемъ мнѣніе уже упоминавшагося выше Нестерова объ учрежденіи мировыхъ судей. Возможно ли у насъ въ настоящее время учрежденіе мировыхъ судей, спрашиваетъ Нестеровъ? Для того, чтобы это учрежденіе было благомъ, а не величайшимъ зломъ, т. е. созданіе новаго чиновника со всѣми его зловредными атрибутами, необходимо, по его мнѣнію, чтобы мировой судья былъ лицо, назначенное высшею властью, вполнѣ независимое и отвѣтственное лишь предъ закономъ, пользую-

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 224, л.л. 352 обр.—354.

щееся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Но гдѣ же среда, изъ которой подобныя лица должны быть назначаемы? Доселѣ общество было безмолвно и лишено движенія, оно представляло безразличную массу. Въ этой безразличной массѣ, лишенной слова и движенія ничего не найдетъ взоръ верховной власти, хотя бы одаренный сверхъестественною прозорливостью. А выбирать на удачу отдѣльныя единицы будетъ несообразно съ ея справедливостью и мудростью. Всякое же другое значеніе мирового судьи невозможно. Если онъ будетъ, какъ видно изъ предположенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на жалованьи, будетъ ли онъ выбранъ крестьянами или дворянствомъ, утвержденъ начальникомъ губерніи, кто бы онъ ни былъ, онъ будетъ не мировой судья, а чиновникъ. И сельское управленіе, съ такимъ трудомъ спасаемое отъ чиновническаго элемента, сдѣлается снова его жертвою. По моему убѣжденію, въ настоящее время, учрежденіе мировыхъ судей невозможно и не нужно.

Разсужденія депутатовъ свидѣтельствуютъ съ несомнѣнностью о томъ, что вопросъ о судебной реформѣ особенно занималъ умы помѣстныхъ дворянъ, въ концѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка, поэтому естественно о немъ должны были заговорить и дворянскія собранія, настроеніе и характеръ которыхъ въ это время значительно измѣнились. Мелкіе личные счеты, споры и будничныя провинціальныя заботы отступаютъ на второй планъ, и общее вниманіе сосредоточивается на крупныхъ государственныхъ вопросахъ, среди которыхъ естественно одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ занимала судебная реформа. Послѣ горячихъ, иногда бурныхъ преній многія дворянскія собранія составляли адресы Государю, въ которыхъ настойчиво просили о коренномъ судебномъ преобразованіи, указывая и главныя его основанія, какъ то: независимость судебной власти, устность и гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ и пр. Для характеристики общественнаго настроенія той эпохи и для освѣщенія весьма важнаго вопроса о степени участія общества въ ходѣ судебной реформы эти адресы и обстоятельства, сопровождавшія ихъ составленіе, представляютъ весьма большой интересъ. Ближайшее ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ даетъ ясное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ Судебные Уставы 1864 года явились отраженіемъ желаній наиболѣе просвѣщеннаго круга провинціальнаго общества. Хотя правительство встрѣчало эти адресы не особенно

сочувственно, видя въ нихъ поползновенія дворянства на участіе въ общегосударственныхъ дѣлахъ, но содержаніе ихъ въ такой мѣрѣ соотвѣтствовало нуждамъ той эпохи, что высказанныя дворянами мысли несомнѣнно оказали вліяніе на правящую среду и черезъ нѣсколько лѣтъ воплотились въ законъ.

Однимъ изъ первыхъ выступило харьковское дворянство, которое 26 сентября 1858 года, постановило, между прочимъ, ходатайствами просить правительство „упростить судопроизводство и сдѣлать его гласнымъ". Объяснительный журналъ къ этому постановленію заслуживаетъ вниманія [1]), онъ начинается указаніемъ, что въ настоящее время въ печати выставляютъ на показъ наши общественные недостатки, толкуютъ о злоупотребленіяхъ гласно; въ допущеніи такой свободы критики видно несомнѣнное намѣреніе правительства заклеймить порокъ и предать его публичному презрѣнію. Сомнительно, чтобы эта мѣра произвела всѣ желаемыя послѣдствія: она бы дѣйствительно принесла пользу, если бы гласность не ограничивалась одними намеками, слишкомъ замаскированными, и если бы голосъ общественный былъ у насъ силенъ и справедливъ.

Чтобы обуздать зло, намъ нужны средства болѣе прямыя и болѣе опредѣлительныя. Надобно, чтобы сословія объяснили правительству свое положеніе, свои нужды, чтобы они сознали свои пороки и помогали бы закону исправить ихъ.

Въ настоящее время, разсуждаютъ харьковскіе дворяне, когда дворянство, побуждаемое благою волею Монарха, силится возродить себя, измѣнить свой бытъ, мы должны со всѣмъ вниманіемъ повѣрить и правильно опредѣлить наши обязанности, нашъ интересъ сословный, наши отношенія къ другимъ сословіямъ и къ правительству, чтобы мы съ пониманіемъ долга, чести и справедливости могли слѣдовать по новому пути, намъ указанному.

Намъ предоставлено право въ собраніи разсуждать о своихъ нуждахъ и пользахъ (Св. Зак. т. IX, ст. 112), представлять губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій, или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постано-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 1903, л.л. 4—15.

вленія (Св. Зак. т. IX, ст. 135), но всякій разъ дворянскія совѣщанія, во время выборовъ, ограничиваются постоянно испрошеніемъ милости о разсрочкѣ взноса недоимокъ, о разсрочкѣ платежа въ Опекунскій совѣтъ, о прибавкѣ ссуды при залогѣ имѣній и мы считаемъ себя вполнѣ облагодѣтельствованными, если намъ разсрочатъ или простятъ недоимку. Правду сказать, мы должны стыдиться этого публичнаго подаянія: убыточнаго для казны, несправедливаго въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и унизительнаго для чести дворянскаго сословія.

Мы желаемъ только справедливости и во имя этого святого чувства мы принимаемъ смѣлость обратить вниманіе правительства на стѣснительное наше положеніе, происходящее отъ медленности и недостаточности нашего судопроизводства.

Несмотря на всѣ мѣры, предпринимаемыя правительствомъ къ ускоренію рѣшенія дѣлъ, несмотря на строгія побужденія начальниковъ, дѣла у насъ тянутся десятки лѣтъ и всегда найдутся законныя причины, оправдывающія медленность. Время у насъ теряется въ перепискахъ, собираніяхъ справокъ, въ отысканіи лицъ, требуемыхъ къ дѣлу, на объявленіе рѣшеній.

Обыкновенно дѣло останавливается на становомъ или частномъ приставѣ. Они доставляютъ всѣ матеріалы, нужные къ дѣлу, они же приводятъ рѣшеніе въ исполненіе. На многократныя побужденія присутственныхъ мѣстъ становой не отвѣчаетъ и наконецъ, угрожаемый лишиться мѣста, доноситъ, что требуемое лицо находится въ отсутствіи, или онъ доставляетъ показанія неполныя, неясныя, неправильныя и присутственное мѣсто, потерявши много времени, должно вновь пополнять, или рѣшать дѣло, основываясь на показаніяхъ невѣрныхъ. Причина такого замедленія состоитъ въ томъ, что мы имѣемъ возможность укрываться отъ распоряженій суда, если они противны нашимъ интересамъ, а становой или частный приставъ могутъ произвольно выставлять тѣ или другія причины невыполненія предписаній. Съ умноженіемъ числа становыхъ или по замѣщеніи ихъ засѣдателями отъ дворянства, движеніе судопроизводства нисколько не ускорится — нужно измѣнить положеніе объ обязанностяхъ станового, чтобы въ прямомъ и скоромъ выполненіи ихъ онъ находилъ свой интересъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ общество было защищено отъ его произвола.

Процессы немногосложные, напримѣръ: взысканія по векселямъ безспорнымъ, дѣла конкурсныя продолжаются у насъ многіе годы и, при медленности судопроизводства, пока совершается переписка, должникъ успѣетъ перевести свое имущество, а заарестованное согніетъ прежде чѣмъ продано будетъ.

При видѣ такой медленности и безполезности судопроизводства кредиторы не предъявляютъ своихъ документовъ ко взысканію, дабы избѣжать потери времени и денегъ, съ нимъ соединенной. Купцы предпочитаютъ взять только 10 копѣекъ съ рубля, нежели заводить тяжбу. Они теряютъ 90 процентовъ и со временемъ забудутъ свое горе; но заведши 10—20-лѣтній процессъ, они тратятъ дорогое время, лишаются покоя и дѣлаютъ издержки, превосходящія нерѣдко самый капиталъ. Купецъ, по необходимости, беретъ 50 процентовъ лишняго съ своихъ покупателей, дабы покрыть потери, сопряженныя съ кредитомъ.

По той же причинѣ многіе контракты остаются невыполненными.

Еще болѣе отяготительны споры о правахъ на имѣніе: съ обѣихъ сторонъ приносятся жертвы безполезныя. Дѣло, подвергаясь разнымъ случайностямъ, возрастаетъ, вслѣдствіе частныхъ жалобъ, объясненій и дополненій до неслыханныхъ размѣровъ, наконецъ усложняется и спутываетса до того, что усилій человѣческихъ недостаточно, чтобы обнять его. Подобный споръ рѣшается тогда, когда имѣніе разорится и одна или обѣ стороны изнемогутъ.

Въ дѣлахъ уголовныхъ становой или частный приставъ производитъ слѣдствіе, отбираетъ показанія свидѣтелей по своему выбору и по безграмотности ихъ, при таинственности судопроизводства, недопускающаго контроля на мѣстѣ, составляетъ часто показанія вовсе несправедливыя, но слѣдствіе, произведенное становымъ, составляетъ краеугольный камень дѣлу.

Преступленія часто остаются недоказанными потому, что свидѣтели, страшась суда, скрываются отъ дачи показанія. Хотя преступленіе очевидно, всѣмъ извѣстенъ преступникъ и гласно объ немъ говорятъ, но мнѣніе общественное и голосъ народа у насъ не имѣютъ должнаго значенія.

Таковое бѣдственное состояніе нашего судопроизводства наиболѣе зависитъ отъ самой формы его, которая, при всѣхъ

сдѣланныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, не можетъ удалить безчисленныхъ злоупотребленій и судья, даже при всей добросовѣстности, нерѣдко затрудняется и дѣлаетъ ошибки по многосложности и громадности письменнаго процесса. Иногда онъ долженъ рѣшать дѣло не по чувству справедливости и полному убѣжденію, но только соблюдая узаконенныя формы, дабы самому не попасть въ отвѣтственность. Личность подсудимаго, его прямодушіе и честная жизнь, его отчаянное положеніе, истинное раскаяніе не могутъ имѣть кредита и цѣны въ судѣ, гдѣ читаются только донесенія станового или слѣдователя.

У насъ часто говорятъ, что человѣкъ, потерявшій искъ, по совѣсти правъ, а по закону виноватъ, какъ будто законъ можетъ противорѣчить совѣсти и правдѣ, но ошибка въ этой фразѣ исправляется, если подъ словомъ законъ разумѣть форму, но при этомъ грустно вспомнить, что человѣкъ долженъ лишиться правъ, принадлежащихъ ему по совѣсти, или подвергнуться осужденію за недостаткомъ средствъ, предоставляемыхъ формою судопроизводства къ защитѣ его, именно потому, что совѣсть трудно сознать на бумагѣ, но она видна на лицѣ, голосѣ и слезахъ подсудимаго — доказательства эти недоступны при закрытомъ судопроизводствѣ.

Нашъ капиталъ и наши имѣнія обезпечиваются бумажными документами, хранящимися въ архивахъ и присутственныхъ мѣстахъ, но документы эти неопредѣлительны, непрочны; несмотря на ихъ громадность и безчисленность, эти бумажныя крѣпости, защищаемыя секретно, не могутъ охранить нашей собственности и личности.

Намъ нужны другія средства, болѣе прочныя, живущія, болѣе рѣшительныя: они заключаются въ голосѣ народа, въ здравомъ общественномъ мнѣніи, въ чувствѣ правды и чести, если они будутъ выражены гласно, откровенно и публично.

Гласность и здравое общественное мнѣніе снимутъ личину съ преступнаго чиновника и вызовутъ заслуги и безкорыстіе честнаго судьи [1]).

---

[1]) Ходатайство харьковскаго дворянства возбудило переписку между министромъ вн. дѣлъ Ланскимъ и министромъ юстиціи гр. Панинымъ, причемъ послѣдній писалъ первому: „Сообщенное мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ постановленіе Харьков-

Въ томъ же 1858 году Тульское дворянское собраніе возбудило ходатайство „о допущеніи публичности или гласности судопроизводства во всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ судебныхъ и судебно-полицейскихъ присутственныхъ мѣстахъ", причемъ дворяне скромно прибавляли: „въ томъ размѣрѣ, какой будетъ признанъ возможнымъ". Въ началѣ 1859 года выступило съ подобной же просьбой воронежское дворянство; въ составленномъ по этому поводу адресѣ оно говорило: „Правосудіе, милосердіе и отеческая заботливость Вашего Императорскаго Величества о благѣ всѣхъ сословій нашего отечества, открывающія новую эру въ исторической жизни государства и всего просвѣщеннаго міра, — осмѣливаютъ вѣрноподданное и безгранично преданное Вашему Императорскому Величеству дворянство Воронежской губерніи,—въ виду предстоящей перемѣны отношеній между главными сословіями государства, и потому крайняго неудобства и даже вреда тайнаго судопроизводства во всѣхъ тѣхъ недоумѣніяхъ, спорахъ и тяжбахъ, которые, при существованіи канцелярской тайны въ судахъ и слѣдствіяхъ, въ неопредѣленномъ количествѣ могутъ неизбѣжно возникнуть между лицами и произвесть даже враждебную недовѣрчивость между сословіями, — повергнуть къ подножію священнаго престола Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу о водвореніи открытаго судопроизводства и гласности во всѣхъ судахъ и слѣдствіяхъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе, имущество, честь и самая жизнь всѣхъ вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества" [1]).

Вопросъ о судебной реформѣ обсуждался въ томъ же 1859 году и во Владимірскомъ дворянскомъ собраніи, гдѣ выступили съ интересными рѣчами бывшіе депутаты отъ губернскаго комитета

скаго дворянскаго собранія относится до двухъ предметовъ: упрощенія судопроизводства и гласности онаго.

„Первымъ предметомъ, какъ вамъ, милостивый государь, извѣстно, давно уже занимается правительство, и нынѣ разные проекты, составленные во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ.

„Вопросъ о гласности былъ возбужденъ въ періодическихъ сочиненіяхъ, какъ на это указано и въ постановленіи Харьковскаго дворянскаго собранія. Государь Императоръ призналъ возбужденіе вопроса по сему предмету неудобнымъ, и вслѣдствіе происходившихъ по сему предмету сношеній послѣдовало распоряженіе, сообщенное мнѣ министромъ народнаго просвѣщенія въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1857 года".

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 1903, л. л. 21—28.

Безобразовъ и Протопоповъ, первый изъ нихъ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ охарактеризовалъ недостатки тогдашняго управленія и судопроизводства и высказывалъ опасеніе, „что ежели дворянство предадутъ на произволъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ народомъ, у котораго эти новые попечители отнимутъ все, чѣмъ мы готовы наградить его", а второй настаивалъ на необходимости установленія строгой отвѣтственности всѣхъ состоящихъ на государственной службѣ лицъ предъ судомъ и закономъ, гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ. По выслушаніи этихъ рѣчей избрана была комиссія для составленія проекта адреса Государю, а на другой день громаднымъ большинствомъ голосовъ былъ принятъ текстъ адреса, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „вступая на путь вѣковыхъ преобразованій... отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона... правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши обязаны производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изслѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственныхъ убѣжденій". Владимірскіе дворяне приходили къ заключенію, что исполненіе у насъ законовъ зависитъ большею частью отъ личнаго произвола, и что такой порядокъ не можетъ быть терпимъ далѣе, а поэтому признавали необходимымъ цѣлый рядъ реформъ и въ томъ числѣ введеніе гласнаго судопроизводства, суда присяжныхъ, непосредственной отвѣтственности каждаго передъ судомъ, строгой отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ и раздѣленіе властей судебной и административной [1]). Почти въ такихъ выраженіяхъ ходатайствовало и ярославское дворянство [2]). Подобнаго рода мысли, такъ сказать, носились въ воздухѣ, ихъ высказывали или хотѣли высказать въ своихъ адресахъ многія дворянскія общества, причемъ на этой почвѣ происходили неоднократныя столкновенія съ мѣстной администраціей и центральнымъ правительствомъ, которое пристально слѣдило за общественнымъ подъ-

[1]) Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи, изд. 1903 г., стр. 384 и слѣд.

[2]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крестьянск. дѣлу, кн. 37, д. № 71, л. л. 55—62, 79 и 80; за подачу этого адреса губ. предв. Бему было сдѣлано замѣчаніе.

емомъ провинціи и отнюдь не желало допускать сужденій дворянства объ дѣлахъ общегосударственнаго характера [1]).

Сознаніе необходимости судебной реформы не было исключительнымъ достояніемъ помѣстнаго дворянства, оно проникало и въ прочія группы тогдашней интеллигенціи. Съ университетскихъ каѳедръ раздались настойчивые голоса, призывавшіе къ коренному судебному преобразованію, причемъ на первый планъ выставлялись все тѣ же пожеланія—отдѣленія суда отъ администраціи, устности и гласности, суда присяжныхъ и проч. [2]). Особенное вниманіе вопросу о судебной реформѣ удѣлялось въ печати. Положительно каждый журналъ и каждая газета спѣшили совершенно опредѣленно заявить о своемъ недовольствѣ существующими судебными порядками и указать на необходимость судебной реформы. Подобнаго рода статьи прежде всего появляются въ большомъ количествѣ въ лондонскихъ русскихъ изданіяхъ, причемъ какъ и въ дворянскихъ пожеланіяхъ выставляется на одно изъ первыхъ мѣстъ требованіе самостоятельности и независимости судовъ отъ исполнительной власти при непремѣнномъ условіи контроля надъ ними общественнаго мнѣнія въ формѣ гласности судопроизводства, „вѣчное зрѣлище суда и наказанія, говорится въ одной изъ этихъ статей, разовьетъ въ гражданахъ чувство права и законности, составляющее первое основаніе всякой разумной общественной жизни“ [3]). Любопытно отмѣтить, что русская зарубежная печать не ограничивается общими фразами и пожеланіями кореннаго пере-

---

[1]) Въ 1859 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе дворянскимъ собраніямъ: не входить ни въ какія сужденія по предметамъ, касающимся вообще до крестьянскаго вопроса, которое вызвало неудовольствіе многихъ дворянскихъ собраній; нѣкоторыя собранія старались обойти это запрещеніе, другія обратились съ ходатайствомъ о его отмѣнѣ; къ послѣднимъ принадлежало, между прочимъ, Рязанское дворянское собраніе, которое привлекло къ себѣ особое вниманіе правительства по слѣдующему поводу. Къ началу собранія былъ полученъ съ эстафетою № 6 Русской Газеты, отъ 9 декабря 1859 года, со статьями Наумова и Стаховича, взволновавшими всѣ умы. Эти статьи весьма любопытны для показанія настроенія дворянства того времени. Въ нихъ дворяне призываются къ пробужденію, авторы предлагаютъ составлять адресы съ ходатайствами о необходимыхъ реформахъ и напоминаютъ дворянамъ предоставленныя имъ права, причемъ среди необходимыхъ реформъ одно изъ первыхъ мѣстъ отводится гласности судопроизводства и вообще судебному преобразованію (Арх. Госуд. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 37, д. № 71, л. л. 24—29; кн. 40, д. № 94, л. л. 1 обр., 3—8, 10).

[2]) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, т. 18, стр. 258. Рѣчь профессора Куницына „О мѣрахъ къ отвращенію неправосудія по русскому законодательству“.

[3]) Голоса изъ Россіи, книжка 4-я (1857 г.), „Современныя задачи русской жизни“—эта статья написана въ іюнѣ 1855 года.

устройства судебныхъ порядковъ, а подробно останавливается и на практической сторонѣ реформы. Цензурныя условія не давали имперской печати полной свободы высказаться съ такою же откровенностью, но и она по мѣрѣ возможности заговорила о судебной реформѣ, причемъ наиболѣе излюбленными ея темами были независимость судебной власти, устность и гласность судопроизводства и судъ присяжныхъ, а затѣмъ удѣлялось значительное вниманіе мировому институту и адвокатурѣ [1]).

[1]) Въ какой степени во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ возросъ интересъ къ вопросамъ права и въ частности къ организаціи на западноевропейскихъ началахъ судоустройства и судопроизводства можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго, примѣрнаго списка статей, появившихся въ тѣ годы въ разныхъ изданіяхъ.

С. И. Баршевъ. „Объ устности и гласности уголовнаго судопроизводства". Русск. Вѣстн., 1857 г., іюнь, т. 10. Его же. „О судѣ присяжныхъ". Тамъ же, 1857 г., т. 9. К. Яневичъ-Яневскій. „О публичности и устности уголовнаго судопроизводства по русскому положительному праву". Тамъ же, 1857 г., т. 11. Эта же статья перепечатана въ Морскомъ Сборникѣ въ томъ же году, въ октябрьской книжкѣ. Его же. „Объ адвокатахъ и адвокатурѣ въ Россіи". Отечествен. Записки, 1858 г., № 7. Его же. „О введеніи, развитіи и современномъ состояніи суда присяжныхъ во Франціи". Юридич. Записки, изд. П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. 1859 г. А. Хомяковъ. „О юридическихъ вопросахъ (необходимость судебной гласности)". Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 10. М. Филипповъ. „Взглядъ на русск. судоустройство и судопроизводство". Современникъ, 1859 г., №№ 1, 3, 4, 7, 8. Полюмбецкій (А. А.), „Вопросъ объ устности и гласности суда". Русск. Вѣстн., 1859, № 2. „Объ адвокатурѣ въ гражданск. процессѣ". Тамъ же, 1859 г., № 3. Баршевъ, С. И. „О необходимыхъ гарантіяхъ уголовнаго суда". Тамъ же, 1859 г., № 3. Саранчовъ, Д. „Уголовный судъ въ Англіи". Отеч. Зап., 1859 г., № 4. Побѣдоносцевъ, К. П. „О реформахъ въ гражд. судопроизводствѣ". Русск. Вѣстн., 1859 г., № 6, 7. „Повальный обыскъ по дѣламъ уголовнымъ". Отеч. Зап., 1859 г., № 10. Утинъ, Б. И. „Очеркъ истор. образованія суда присяжныхъ въ Англіи". Русск. Вѣстн., 1860 г., № 3. „Повальный обыскъ и очная ставка". Отеч. Зап., 1860 г., № 4. К. Яневичъ-Яневскій. „О судѣ присяжныхъ въ Англіи". Юрид. Зап., т. IV. 1860 г. П. Рѣдкинъ. „О независимости юстиціи". Тамъ же. Спасовичъ, В. „О теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ". (Публичная лекція въ сентябрѣ—октябрѣ 1860 г.). Напечатаны въ Журн. Мин. Юст., 1860 г., №№ 11 и 12, т. VI. Чебышевъ-Дмитріевъ (А.). „Начала обвинительное и слѣдственное въ уголовномъ процессѣ". Юрид. Вѣстникъ, изд. Н. Калачевымъ, 1860—1861 г., вып. I. „Уголовное право во Франціи". Русск. Вѣстн., 1860 г., № 7. Зарудный, М. И. „Англійскіе суды". Тамъ же, 1860 г., № 8. Чебышевъ-Дмитріевъ (А.). „Очеркъ уголовн. процесса въ Англіи, Франціи и Германіи". Отеч. Зап., 1860 г., №№ 10, 12. Утинъ, Б. „Къ вопросу о мировой юстиціи и самоуправленіи въ Англіи". Современникъ, 1860 г., № 11. Полозовъ, Н. „Нѣсколько словъ объ уголовн. слѣдствіяхъ". Русск. Вѣстн., 1861 г., № 2. Арсеньевъ, К. К. „О современномъ состояніи французской адвокатуры". Тамъ же, 1861 г., № 3. Бѣляевъ, И. „Своевременна ли отмѣна тѣлеснаго наказанія въ Россіи". День, 1862 г., №№ 50 и 52. Видингъ, К., профессоръ Грейфсвальдскаго университета, переводъ его статьи: „О судѣ присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ", помѣщенный въ Юрид. Зап. П. Рѣдкина, 1862 г., т. V. Унковскій, А. „Новыя основанія судопроизводства". Современникъ, 1863 г., №№ 1, 2. Баршевъ, С. И. „Задача присяжныхъ въ дѣлѣ уголовнаго суда". Русск. Вѣстн. 1863 г., № 5. Сверхъ того большое количество матеріала по однороднымъ вопросамъ имѣется въ Журналѣ Министерства Юстиціи, основанномъ въ іюлѣ 1859 года и въ Морскомъ Сборникѣ, начиная съ 1857 г.

Среди печатныхъ органовъ наиболѣе видную роль въ дѣлѣ подготовки умовъ къ судебной реформѣ сыграли „Журналъ Министерства Юстиціи“ и „Морской Сборникъ“. Первый изъ этихъ журналовъ выполнялъ такимъ образомъ свое естественное назначеніе, что же касается второго, то его заслуги должны быть особенно отмѣчены.

Представляя изъ себя спеціальный журналъ русскаго флота, „Морской Сборникъ“ являлся въ то же время отраженіемъ преобразовательныхъ идей и просвѣщенной дѣятельности августѣйшаго генералъ-адмирала, распространявшейся на многія стороны государственной жизни. Благодаря высокому покровительству, этотъ журналъ ранѣе другихъ получилъ возможность высказаться съ надлежащею свободою и полнотою о необходимости кореннаго судебнаго преобразованія и остановиться подробно на весьма важномъ вопросѣ о совмѣстимости независимой судебной власти, устнаго и гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ съ неограниченною самодержавною властью русскихъ монарховъ. Поставленный вопросъ весьма талантливо разрѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ генералъ-аудиторъ морского вѣдомства Глѣбовъ въ своей статьѣ „Морское судопроизводство во Франціи [1])“. Въ доказательство своей мысли авторъ ссылается во первыхъ на Наполеона I, который, несмотря на постоянное стремленіе къ деспотической власти, не только позволилъ заняться обработкой законовъ о судопроизводствѣ на началахъ словеснаго открытаго суда съ обезпеченіемъ самостоятельности судей, но и самъ работалъ усердно надъ этими законами, и во вторыхъ вообще на исторію Франціи, которая показываетъ что суды, являясь учрежденіемъ охранительнымъ и стремясь лишь къ исполненію закона, одинаково успѣшно служатъ опорою власти при самыхъ разнообразныхъ режимахъ.

Мысли, высказанныя въ „Морскомъ Сборникѣ“ о полной совмѣстимости самодержавной власти съ независимостью судовъ и новыми формами судопроизводства, повторялись неоднократно во время составленія Судебныхъ Уставовъ и служили вѣскимъ возраженіемъ тѣмъ лицамъ правящей среды, которыя опасались радикализма новыхъ судебныхъ учрежденій.

---

[1]) Эта статья представляетъ собою извлеченіе изъ письма Глѣбова, командированнаго во Францію для изученія устройства морской судебной части, къ Вел. Кн. Константину Николаевичу.

Сознаніе необходимости судебной реформы на началахъ независимости судебной власти, устности, гласности и суда присяжныхъ становилось все болѣе и болѣе всеобщимъ и отраженіемъ этого сознанія являлась не одна научная литература и публицистика, но также и изящная словесность.

Общественная мысль и общественное сознаніе давно переросли старый судебный строй и народная совѣсть не хотѣла болѣе мириться съ безчисленными злоупотребленіями и неправосудіемъ. Русскіе люди того времени, одухотворенные стремленіемъ къ высокому идеалу справедливости и человѣчности, горячо стремились къ водворенію истинной правды въ родной землѣ—коренная судебная реформа становилась неизбѣжной.

ЧАСТЬ II.

Ходъ судебной реформы 1864 года.

I. Учрежденіе слѣдователей. Проекты Блудова и составленіе Основныхъ Положеній.

Первымъ шагомъ къ коренному судебному преобразованію была реформа слѣдственной части. Въ то время, какъ шли работы редакціонныхъ комиссій, подготовлявшихъ освобожденіе крестьянъ, правительство не могло не обратить самаго серьезнаго вниманія на состояніе полиціи, которой предстояла весьма важная задача—охранять порядокъ и общественное спокойствіе во время проведенія въ жизнь этой великой соціальной реформы.

Но такъ какъ времени оставалось немного, то рѣшено было отказаться отъ мысли о коренномъ преобразованіи мѣстной полиціи, приходилось довольствоваться лишь нѣкоторыми наиболѣе неотложными улучшеніями, среди которыхъ, по общему мнѣнію, первое мѣсто занимало освобожденіе полиціи отъ слѣдственныхъ обязанностей съ учрежденіемъ особыхъ слѣдственныхъ приставовъ или судей.

Въ такомъ именно направленіи и шли работы учрежденной въ 1859 году комиссіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ [1]).

---

[1]) Точное названіе этой комиссіи было таково: „Комиссія, учрежденная по Высочайшему повелѣнію 27 марта 1859 года для начертанія проектовъ новаго устройства губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій", предсѣдательствовалъ въ ней Н. А. Милютинъ, а членами были: Ждановъ, графъ Шуваловъ, К. Гротъ, Арцимовичъ, Зарудный, Калмыковъ, Н. Смирновъ, Миллеръ, Гирсъ, Стояновскій, Калачовъ и Я. А. Соловьевъ.

Среди членовъ ея болѣе всѣхъ интересовался вопросомъ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи Стояновскій, принявшій на себя тяжелый трудъ составленія надлежащихъ законопроектовъ; результатомъ его усиленной, почти годовой работы явились проекты учрежденія слѣдственныхъ судей, наказа этимъ должностнымъ лицамъ и наказа полиціи о производствѣ дознанія. Въ маѣ 1860 года эти проекты подверглись обстоятельному обсужденію въ Соединенныхъ Департаментахъ (Гражданскомъ и Законовъ) Государственнаго Совѣта, усиленныхъ членами Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, при чемъ возраженія послѣдовали прежде всего противъ наименованія „слѣдственный судья". Присутствіе департаментовъ и членовъ Главнаго Комитета находило, что слова „слѣдственный судья" могутъ дать неправильное понятіе объ учрежденіи, потому что этотъ судья не судитъ, а собираетъ только данныя, представляемыя имъ на разрѣшеніе суда; онъ производитъ слѣдствіе и поэтому долженъ называться слѣдователемъ, но такъ какъ слѣдствія изъ вѣдомства полиціи переходятъ къ судамъ, то правильнѣе всего было бы назвать его судебнымъ слѣдователемъ.

Затѣмъ члены Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета обратили вниманіе на порядокъ назначенія судебныхъ слѣдователей. Они исходили изъ того соображенія, что, согласно Высочайше утвержденному положенію объ отдѣленіи полицейской власти отъ судебной, слѣдствіе должно производиться чиновникомъ не полицейскаго, а судебнаго вѣдомства, поэтому и слѣдователи должны назначаться не губернскимъ начальствомъ, какъ предположено въ проектѣ учрежденія слѣдственныхъ судей, а министромъ юстиціи, какъ главнымъ начальникомъ судебнаго вѣдомства, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы назначеніе это дѣлалось по представленію губернатора, который долженъ входить по этому поводу въ соглашеніе съ губернскимъ прокуроромъ.

Другіе вопросы, относящіеся до организаціи новаго института, какъ-то: число слѣдователей для всей Имперіи, размѣръ содержанія и проч., не вызвали особыхъ возраженій.

При обсужденіи наказа судебнымъ слѣдователямъ Соединенное Присутствіе Департаментовъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета сдѣлало серьезныя исправленія

по двумъ вопросамъ: во-первыхъ, по поводу актовъ слѣдствія и, во-вторыхъ, о допущеніи въ крайнихъ случаяхъ осмотра безъ свидѣтелей или понятыхъ. Въ проектѣ наказа употреблялись выраженія: акты, журналы и протоколы, безъ точнаго однако опредѣленія каждаго изъ этихъ понятій, при чемъ неоднократно допускалось смѣшеніе. Поэтому было признано необходимымъ указать точно случаи, когда должны составляться тѣ или иные акты, и кромѣ того было рѣшено вмѣнить судебнымъ слѣдователямъ въ обязанность вести общую дневную записку, изъ которой можно было бы видѣть весь ходъ слѣдствія и, между прочимъ, время совершенія тѣхъ дѣйствій, которыя не вносятся ни въ протоколъ, ни въ постановленіе.

Въ проектѣ наказа было установлено правило о производствѣ слѣдователемъ осмотра, въ крайнихъ случаяхъ, безъ свидѣтелей или понятыхъ. Такое правило, по мнѣнію Соединеннаго Присутствія, открывая возможность полнаго произвола, представляетъ чрезвычайную опасность и не вызывается дѣйствительною необходимостью, такъ какъ едва ли можетъ быть такой крайній случай, чтобы слѣдователь не успѣлъ пригласить понятыхъ; поэтому рѣшено было не предоставлять слѣдователямъ указаннаго полномочія. По исправленіи Государственнымъ Совѣтомъ, составленные комиссіею объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ проекты были утверждены 8 іюня 1860 года Государемъ и составили три закона: Учрежденіе Судебныхъ Слѣдователей, Наказъ Судебнымъ Слѣдователямъ и Наказъ полиціи о производствѣ дознаній. Сущность этихъ узаконеній сводилась, во-первыхъ, къ отдѣленію слѣдственной части отъ полиціи, за которою оставалось лишь первоначальное изысканіе о преступленіи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, дальнѣйшее же изслѣдованіе возлагалось на членовъ уѣзднаго суда, получившихъ названіе судебныхъ слѣдователей, и, во-вторыхъ, въ коренномъ измѣненіи положенія заподозрѣннаго лица во время слѣдствія. Подъ вліяніемъ идей правомѣрности и человѣчности былъ введенъ рядъ правилъ для обезпеченія интересовъ и правъ заподозрѣннаго, — былъ установленъ контроль надъ лишеніемъ его свободы, ему предоставлено присутствовать при осмотрахъ и обыскахъ, вмѣнено слѣдователю въ обязанность охранять его тайны и проч., однимъ словомъ, „личность запо-

дозрѣннаго, бывшая дотолѣ предметомъ произвольныхъ дѣйствій, получила свои законныя права". [1]).

Новые законы при добросовѣстномъ ихъ примѣненіи давали въ руки подлежащихъ властей надежныя средства для открытія преступленій и притомъ безъ нанесенія излишняго вреда отдѣльной личности. По духу своему они были преддверіемъ къ Судебныхъ Уставамъ 1864 года. „Наказъ судебнымъ слѣдователямъ, пишетъ А. Ѳ. Кони, былъ не только практической для своего времени мѣрой, не только цѣннымъ историческимъ памятникомъ по отношенію къ прошлому, но и своего рода завѣтомъ для будущаго. Онъ знаменовалъ собою проведенную въ 1860 году границу, за которую возвращаться нельзя, не рискуя, пошатнувъ все зданіе уголовнаго процесса, очутиться снова въ тѣхъ дебряхъ, среди которыхъ блуждала въ теченіе многихъ лѣтъ, изнывая, потребность общества въ дѣйствительномъ правосудіи".

Въ то время, какъ обсуждались реформа полиціи и отдѣленіе отъ нея слѣдственной части, шли обширныя работы по подготовкѣ судебнаго преобразованія.

Сознаніе необходимости судебной реформы, проникшее въ первые годы царствованія Императора Александра II во всѣ слои русскаго общества, было могучимъ двигателемъ подготовительныхъ работъ, на которыхъ вполнѣ отразилось всеобщее оживленіе, охватившее русскихъ людей послѣ крымской войны. II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, начавшее еще въ сороковыхъ годахъ составлять Судебные Уставы, сосредоточило прежде всего свое вниманіе на уставѣ гражданскаго судопроизводства, и 6 іюня 1857 года состоялось по докладу Блудова Высочайшее повелѣніе о внесеніи въ Государственный Совѣтъ составленнаго имъ проекта устава гражданскаго судопроизводства и объяснительной къ нему записки. Черезъ два дня помянутые документы были дѣйствительно представлены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и съ этихъ поръ вплоть до ноября 1864 года вопросъ о судебной реформѣ не сходилъ съ очереди.

15 ноября 1857 года состоялось первое засѣданіе Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ, посвя-

[1]) А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія, стр. 657.

щенное новому уставу, на которомъ департаменты признали необходимымъ поручить II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, чтобы оно немедленно и не ожидая окончательнаго утвержденія устава судопроизводства, приступило къ составленію проекта судоустройства, соотвѣтствующаго потребностямъ и условіямъ новаго процесса.

Съ этого времени и до 23 сентября 1859 года состоялось 37 засѣданій, посвященныхъ лишь Уставу Гражданскаго Судопроизводства. Эта почтенная цифра говоритъ сама за себя безъ всякихъ поясненій, свидѣтельствуя о весьма большомъ интересѣ и серьезномъ вниманіи, которое проявили Соединенные Департаменты къ вопросу о судебной реформѣ и въ частности къ указанному законопроекту. Не останавливаясь далѣе на внѣшней исторіи проекта устава гражданскаго судопроизводства, скажемъ нѣсколько словъ о томъ направленіи, въ которомъ складывалось его содержаніе.

Авторы интересующаго насъ законопроекта — чины II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, руководимые Блудовымъ, и Государственная Канцелярія, подготовлявшая доклады для Государственнаго Совѣта, придавали особое значеніе упрощенію производства, въ особенности по маловажнымъ дѣламъ, въ каковыхъ цѣляхъ предполагалось введеніе примирительнаго разбирательства и словеснаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ въ связи съ уменьшеніемъ числа инстанцій и вообще устраненіемъ излишнихъ формальностей. Покуда уставъ гражданскаго судопроизводства обсуждался въ Соединенныхъ Департаментахъ, именно въ такомъ духѣ былъ изданъ, такъ сказать, пробный законъ, которымъ создавалась въ Петербургѣ особая комиссія для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ между нанимателями и рабочими словеснымъ и сокращеннымъ порядкомъ, съ примѣненіемъ примирительнаго разбирательства прежде разбора существа каждаго дѣла [1]). Успѣшная дѣятельность комиссіи и довѣріе, которое она быстро завоевала какъ среди нанимателей, такъ равно и среди рабочихъ, при чемъ большую роль играла публичность ея засѣданій, служили лучшимъ доказательствомъ того, что принципы, положенные въ основаніе ея дѣятельности,

[1]) Эта комиссія была поставлена въ непосредственное отношеніе къ Сенату, чѣмъ достигалось сокращеніе числа инстанцій.

соотвѣтствовали потребностямъ даннаго времени. Такимъ образомъ лица, желавшія реформы гражданскаго процесса, находили опору для своего домогательства публичнаго, словеснаго и сокращеннаго производства, со введеніемъ примирительнаго разбирательства и сокращеніемъ числа инстанцій.

Въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи, составленныхъ въ 1859 г. по поводу проекта устава гражданскаго судопроизводства, имѣется прямая ссылка на организацію и практику упоминавшейся нами комиссіи [1]), причемъ приводятся пространныя доказательства необходимости сокращеннаго порядка производства и учрежденія мирового суда, которыя впослѣдствіи болѣе или менѣе повторялись при составленіи Судебныхъ Уставовъ [2]).

Въ новомъ судоустройствѣ графъ Блудовъ со своими сотрудниками и Государственный Совѣтъ предполагали отвести видное мѣсто мировому суду, который ихъ интересовалъ въ такой же мѣрѣ, какъ впослѣдствіи составителей Судебныхъ Уставовъ. Значенію мирового суда въ системѣ новаго судоустройства посвящена особая глава соображеній Государственной Канцеляріи, въ которой часто слышатся мысли, высказывавшіяся впослѣдствіи составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года; нерѣдко мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми доказательствами и даже съ тѣми же оборотами фразъ; не хватаетъ только цѣль-

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что законъ 30 іюня 1858 г., создавшій комиссію для разбора дѣлъ между нанимателями и рабочими и установившій словесный и сокращенный порядокъ судопроизводства, сдѣлался извѣстнымъ и въ Европѣ. Вотъ что о новомъ порядкѣ писалось въ газетѣ „Indépendance Belge“: „La premiére affaire de cette nature c'est discutée et jugée publiquement il y a quelques jours a la grande satisfaction des assistants. C'est lá il me semble un commencement d'application sur une échelle bien infinie cans doute, mais enfin un commencement d'application du principe de publicité dans les débats judiciaires“.

[2]) „У насъ, какъ и вездѣ, разсуждала Государственная Канцелярія, есть дѣла, которыя требуютъ быстраго разрѣшенія на мѣстѣ. Но оно не достигается установленіемъ особыхъ правилъ, по коимъ въ отдаленныхъ отъ мѣста судахъ все дѣлается въ одинъ день. Оно достигается установленіемъ судей на недалекомъ разстояніи отъ тяжущихся, спеціальныхъ судей, которые только и занимаются этими дѣлами. Теперь дѣла эти у насъ производятся и въ полиціи, и въ судѣ. Судъ получаетъ дѣло, испорченное полиціею, отсюда смѣшеніе властей, безконечные споры, трата времени и денегъ. Изъять эти дѣла изъ вѣдомства полиціи и предоставить ихъ судамъ въ настоящемъ ихъ составѣ, значитъ обременить ихъ выше силъ человѣческихъ, и тяжущихся лишить всякой возможности даже начинать дѣло, ибо судъ не судъ, когда требуется безотлагательное разысканіе, а чтобы добраться до суда, надо ѣхать или идти за сто или двѣсти верстъ...“ (Библ. Гос. Сов., дѣло о преобраз. суд. части въ Россіи, томъ IX, предварительныя работы Госуд. Канцеляріи по проекту уст. гражд.).

ности, послѣдовательности и радикальности, которыми характеризуется большинство соображеній составителей Судебныхъ Уставовъ. Очевидно многія идеи, положенныя черезъ нѣсколько лѣтъ въ основаніе судебной реформы, не вполнѣ еще созрѣли, не вполнѣ были выношены.

При образованіи новыхъ судовъ, разсуждала въ 1859 г. Государственная Канцелярія, вообще необходимо имѣть въ виду, чтобы суды эти могли занять опредѣленное мѣсто въ системѣ всего судоустройства въ государствѣ. Посему прежде всего надобно сказать нѣсколько словъ объ общей возможной въ Россіи при предполагаемыхъ преобразованіяхъ системѣ судоустройства.

Судоустройство есть органъ, коимъ приводятся въ дѣйствіе правила судопроизводства, и потому самое устройство судовъ должно быть послѣдствіемъ основныхъ началъ, принятыхъ въ судопроизводствѣ. Основное начало всякаго правильнаго судопроизводства состоитъ въ томъ, чтобы каждое дѣло не проходило болѣе двухъ инстанцій, т. е. двухъ степеней суда. Недостаточность одной инстанціи признана вѣковыми опытами Европы, а безполезность 10-ти и даже 12-ти инстанцій лучше всего доказываетъ опытъ Россіи. Посему при организаціи судовъ слѣдуетъ идти отъ одного начала,—дѣло должно разрѣшаться въ двухъ степеняхъ суда. Начало это можетъ быть выражено въ судоустройствѣ двоякимъ способомъ:

1) Учрежденіемъ двухъ степеней суда: низшей и высшей инстанцій, съ тѣмъ, чтобы всѣ дѣла начинались въ первой и разрѣшались окончательно во второй степени; 2) учрежденіемъ трехъ и даже четырехъ степеней суда, съ тѣмъ, чтобы дѣла раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, изъ коихъ первый разрядъ долженъ начинаться въ первой степени суда и рѣшаться окончательно въ третьей. Наконецъ, третій разрядъ дѣлъ долженъ начинаться въ третьей степени суда и рѣшаться окончательно въ четвертой. Судоустройство, существующее нынѣ въ Россіи, ближе подходитъ ко второму предположенію. У насъ можно считать четыре степени суда. 1-я степень: судъ полицейскій, суды словесные. 2-я степень: суды уѣздные, надворные, третейскіе. 3-я степень: палаты, коммерческіе суды. 4-я степень: Сенатъ

При существующемъ порядкѣ каждое дѣло должно пройти черезъ три инстанціи и можетъ проходить и черезъ всѣ четыре, —

не считая другихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, каковы Комиссія прошеній, Государственный Совѣтъ, министры и проч. Чтобы сколько-нибудь уменьшить это неудобство слѣдуетъ примѣнить къ существующимъ судамъ указанное выше основное начало судопроизводства о разрѣшеніи каждаго дѣла въ двухъ инстанціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширить кругъ дѣйствія низшихъ степеней суда, установивъ, что полицейскіе суды, т. е. мировые или словесные, рѣшатъ окончательно сокращеннымъ порядкомъ дѣла до 50 руб. сер., уѣздные суды до 500 руб., палаты до 2000, а Сенатъ всѣ безъ изъятія.

По общему правилу сокращеннымъ порядкомъ дѣла должны производиться въ словесномъ судѣ, въ прочихъ судъ сокращенный есть только изъятіе изъ общаго правила. Мировой судъ именно необходимъ въ качествѣ первой степени суда. Онъ необходимъ для дѣлъ простыхъ и малоцѣнныхъ. Изъятіе ихъ изъ вѣдомства суда уѣзднаго облегчитъ обязанности этого послѣдняго и значительно ускоритъ ходъ дѣлъ. Кругъ дѣйствія мировыхъ судовъ долженъ быть ограниченъ двумя условіями: во-1-хъ цѣнностью иска, можно назначить 300 рублей и дозволить суду рѣшать о к о н ч а т е л ь н о дѣла до 50 рублей, во 2-хъ простотою дѣла. Въ ограниченныхъ предѣлахъ словесный простой судъ необходимъ и полезенъ. Но не должно чрезъ мѣру и кромѣ того на первый разъ расширять его предѣловъ, а въ особенности смѣшивать его обязанности съ обязанностями уѣзднаго суда. Иначе, выйдетъ тоже, что съ судомъ по формѣ, установленнымъ указомъ 1723 года; словесное судопроизводство исчезнетъ въ письменномъ. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что словесный судъ, съ сокращеннымъ порядкомъ, имѣетъ въ виду выгоды истца и лишаетъ отвѣтчика многихъ правъ: срокъ на явку въ судъ для него сокращается, онъ лишается права имѣть въ виду письменное требованіе истца съ доказательствами, обдумать свое право, приготовить возраженіе; онъ является на битву, не зная, что говорить, какъ защищаться. Сокращенный порядокъ, какъ выше показано, весьма часто бываетъ ничто иное какъ судебный поединокъ и потому необходимо вмѣнить истцу въ обязанность, чтобы онъ до явки отвѣтчика въ судъ, по крайней мѣрѣ за день, сообщалъ ему письменно свои требованія и доказательства, дабы сей послѣдній могъ приготовиться къ защитѣ. Эти требованія и доказательства

составятъ основные пункты словеснаго пренія и дадутъ отвѣтчику возможность обдумать свои возраженія. Наконецъ, словесный судъ открываетъ широкое поле для произвола судьи и потому для ограниченія сего произвола необходимо дозволить какъ истцу, такъ и отвѣтчику приводить съ собою посторонних свидѣтелей словеснаго пренія.

Низшій словесный судъ, разсуждала Государственная Канцелярія, долженъ быть болѣе патріархальный, чѣмъ формальный. Обязанность его, прежде всего, должна состоять въ примиреніи спорящихъ. Слѣдовательно, въ дѣйствіяхъ суда должно быть единство и потому: во-1-хъ, судья долженъ быть одинъ, а не три,—коллегіальность въ видахъ ускоренія дѣлопроизводства представляется излишнею; во-2-хъ, онъ назначается правительствомъ, а не по выбору; въ 3-хъ, прежде всего онъ склоняетъ тяжущихся къ примиренію; въ 4-хъ, стряпчаго при словесныхъ судахъ не нужно. Установленіе его уничтожитъ все значеніе словеснаго краткаго суда.

Главный недостатокъ нашего судопроизводства состоитъ въ томъ, что оно не сокращенное, а пространное. Этотъ главный недостатокъ слагается изъ слѣдующихъ частныхъ: 1) смѣшеніе власти судебной и правительственной и недостатокъ суда для дѣлъ, требующихъ безотлагательнаго разрѣшенія на мѣстѣ; 2) неопредѣлительность законовъ о подсудности, въ коихъ заключаются основныя правила для начатія тяжбы; 3) неточность законовъ о судебныхъ издержкахъ, которыя часто составляютъ препятствіе къ достиженію правды; 4) недостатокъ законовъ о дѣлахъ охранительнаго порядка, которыя смѣшаны съ апелляціонными и производятся внѣ правилъ закона; 5) продолжительность и разнообразіе сроковъ; 6) существованіе исключительно письменной системы, которая не дозволяетъ тяжущимся явиться лично и объяснить на словахъ всѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть при разсмотрѣніи письменныхъ документовъ. Установленіе мировыхъ судей на вышеизложенныхъ основаніяхъ будетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ искорененію сихъ недостатковъ. И при этомъ законодатель не долженъ видѣть препятствія въ недостаткѣ хорошихъ людей въ Россіи. Если онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ той мысли, что у насъ нѣтъ людей, то въ такомъ случаѣ не представляется никакой надобности въ улучшеніи судопроизводства. Трудно спорить противъ общеизвѣстной мысли, что дурной порядокъ

судопроизводства при образованныхъ, честныхъ и отвѣтственныхъ судьяхъ, всегда лучше, чѣмъ хорошій порядокъ при судьяхъ необразованныхъ, корыстолюбивыхъ, пристрастныхъ и безотвѣтственныхъ. Для Россіи нужны тѣ люди, въ которыхъ у ней нѣтъ недостатка. Нужно только облегчить ихъ дѣйствія, дать имъ средства жить честно, установить основныя правила, отъ коихъ они не должны отступать. Затѣмъ строго взыскивать за нарушеніе закона. При такомъ порядкѣ всегда найдутся хорошіе люди.

27 октября 1859 года Государь поручилъ главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Блудову приступить немедленно къ составленію проекта судоустройства, не ожидая окончательнаго утвержденія устава гражданскаго судопроизводства. Въ виду этого, Блудовъ составилъ записку объ общихъ основаніяхъ, на которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало построить систему судовъ и представилъ ее на одобреніе Государя.

Императоръ Александръ II отнесся благопріятно къ соображеніямъ Блудова, отражавшимъ многія ходовыя мысли общества того времени о судебномъ преобразованіи. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ въ какой мѣрѣ взгляды Блудова на новое судоустройство послужили матеріаломъ для сужденій составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. приведемъ небольшія выдержки изъ упомянутой записки [1]).

По мнѣнію Блудова суды должны остаться тѣ же самые: суды уѣздные, палаты и Сенатъ. Палаты гражданскую и уголовную желательно соединить въ одинъ губернскій судъ. Число инстанцій ограничить двумя, начиная менѣе важныя дѣла (не влекущія лишенія правъ) въ первой инстанціи, болѣе важныя— во второй.

Магистраты и ратуши должны соединиться съ уѣздными судами. Въ столицахъ надворные суды соединяются съ уѣздными, но ввиду большого количества дѣлъ здѣсь, казалось бы, лучше отдѣлить дѣла уголовныя отъ гражданскихъ. Но одинъ судъ на уѣздъ будетъ недостаточенъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ увеличится число дѣлъ и, за дальностью разстояній, по незначительнымъ дѣламъ и искамъ населеніе иногда предпочтетъ

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 6370.

вовсе не обращаться къ суду. Почему желательно установить малые суды или, вѣрнѣе, судей, назвавъ ихъ мировыми и предоставивъ имъ сокращеннымъ порядкомъ рѣшать менѣе важныя дѣла. Эти суды могутъ быть устроены довольно просто и сходно съ французскими мировыми.

Блудовъ находилъ, что полезно было бы предоставить сторонамъ право и по искамъ болѣе важнымъ вызывать къ мѣстному судьѣ противниковъ для прекращенія дѣла миромъ, „что будетъ вполнѣ соотвѣтствовать духу нашего народа, вообще склоннаго къ скорому примирительному разбирательству". Соображенія о мировыхъ судьяхъ заслужили полное одобреніе Государя, который противъ этого мѣста записки написалъ: „Мнѣ кажется, что мысль эта весьма хороша".

Вслѣдствіе принятыхъ уже въ проектахъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго правилъ, что дѣла докладываются самими членами судовъ, составъ судовъ долженъ быть увеличенъ, а канцелярій уменьшенъ.

При каждомъ судѣ должны быть: прокуроръ или стряпчій, исполнительные пристава, особые пристава для вызова въ судъ и секретари. Слѣдствія лучше поручать самимъ членамъ суда, что дастъ возможность усиливать, то слѣдственный составъ, то судебный и одни и тѣ же лица не обременяются болѣе трудными обязанностями слѣдственными. Это соображеніе вызвало тоже одобреніе Государя, написавшаго—„очень хорошо".

Блудовъ полагалъ, что при судебныхъ мѣстахъ должны быть: 1) отдѣленія крѣпостныхъ дѣлъ и отдѣленія ипотечныя, 2) присяжные стряпчіе или повѣренные. Засѣданія судовъ предполагалось раздѣлить на судебныя и распорядительныя. Больше вниманія удѣлялось въ запискѣ вопросу о надзорѣ за судебными мѣстами и отвѣтственности лицъ судебнаго вѣдомства.

Надзоръ раздѣлялся на три рода: 1) высшій—Министерства Юстиціи, 2) болѣе близкій—высшихъ судовъ надъ низшими и 3) непосредственный — предсѣдателей судовъ надъ подчиненными ему чиновниками.

Надзоръ Министерства будетъ дѣйствителенъ, если оно будетъ имѣть при каждомъ судѣ особаго чиновника (прокурора). Непосредственный надзоръ въ старыхъ судахъ слабъ оттого, что предсѣдатели выборные (неопытны и не чувствуютъ твердости своего положенія). За канцеляріей и приставами надзоръ

слѣдуетъ поручить предсѣдателямъ и прокурорамъ. За присяжными повѣренными—предсѣдателямъ судовъ и совѣту присяжныхъ. Отвѣтственность чиновниковъ судебнаго вѣдомства можно установить: за маловажные проступки—дисциплинарную, налагаемую начальствомъ или судомъ, при которомъ состоятъ и судебную—за болѣе важныя нарушенія.

Жалкое положеніе у насъ судебной части, писалъ Блудовъ, есть прямое послѣдствіе почти совершеннаго недостатка въ хорошихъ чиновникахъ. Необходимо принять правило, что „никто не можетъ быть допускаемъ къ должности по судебной части, если онъ не получилъ спеціальнаго юридическаго образованія и не пріобрѣлъ нужныхъ практическихъ свѣдѣній". Это должно относиться и къ выборнымъ лицамъ, причемъ, въ случаѣ представленія кандидатовъ, несоотвѣтствующихъ этому условію, правительство само будетъ замѣщать таковыя должности; тогда и выборы будутъ доставлять хорошихъ чиновниковъ. Особенно важно назначеніе предсѣдателей судебныхъ палатъ отъ правительства. Чтобы не обидѣть дворянство, можно устроить новую высшую должность—главнаго губернскаго судьи (по назначенію), который будетъ руководить общимъ присутствіемъ палатъ. Высшихъ судебныхъ должностей не поручать лицамъ, не прошедшимъ низшихъ (не обязательно — самыхъ низшихъ). Улучшить матеріальное положеніе судебныхъ чиновъ, даровать имъ высшіе классы должности, судьямъ и прокурорамъ — право несмѣняемости безъ судебнаго приговора. Опредѣленіе чиновъ канцелярій предоставить предсѣдателямъ судовъ по соглашенію съ прокурорами. Въ концѣ записки указывалось на необходимость установить приличное содержаніе чинамъ судебнаго вѣдомства въ соотвѣтствіи съ современной дороговизной жизни.

На такихъ основаніяхъ былъ составленъ, подъ руководствомъ Блудова, уставъ судоустройства и внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подвергся столь же тщательному обсужденію, какъ и проектъ устава гражданскаго судопроизводства. Любопытно отмѣтить, что и въ Государственномъ Совѣтѣ особенное важное значеніе придавалось созданію мироваго института. Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскаго отъ 2 іюня 1861 г. прямо говорится, что „существенная и, можно сказать, важнѣйшая перемѣна, предлагаемая въ проектѣ—есть учрежденіе мировыхъ судей". Согла-

шаясь вполнѣ съ изложенными въ общей объяснительной запискѣ главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи доказательствами о необходимости учрежденія у насъ сего новаго, такъ сказать, первоначальнаго органа судебной власти, Соединенные Департаменты усматриваютъ, что обыкновенно указываютъ на недостатокъ въ людяхъ какъ на одно изъ препятствій ко введенію сего учрежденія; но, по мнѣнію Соединенныхъ Департаментовъ, нельзя и думать, чтобы въ замѣщеніи должностей мировыхъ судей встрѣтились значительныя затрудненія. Значеніе столь важной должности, польза, которая должна произойти отъ усерднаго ея исполненія и условія, въ которыя мировой судья долженъ быть поставленъ въ отношеніи къ судебной власти, будутъ весьма содѣйствовать тому, что у насъ явится необходимое число желающихъ вступить на эти мѣста изъ лицъ, до сего времени удалявшихся отъ службы по разнымъ причинамъ, тѣмъ болѣе, что со временемъ, когда съ приведеніемъ въ дѣйствіе крестьянскаго положенія должность мировыхъ посредниковъ будетъ мало по малу упраздняться, многія изъ лицъ, оказавшихся способными при исполненіи сихъ должностей, могутъ быть избраны и въ мировые судьи.

Соединенные Департаменты [1]) отнеслись къ проекту судоустройства въ общемъ весьма сочувственно и постановили принять въ основаніе новаго порядка начала, представляющія естественное развитіе положеній, высказанныхъ Блудовымъ и его сотрудниками. Къ числу этихъ началъ Соединенные Департаменты относили созданіе выборныхъ мировыхъ судей, установленіе единаго суда для всѣхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, соединеніе въ возможныхъ случаяхъ нѣсколькихъ уѣздныхъ судовъ и нѣсколькихъ палатъ въ одну; выборный порядокъ замѣщенія должностей предсѣдателей судовъ и назначеніе отъ правительства предсѣдателей палатъ, которымъ предполагалось ввѣрить управленіе судебною частью губерніи или округа съ правомъ ревизіи хода и порядка дѣлъ во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ; учрежденіе исполнительныхъ

---

[1]) Въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ 2 іюня 1861 г. участвовали: графъ Блудовъ, князь Гагаринъ, баронъ М. А. Корфъ, Литке, Кочубей, Норовъ, баронъ Рокасовскій, Мухановъ, Бахтинъ и Д. Н. Замятнинъ, журналъ скрѣпилъ и д. статсъ-секретаря Зарудный.

приставовъ; замѣна Общихъ Собраній петербургскихъ и московскихъ департаментовъ Пр. Сената однимъ верховнымъ кассаціоннымъ судомъ изъ опредѣленнаго числа сенаторовъ, избираемыхъ всѣми или въ совокупности; учрежденіе при судахъ и палатахъ прокуратуры и при кассаціонномъ судѣ оберъ-прокуратуры; замѣщеніе предсѣдателей и членовъ, опредѣляемыхъ отъ правительства, а равнымъ образомъ прокуроровъ и секретарей, лицами съ юридическимъ образованіемъ или доказавшими службой свои познанія по судебной части; несмѣняемость должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства иначе, какъ по суду.

Установивъ эти начала, Соединенные Департаменты положили: предоставить Государственной Канцеляріи, при содѣйствіи чиновъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерства Юстиціи, сообразивъ всѣ сдѣланныя на проектъ судоустройства замѣчанія, и, собравъ всѣ необходимыя для сей работы свѣдѣнія, согласовать подъ руководствомъ предсѣдателя Департамента Законовъ съ указанными здѣсь главными основаніями проектъ положенія о судоустройствѣ въ Россіи и, по предварительномъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, представить его на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ.

2 іюня 1860 года главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи внесъ въ Государственный Совѣтъ первые три раздѣла проекта общаго устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, а затѣмъ были внесены и дальнѣйшіе раздѣлы того же устава. Нововведенія, предложенныя въ сферѣ уголовнаго судопроизводства, были весьма значительны; намѣчалось ослабленіе теоріи формальныхъ доказательствъ, уничтоженіе канцелярской тайны, установленіе устности и гласности и пр., но составители, повидимому, опредѣленно тяготѣли къ слѣдственной формѣ процесса и опасались введенія обвинительной и въ особенности суда присяжныхъ. „Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы, говорилось въ объяснительной запискѣ, и даже на то, что начала ея не были чужды и нашему отечеству въ самыя отдаленныя времена, сія система до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ тому подготовленія и въ народѣ и

въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желаемой цѣли. Не говоря уже о томъ, что введеніе у насъ суда черезъ присяжныхъ было бы нынѣ преждевременнымъ, нельзя не сознаться, что мы еще не совсѣмъ приготовлены къ тому, чтобы могли принять и такой обвинительный порядокъ, какой существуетъ въ государствахъ, не имѣющихъ суда присяжныхъ".

Болѣе другихъ, слабою частью устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ была глава 3-я раздѣла VII—о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, за преступленія должности [1]).

Въ этой щекотливой сферѣ Блудовъ не рѣшился быть реформаторомъ. Составленный подъ его руководствомъ проектъ представлялъ изъ себя воспроизведеніе старыхъ постановленій, сводившихся къ тому, что возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ чиновника зависѣло исключительно отъ произвола его начальства. Объяснительная записка къ этому раздѣлу устава отличается краткостью и малою обстоятельностью, совершенно необычными для проектовъ, составлявшихся подъ руководствомъ Блудова. Въ ней говорится, что главныя начала судопроизводства по преступленію должности, отличающія его по дѣйствующему законодательству отъ общаго порядка, состоятъ въ томъ, что первоначальное дознаніе о винѣ должностныхъ лицъ производится начальствомъ ихъ, что дѣла о преступленіи по службѣ подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ не иначе, какъ по преданіи должностного лица суду тѣмъ начальствомъ, отъ коего зависитъ опредѣленіе его къ должности, что слѣдствіе производится не общими установленными для этого чиновниками, а особо назначенными лицами или же самимъ судомъ, и что, за весьма немногими исключеніями, дѣла такого рода рѣшаются въ первой инстанціи палатами или Пр. Сенатомъ. „Въ нашемъ проектѣ, говорятъ составители, сохраняются сіи основныя начала, какъ вполнѣ соотвѣтствующія роду дѣлъ и исключительному положенію должностныхъ лицъ, но при семъ мы старались подробныя постановленія, развивающія

---

[1]) Точное названіе этой главы „о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ гражданской".

сіи общія начала, изложить съ большею точностью и въ лучшемъ порядкѣ, исключивъ всѣ тѣ статьи, которыя, какъ замѣчено выше, или не относятся къ сему особенному роду судопроизводства, или же не заключаютъ въ себѣ никакихъ особенныхъ правилъ".

Такимъ образомъ, вся работа Блудова и его сотрудниковъ по этому вопросу сводилась только къ кодификаціи и приведенію въ порядокъ дѣйствующаго законодательства.

Важнѣйшія правила судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ были изложены въ слѣдующихъ статьяхъ: ст. 954. Жалобы, донесенія, предложенія и сообщенія о преступленіяхъ по службѣ обращаются къ непосредственному надъ обвиняемымъ должностнымъ лицомъ начальнику. Онѣ должны заключать въ себѣ точное означеніе вины сихъ лицъ и быть основаны на доказательствахъ; въ противномъ случаѣ оставляются безъ всякихъ послѣдствій. Доносы и извѣты безыменные, пасквили и подметныя письма вовсе не принимаются въ уваженіе.

Ст. 955. Начальство обвиняемаго должностного лица, прежде всего сообщаетъ ему какъ о предметахъ обвиненія, такъ и объ имѣющихся противъ него доказательствахъ, требуя обстоятельныхъ по онымъ объясненій, которыя дозволяется представлять на письмѣ. При недостаточности сихъ объясненій, а равно и въ случаѣ, когда по обстоятельствамъ дѣла сіе будетъ признано нужнымъ, начальство обвиняемаго должностного лица можетъ сдѣлать распоряженіе о предварительномъ изслѣдованіи вины его чрезъ назначенныхъ имъ чиновника или чиновниковъ.

Ст. 956. Когда по истребованіи отъ обвиняемаго должностного лица объясненія, или по произведенному изслѣдованію, сіе лицо будетъ признаваться виновнымъ, то оно, смотря по важности упущенія и мѣрѣ опредѣленнаго за оное взысканія или наказанія, или подвергается отвѣтственности по распоряженію самаго начальства его, или же предается формальному суду.

Ст. 957. Преданіе суду за преступленіе по службѣ зависитъ отъ того начальства, коимъ должностныя лица опредѣляются къ мѣстамъ. Лица, опредѣленныя Высочайшею властью, предаются суду не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Мы выписали эти статьи, сохранявшія старый порядокъ слѣдственнаго типа, въ виду того, что онѣ цѣликомъ вошли

впослѣдствіи въ Уст. Уг. Суд. и сохраняютъ силу по настоящее время.

Насколько извѣстно, ни во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, ни въ Государственномъ Совѣтѣ не произошло разногласій по поводу сохраненія стараго порядка возбужденія уголовнаго преслѣдованія за преступленія должности, тогда какъ въ обществѣ къ этому времени складываются опредѣленно отрицательные взгляды на дѣйствовавшія въ этомъ отношеніи постановленія.

Оставляя такимъ образомъ судьбу должностныхъ лицъ всецѣло въ рукахъ ихъ начальства, Блудовъ и его сотрудники совершенно иначе отнеслись къ должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства: возможность удаленія отъ должности безъ суда представлялась имъ неудобной и поэтому они установили несмѣняемость судей безъ судебнаго приговора.

Интересно отмѣтить, что мысль о необходимости такого порядка вещей не была въ то время всеобщимъ достояніемъ, раздавались отдѣльные голоса о неудобствѣ проведенія этого принципа въ условіяхъ тогдашней русской жизни. Въ этомъ смыслѣ высказался напримѣръ одинъ изъ видныхъ юристовъ того времени К. П. Побѣдоносцевъ въ своихъ замѣчаніяхъ на Блудовскіе проекты [1]).

По его мнѣнію начало несмѣняемости судей иначе, какъ по приговору суда, за преступленія, едва ли можетъ быть примѣняемо къ нашимъ обстоятельствамъ. „У насъ, пишетъ Побѣдоносцевъ, еще нѣтъ судебнаго сословія, съ сословнымъ духомъ, съ внутреннею дисциплиной чести и мнѣнія, и по недостатку людей, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ, людей, которыхъ способность и достоинство только еще предполагаются, а не достовѣрно извѣстны; наконецъ, обычай, почти повсемѣстный, принимать благодарность отъ просителей, отдѣляется отъ взяточничества такою тонкой и двусмысленною чертой, что нерѣдко нельзя и различить, гдѣ оканчивается обычай и начинается злоупотребленіе. Судей недостойныхъ у насъ много, и нѣтъ повода надѣяться, что со введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ уставовъ злоупотребленія съ одной стороны, съ другой лѣность

---

[1]) Библ. Гос. Сов., дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи. Т. XV. Соображенія разныхъ лицъ о преобразованіи судебной части (1861—1862 г.г. ст. 24).

и неспособность будутъ рѣдкими, исключительными явленіями въ судейскомъ званіи. Въ такомъ положеніи сдѣлать судью несмѣняемымъ значило бы отнять у правительства способъ поправить ошибку въ назначеніи судьи, ошибку иногда неизбѣжную, замѣнить негоднаго судью новымъ, лучшимъ и прекратить или уменьшить злоупотребленія".

Въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ работъ Блудова и его сотрудниковъ въ направленіи судебнаго преобразованія говорилось исключительно лишь о трехъ важнѣйшихъ,—уставѣ гражданскаго судопроизводства, уставѣ судоустройства и уставѣ судопроизводства по проступкамъ и преступленіямъ, но всѣхъ проектовъ, относящихся до преобразованія у насъ судебной части и внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ съ 1857 года по 1862 г. было четырнадцать, въ совокупности своей они вполнѣ обнимали всю сферу судоустройства и уголовнаго и гражданскаго судопроизводства [1]).

По внесеніи въ Государственный Совѣтъ всѣ эти проекты вмѣстѣ съ представленными по каждому изъ нихъ обстоятельными записками печатались и разсылались не только членамъ Государственнаго Совѣта, но и многимъ другимъ лицамъ, по своей службѣ и дѣятельности знакомымъ съ судебными дѣлами для доставленія замѣчаній. И дѣйствительно, замѣчанія на проекты были доставлены и притомъ въ большомъ количествѣ, въ нихъ заключалось не мало дѣльныхъ указаній, которыя могли приносить и дѣйствительно приносили пользу при дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ, относящихся до судебнаго преобразованія.

Этотъ пріемъ обращенія къ широкому кругу лицъ съ цѣлью воспользоваться ихъ значеніями и опытомъ сослужилъ боль-

---

[1]) По гражданскому судопроизводству: 1) проектъ устава гражданскаго судопроизводства, 2) о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ, 3) о производствѣ взысканій по актамъ безспорнымъ объ обязательствахъ, 4) о производствѣ гражданскихъ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ, 5) о примирительномъ разбирательствѣ, 6) о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ, 7) объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ, 8) о судебныхъ издержкахъ. II. По уголовному судопроизводству: 9) проектъ устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, 10) о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ въ судахъ мировыхъ, 11) объ издержкахъ при производствѣ дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, 12) объ особыхъ родахъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ. III. По судоустройству: 13) проектъ положенія о судоустройствѣ, 14) положенія о присяжныхъ стряпчихъ или повѣренныхъ.

шую службу въ эпоху реформъ 1860 годовъ; онъ примѣнялся неоднократно и всегда съ большимъ успѣхомъ. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ его сторонниковъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, требовавшій, чтобы проекты улучшеній въ подчиненномъ ему морскомъ вѣдомствѣ и флотѣ разсылались для критики и возраженій всѣмъ лицамъ, хотя бы и другихъ вѣдомствъ, но которыя могутъ представить полезныя замѣчанія по данному вопросу.

Подобное обращеніе къ лицамъ компетентнымъ въ судебныхъ вопросахъ для привлеченія ихъ къ обсужденію проектовъ судебнаго преобразованія, составленныхъ Блудовымъ и его сотрудниками, сыграло весьма большую роль въ ходѣ судебной реформы, постепенно подготовляя умы къ коренному переустройству всей системы отправленія правосудія. Подъ вліяніемъ замѣчаній членовъ Государственнаго Совѣта и критики другихъ лицъ, и вообще подъ напоромъ идей и общественнаго настроенія новаго царствованія, проекты Блудова становились все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе [1]), такъ что по многимъ вопросамъ послѣдняя ихъ редакція расходилась кореннымъ образомъ съ первоначальными предположеніями и гораздо болѣе приближается къ послѣдующимъ постановленіямъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, чѣмъ къ дореформенному законодательству.

Блудовскіе проекты со всей системой обсужденія подготовили многихъ составителей Судебныхъ Уставовъ и самихъ членовъ Государственнаго Совѣта, которые, воспитавшись при старыхъ порядкахъ, едва ли смогли бы сразу подняться до великой судебной реформы, построенной на совершенно новыхъ основаніяхъ. Въ значительной мѣрѣ благодаря этимъ проектамъ въ официальный оборотъ проникли и утвердились тамъ новыя юридическія понятія, отражавшія правовые идеалы тогдашняго общества. Блудовскіе проекты были не только полезной подготовительной работой, но необходимою ступенью къ Судебнымъ Уставамъ 1864 года.

Большинство изслѣдователей эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка не признаетъ за работами Блудова и его сотрудниковъ такого значенія и охотно подчеркиваетъ отсутствіе внутрен-

---

[1]) Ср. Джаншіевъ—Эпоха великихъ реформъ, стр. 389 и слѣд. о разсужденіи Блудова. Дѣло о преобр. судебной части, т. II, объясн. записка къ уст. гр. суд.

ней связи между проектами этого времени и Судебными Уставами 1864 г. [1]).

Такое отношеніе можно объяснить лишь тѣмъ, что блестящая дѣятельность составителей Судебныхъ Уставовъ затмила и какъ бы закрыла работу ихъ предшественниковъ отъ взгляда потомства. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что изъ ничего невозможно создать быстро что либо солидное и полезное.

Въ то время, когда Блудовъ и его сотрудники разрабатывали проекты судебнаго преобразованія, подготовлялась другая великая реформа—освобожденіе крестьянъ, въ теченіе хода которой неоднократно раздавались голоса за необходимость коренного переустройства судебной части, въ виду предстоящаго измѣненія правового положенія огромной народной массы, причемъ многими охотно отмѣчалась неразрывная связь между обѣими реформами и дѣйствительно обѣ реформы вытекали изъ однихъ и тѣхъ же идеаловъ правомѣрности и человѣчности и почти въ одинаковой мѣрѣ имѣли цѣлью уничтоженіе пагубнаго произвола и раскрѣпощеніе личности. Освобожденіе болѣе чѣмъ двадцати милліоновъ крѣпостныхъ естественно требовало серьезныхъ измѣненій въ строѣ государственной машины, требовало приспособленія ея къ новымъ условіямъ, — необходимо было серьезно подумать объ урегулированіи правовыхъ отношеній между новыми гражданами и прежними ихъ господами и о внесеніи правовыхъ началъ въ жизнь освобожденныхъ массъ.

Успѣшное осуществленіе реформы 19 февраля 1861 года въ первые же мѣсяцы послѣ подписанія манифеста объ освобожденіи крестьянъ естественно толкало къ другимъ необходимымъ реформамъ и окрыляло надеждами сторонниковъ энергичнаго поступательнаго движенія. Дальнѣйшихъ реформъ горячо желало общество. Лучшая часть правящей среды, въ которой видное мѣсто занималъ въ то время Великій Князь Константинъ Николаевичъ, была проникнута бодрымъ настроеніемъ, это настроеніе всецѣло раздѣлялъ Императоръ Александръ Николаевичъ. Какъ только одна реформа была доведена до конца и стала воплощаться въ жизнь — все вниманіе его есте-

[1]) Большое значеніе Блудовскимъ работамъ придаетъ В. Я. Фуксъ (Судъ и полиція, стр. 34 и слѣд.).

ственно обратилось къ другому, давно уже занимавшему и его самого и общество вопросу—къ судебному преобразованію.

Такимъ образомъ освобожденіе крестьянъ приближало и ускоряло переустройство всей судебной системы, но едва ли будетъ правильно утверждать, какъ то дѣлается многими, что безъ освобожденія крестьянъ не только не было бы, но и не могло бы быть судебной реформы. Исторія знаетъ примѣры удовлетворительныхъ судебныхъ порядковъ и при существованіи рабства, достаточно вспомнить хотя бы о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ до освобожденія негровъ, не говоря уже о древнемъ Римѣ или Аѳинахъ. Еще не окончились медовые мѣсяцы крестьянской реформы, какъ Императоръ Александръ II, возвратясь послѣ осенняго отдыха изъ Крыма въ Царское Село, пожелалъ узнать въ какомъ положеніи находятся въ Государственномъ Совѣтѣ работы по преобразованію судебной части. Вслѣдствіе этого предсѣдательствовавшій въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскаго графъ Блудовъ вошелъ 19 октября 1861 года къ Государю съ докладомъ [1]), составленнымъ совмѣстно съ государственнымъ секретаремъ Бутковымъ, въ которомъ подробно излагалъ на чемъ именно остановилось обсужденіе каждаго изъ проектовъ, составленныхъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, причемъ указывалъ, что Соединенные Департаменты не приступали къ разсмотрѣнію многихъ вопросовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства изъ за неполученія отзывовъ нѣкоторыхъ министровъ и главноуправляющихъ. Любопытно отмѣтить, что это обстоятельство вызвало неудовольствіе Императора Александра II, который противъ указаннаго мѣста доклада помѣтилъ „назначить для сего срокъ не позже 1 декабря".

Закончивъ, такъ сказать, историческую часть своего доклада, Блудовъ задается вопросомъ: какое дальнѣйшее направленіе слѣдуетъ дать дѣлу судебнаго преобразованія „для скораго и по возможности удовлетворительнаго его окончанія" и ранѣе чѣмъ перейти къ разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса замѣчаетъ—„сей вопросъ особенно важенъ въ настоящую минуту, когда и правительство и почти всѣ подданные Вашего Импе-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Отд. дѣлъ гос. секрет. 1861 г. № 15, о порядкѣ разсмотрѣнія въ Госуд. Сов. работъ по устройству суд. части, л. 1—7.

раторскаго Величества убѣждены въ необходимости сколь можно скорѣе дать судебной части надлежащее образованіе, соотвѣтствующее потребностямъ государства, обстоятельствамъ и самому духу времени".

По мнѣнію графа Блудова и Буткова слѣдовало предоставить Соединеннымъ Департаментамъ внести въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта записку обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ началамъ устройства судебной части въ Имперіи такъ, чтобы эта записка обнимала по возможности „всѣ многоразличные предметы къ этой части принадлежащіе, именно: 1) судоустройство, 2) судопроизводство гражданское, 3) судопроизводство уголовное и, наконецъ, нужныя временныя мѣры для перехода отъ порядка нынѣ существующаго къ предполагаемому новому"; составленіе указанной записки предполагалось поручить занимавшимся производствомъ этого дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ чиновникамъ Государственной Канцеляріи подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря и подъ высшимъ наблюденіемъ графа Блудова. Дальнѣйшій ходъ дѣла намѣчался такой: послѣ одобренія основныхъ началъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта нѣкоторые чины Государственной Канцеляріи, II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при содѣйствіи юристовъ, командированныхъ министромъ юстиціи, должны приступить къ окончательной редакціи составленныхъ II Отдѣленіемъ проектовъ, относящихся до судебной реформы, которые затѣмъ должны были пройти черезъ Соединенные Департаменты и Общее Собраніе Государственнаго Совѣта. Интересно отмѣтить, что управляющій Министерствомъ Юстиціи Замятнинъ предполагалъ командировать отъ Министерства Юстиціи для вышеуказанной задачи оберъ-прокурора VII департамента Сената Буцковскаго, оберъ-секретаря Общаго Собранія московскихъ департаментовъ Сената Побѣдоносцева и московскаго губернскаго прокурора Ровинскаго, которые впослѣдствіи приняли такое видное участіе въ составленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

„Смѣемъ думать, говорилось въ концѣ доклада, что сей порядокъ будетъ имѣть двоякую выгоду, соединяя мѣры нужныя для зрѣлаго обсужденія многоразличныхъ и многосложныхъ проектовъ, относящихся къ одной изъ важнѣйшихъ частей

государственнаго управленія съ мѣрами для скорѣйшаго хода сего дѣла и что, слѣдуя ему, оно можетъ быть приведено къ окончанію довольно скоро, во всякомъ случаѣ прежде наступленія вакантнаго времени въ будущемъ (1862) году".

Цитированный докладъ 23 октября 1861 года былъ одобренъ Государемъ. Государственная Канцелярія во исполненіе такой Высочайшей воли составила при участіи вызванныхъ для этой цѣли юристовъ [1]) историческую записку объ основныхъ началахъ судоустройства и судопроизводства, извлеченныхъ изъ проектовъ, составленныхъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, какъ разсмотрѣнныхъ уже, такъ и не разсмотрѣнныхъ Государственнымъ Совѣтомъ. Записка эта 22 января 1862 года была разослана всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта.

Хотя основанія судебной реформы по проектамъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи постепенно измѣнялись, слѣдуя до нѣкоторой степени за теченіемъ общественной мысли, на что указывалось неоднократно въ объяснительныхъ запискахъ и докладахъ Блудова, но все же желанія и правовые идеалы просвѣщенныхъ группъ населенія были значительно впереди офиціальныхъ предположеній судебнаго преобразованія; этого не могли не видѣть и дѣйствительно видѣли многія изъ лицъ, стоявшихъ близко къ составленію или обсужденію проектовъ; сознаніе недостаточности и неполноты судебной реформы въ томъ видѣ, какъ она была подготовлена II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и намѣчена Государственнымъ Совѣтомъ распространялось все болѣе и болѣе въ той части офиціальной среды, которая интересовалась дѣломъ переустройства судебной части. Нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго Совѣта раздѣляли такое настроеніе. Примѣръ Западной Европы, юридическая наука и настойчивыя пожеланія представителей дворянства въ редакціонныхъ комиссіяхъ и, наконецъ, цѣлаго ряда дворянскихъ собраній опредѣленно толкали къ радикальному преобразованію всей судебной системы и отжившихъ судебныхъ порядковъ. Въ такой атмосферѣ былъ составленъ из-

[1]) Въ работахъ участвовали состоящій при канцеляріи тайн. сов. Плавскій, Буцковскій, Побѣдоносцевъ, Стояновскій, Зарудный, Даневскій, Шубинъ, Ровинскій и Вилинбаховъ.

вѣстный докладъ вновь назначеннаго предсѣдателя Департамента Законовъ кн. П. П. Гагарина Государю о необходимости порученія Государственной Канцеляріи при содѣйствіи прикомандированныхъ къ ней юристовъ изложить соображенія ихъ „о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должна быть преобразована судебная часть въ Имперіи“ [1]).

Это предположеніе было одобрено Государемъ. Указанный докладъ и послѣдовавшее за нимъ Высочайшее повелѣніе считаются обыкновенно рѣзкимъ поворотомъ, какъ бы переломомъ въ ходѣ работъ по судебному преобразованію; нѣкоторые изслѣдователи, ослѣпленные дѣйствительнымъ блескомъ основныхъ началъ, составленныхъ въ 1862 году Государственной Канцеляріей при участіи прикомандированныхъ юристовъ, упускаютъ изъ виду, что серьезныя подготовительныя работы къ нимъ велись уже съ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра Николаевича, и что эти начала были завершеніемъ предыдущихъ трудовъ, звеномъ непрерывной цѣпи, высшей ступенью, послѣ того какъ были пройдены низшія. Новая работа Государственной Канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ находилась въ непосредственной связи съ предыдущими трудами, да и многія изъ лицъ, призванныхъ къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, уже ранѣе были очень хорошо знакомы съ проектами судебной реформы, такъ, напримѣръ, Побѣдоносцевъ, Ровинскій, Буцковскій, не говоря уже о Зарудномъ, который сдѣлался выдающимся юристомъ, работая много лѣтъ надъ судебнымъ преобразованіемъ.

Высочайшее повелѣніе еще разъ изложить начала судебной реформы свидѣтельствовало о томъ, что правительство настойчиво искало наилучшаго разрѣшенія назрѣвшаго вопроса, жаждало познать истину; а то обстоятельство, что ссылались на авторитетъ науки и опытъ европейскихъ государствъ, доказывало извѣстную радикальность государственной мысли, готовность правительства смѣло идти на встрѣчу новымъ вѣяніямъ и новымъ представленіямъ о правѣ и справедливости.

---

[1]) Журналъ Соед. Деп. Законовъ и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 10.

Исканіе истины и энергичное движеніе впередъ можно замѣтить ясно уже въ проектахъ Блудова и его сотрудниковъ, составлявшихся въ первые годы царствованія Императора Александра II. Эти проекты сперва были далеки отъ радикализма, но постепенное развитіе подъ несомнѣнымъ вліяніемъ юридической науки и общественнаго настроенія привело ихъ къ смѣлымъ и рѣшительнымъ основнымъ началамъ судебной реформы, составленнымъ въ 1862 г. Государственной Канцеляріей при участіи прикомандированныхъ юристовъ.

Нельзя не сказать, что настойчивое стремленіе установить сперва главныя начала реформы, а потомъ перейти къ подробной ея разработкѣ является характернымъ для эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка; этимъ пріемомъ пользовались тогда постоянно; такъ были установлены главныя начала крестьянской реформы, земской, финансово-счетной, военныхъ реформъ и пр., при чемъ нерѣдко окончательная редакція законовъ сильно отличалась отъ первоначальныхъ общихъ соображеній. Это въ значительной мѣрѣ произошло съ освобожденіемъ крестьянъ, но еще въ большей мѣрѣ съ судебнымъ преобразованіемъ.

Въ трудахъ Государственной Канцеляріи по составленію основныхъ началъ судебной реформы подъ руководствомъ Буткова, приняли участіе Стояновскій, Зарудный, Побѣдоносцевъ, Буцковскій, Ровинскій, Плавскій, Даневскій, Шубинъ и Вилинбаховъ.

Бутковъ и его сотрудники приступили къ работамъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ [1]). Во всей Россіи царило бодрое и приподнятое настроеніе, государственная власть вызывала общее сочувствіе и довѣріе, хотя и были нѣкоторыя лица, недовольныя исходомъ крестьянской реформы, но голосъ ихъ тонулъ въ хорѣ совсѣмъ иныхъ голосовъ, звучалъ лишь незначительнымъ диссонансомъ въ общей гармоніи звуковъ. Общество было готово къ коренному судебному преобразованію, многія изъ существенныхъ основъ котораго стали ходовыми пожеланіями, всѣмъ понятными и близкими истинами. Члены Государственнаго Совѣта, которымъ предстояло разсматривать работу Государственной Канцеляріи, хорошо разбирались въ вопросахъ судебнаго права; подготовленные продолжительнымъ обсу-

[1]) Ср. И. Я. Фойницкій. Уголовное судопроизводство, стр. 38 и 39.

жденіемъ Блудовскихъ проектовъ они въ большинствѣ своемъ вполнѣ могли усвоить правовыя понятія новаго времени, исходившія изъ великихъ идеаловъ правомѣрности и человѣчности. Коренному судебному преобразованію горячо сочувствовали многія вліятельныя лица правящей среды, — какъ, напримѣръ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ Милютинъ, этимъ же настроеніемъ былъ проникнутъ и Государь.

Сами составители основныхъ началъ—чины Государственной Канцеляріи и прикомандированные къ ней юристы всецѣло раздѣляли общественное стремленіе къ водворенію правосудія, обладая въ надлежащей мѣрѣ практическими и теоретическими познаніями и опытомъ участія въ прежнихъ работахъ, они были хорошо подготовлены къ предстоявшему имъ труду. Бодрый и радостный тонъ тогдашней жизни, исходившій изъ вѣры въ человѣческій прогрессъ и уваженія къ личности и достоинству человѣка, оказалъ огромное вліяніе на работы Буткова и его сотрудниковъ, довѣрявшихъ правовому сознанію, нравственному чувству и такту русскихъ людей. Этимъ довѣріемъ къ человѣку проникнуты всѣ разсужденія составителей основныхъ началъ судебной реформы, не боявшихся рѣшительныхъ, радикальныхъ преобразованій, ибо, какъ писалъ Зарудный „трудно думать, чтобы люди гдѣ либо и когда либо были приготовлены къ дурному и незрѣлы для хорошаго“; вѣра въ людей и пониманіе дѣйствительнаго положенія вещей давали имъ полное основаніе утверждать, что „если законодательныя предположенія правильны, то они и благовременны“ и что „разумный законъ никогда не сдѣлаетъ зла“ [1]).

Вѣря въ людей, они въ такой же мѣрѣ вѣрили и въ знаніе, въ науку и стремились воспользоваться ея указаніями. „Нашъ нормальный путь, писалъ Буцковскій, не подражаніе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою“.

Многія теоретическія положенія, ставшія достояніемъ юридической мысли къ шестидесятымъ годамъ XIX вѣка послужили исходными точками для составителей основныхъ началъ и вошли впослѣдствіи въ русскую жизнь.

Серьезное вліяніе науки права при разработкѣ судебной реформы въ этой ея стадіи признается всѣми изслѣдова-

---

[1]) Судебные Уставы, изданіе Госуд. Канц., т. III, стр. XXXIX.

телями той эпохи и, думается, не требуетъ какихъ либо доказательствъ.

Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о томъ въ какой мѣрѣ повліяли на выработку основныхъ положеній Блудовскіе проекты. Въ литературѣ не разъ высказывались мнѣнія о полномъ отсутствіи внутренней связи ихъ съ Судебными Уставами; такая точка зрѣнія представляется намъ не согласною съ дѣйствительностью. Основныя положенія немало восприняли изъ прежнихъ проектовъ, достаточно вспомнить хотя бы о мировыхъ судьяхъ, которые одинаково интересовали, какъ Блудова и его сотрудниковъ, такъ и составителей основныхъ началъ въ 1862 году, представляясь и тѣмъ и другимъ въ качествѣ единоличнаго, нѣсколько патріархальнаго, несложнаго, словеснаго суда, рѣшающаго дѣла по совѣсти безъ излишнихъ формальностей; затѣмъ порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, который составители основныхъ началъ къ сожалѣнію всецѣло заимствовали отъ своихъ предшественниковъ, сохранивъ за чиновниками существовавшую ранѣе административную гарантію въ старофранцузскомъ духѣ; точно также вопросы о двухъ инстанціяхъ, о присяжныхъ повѣренныхъ, о кассаціонномъ судѣ.

Указанные примѣры, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, свидѣтельствуютъ о томъ, что Блудовскіе проекты несомнѣнно послужили источникомъ для основныхъ положеній, какъ это и утверждаютъ нѣкоторые изъ авторовъ, изучавшихъ исторію судебной реформы 1864 г., напр., М. А. Филипповъ или В. Я. Фуксъ.

Равнымъ образомъ въ литературѣ нѣтъ полнаго согласія по вопросу о значеніи третьяго источника основныхъ положеній — иностраннаго законодательства. Публицисты охранительнаго направленія неоднократно упрекали составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. въ слѣпомъ заимствованіи съ Запада, но эти литературные выпады при трезвомъ разсмотрѣніи тѣхъ данныхъ, на которыхъ они опирались, оказываются не вполнѣ обоснованными. Несомнѣнно, что составители основныхъ началъ судебнаго преобразованія, а впослѣдствіи Судебныхъ Уставовъ, тщательно изучали западноевропейское законодательство и дѣйствительно хорошо съ нимъ ознакомились, чему примѣромъ можетъ служить хотя бы

извѣстный историческій очеркъ суда присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Женевѣ, Бельгіи, Германіи и Италіи, составленный Зарудным. Они настойчиво и въ то же время тщательно и осторожно искали образцовъ въ иностранныхъ законодательствахъ, но будучи просвѣщенными юристами умѣли избѣгать слѣпого заимствованія. „Они сознавали, говоритъ Фойницкій, существованіе другихъ народовъ, прошедшихъ болѣе насъ на пути культуры, заслуживающихъ быть нашими учителями при начертаніи новаго еще у насъ правового порядка". Составленіе Судебныхъ Уставовъ происходило въ то время, когда западно-европейская мысль была занята критическимъ анализомъ французскаго строя правосудія и обратила уже пытливое вниманіе на систему, послужившую для него образцомъ, но значительно имъ измѣненную, именно на систему англійскую. Но критическая литература Западной Европы достигла уже значительнаго развитія въ періодъ составленія Судебныхъ Уставовъ и воздержала нашу законодательную власть отъ чрезмѣрнаго увлеченія французскими образцами, заставивъ ее обратить вниманіе и на англійское законодательство. Учителями составителей Судебныхъ Уставовъ, по мнѣнію Фойницкаго, были два народа, которые по справедливости могутъ быть въ области процесса названы учителями всего человѣчества. Весь міръ живетъ началами того и другого, вся цивилизація въ области процесса опредѣляется англо-французскими положеніями. Но составители Судебныхъ Уставовъ не принимали ихъ безъ провѣрки, есть полное основаніе утверждать, что они не ограничивали свой кругозоръ только Франціей и Англіей, а искали полезныхъ образцовъ и указаній и въ другихъ законодательствахъ, обнаруживая большой интересъ къ кодексамъ Сардинскаго королевства, Женевы и другихъ странъ, которыя благодаря счастливо сложившимся условіямъ имѣли возможность создать у себя болѣе совершенныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ правовыя нормы. Но довѣріе къ силамъ русскаго народа и сознаніе его самостоятельныхъ интересовъ, были причиною, что прямого заимствованія изъ иностранныхъ законодательствъ въ Судебныхъ Уставахъ немного. „Въ нашемъ новомъ процессѣ, пишетъ Фойницкій, есть много сходнаго съ англійскимъ и особенно французскимъ, въ общихъ очертаніяхъ онъ приближается къ тому же типу, который выработанъ этими лучшими представителями европейской куль-

туры и установляетъ наши родственныя съ ней отношенія. Но въ то же время почти ни одинъ процессуальный институтъ Уставовъ не можетъ быть признанъ ни англійскимъ, ни французскимъ; на каждомъ изъ нихъ легла печать самобытности, каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельную русскую физіономію, принаровленную къ русскимъ нуждамъ, непонятную безъ изученія русскихъ условій. Нашъ мировой судъ далекъ отъ англійскаго земскаго представительства, еще болѣе далекъ отъ мировыхъ судей французскихъ. Нашъ судъ присяжныхъ, равнымъ образомъ, вылился въ институтъ совершенно самостоятельный, представляющій значительныя черты различія какъ отъ англійскаго, такъ и отъ французскаго образцовъ. Еще менѣе общаго съ ними имѣютъ наша адвокатура и прокуратура, не говоря уже о судѣ кассаціонномъ, принявшемъ совершенно иныя очертанія. Изучать русскій процессъ по англійскимъ или по французскимъ источникамъ невозможно; этотъ пріемъ привелъ бы къ крайне неправильнымъ аналогіямъ“ [1]).

Въ такомъ же духѣ отзывается о Судебныхъ Уставахъ Анатоль Леруа-Болье, онъ ставитъ въ большую заслугу ихъ составителямъ, что они ничего не заимствовали слѣпо, а поднимались до правовыхъ понятій, выработанныхъ усиліями ума человѣческаго, опирались на истины, добытыя наукой, на общія идеи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, результатомъ чего и была необыкновенная послѣдовательность и гармоническое единство судебной реформы [2]).

Учитывая значеніе разныхъ вліяній, подъ которыми слагались основныя начала судебнаго преобразованія, отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду ту роль, которую сыграли общественныя пожеланія и публицистика; благодаря имъ въ Судебные Уставы вошло не мало полезнаго. Такъ напр. настойчивыя просьбы дворянства объ учрежденіи суда присяжныхъ въ значительной мѣрѣ расчистили почву для насажденія у насъ этого института. На это обстоятельство въ литературѣ обращается весьма мало вниманія, хотя еще въ 1864 году извѣстный немѣцкій ученый Миттермайеръ указывалъ на роль общественнаго мнѣнія въ ходѣ судебнаго преобразованія. „Реформы судопро-

[1]) И. Я. Фойницкій. Уголовное судопроизводство, источники русскаго уг. суд. стр. 39 и 40.

[2]) Leroy-Baulieu. L'Empire des Tzars et les Russes. Tome II, livre IV. Chap. I, page 296 и 297.

изводства, предпринятыя русскимъ законодательствомъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, писалъ Миттермайеръ, могутъ служить замѣчательнымъ доказательствомъ силы и значенія общественнаго мнѣнія. Онѣ показываютъ намъ, какимъ образомъ постепенно окрѣпавшее убѣжденіе о невозможности дальнѣйшаго существованія устарѣвшаго порядка, сломало самыя сильныя препятствія и побудило къ введенію новыхъ, болѣе лучшихъ учрежденій. Долгое время въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, всѣ попытки правительства улучшить правовой бытъ страны, ограничивались полумѣрами, но, наконецъ, въ 1862 г. и тамъ одержало верхъ то мнѣніе, что основательная реформа судопроизводства возможна только при введеніи устности, гласности и суда присяжныхъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Впрочемъ, уже и прежде это мнѣніе было заявляемо въ Россіи; такъ напр., на это обратилъ вниманіе одинъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ писателей Тургеневъ (Ник. Ив.) въ своемъ сочиненіи о Россіи". Что же касается вліянія литературы, то оно уже давно отмѣчено. Много полезныхъ совѣтовъ и указаній, сдѣланныхъ публицистами, было принято при составленіи основныхъ началъ судебнаго преобразованія.

Начавъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1862 г. работу по составленію основныхъ положеній реформы, Государственная Канцелярія закончила свой трудъ къ апрѣлю того же года и составила окончательныя соображенія, во-1-хъ, по проекту устава судопроизводства гражданскаго, во-2-хъ, по проекту устава судопроизводства уголовнаго по преступленіямъ и проступкамъ, въ-3-хъ, по проекту общаго положенія о судоустройствѣ. Въ виду этого, предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Великій Князь Константинъ Николаевичъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла о судебномъ преобразованіи въ Государственномъ Совѣтѣ [1]). Въ этомъ докладѣ Великій Князь отмѣчалъ, что „въ настоящемъ положеніи всѣхъ вообще работъ по преобразованію судебной части, когда всѣ матеріалы собраны и предварительныя соображенія составлены, остается только приступить къ безотлагательному ихъ обсужденію" и предла-

[1]) Арх. Гос. Сов., дѣло отдѣл. дѣлъ гос. секретаря 1861 г. № 15; о порядкѣ разсмотрѣнія въ Госуд. Совѣтѣ работъ по устр. и преобраз. судебной части, л.л. 27—41 обор.

галъ открыть засѣданія Соединенныхъ Департаментовъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и кончить разсмотрѣніе проектовъ основныхъ началъ такъ, чтобы это дѣло можно было обсудить и разрѣшить въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта „непремѣнно въ теченіе лѣта 1862 года". Въ концѣ доклада Великій Князь прибавлялъ, что „весь успѣхъ разсмотрѣнія этого важнаго дѣла въ Соединенныхъ Департаментахъ зависитъ отъ предсѣдателя сихъ департаментовъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина. Князь Павелъ Павловичъ до сихъ поръ оказывалъ полное сочувствіе дѣлу и искреннее желаніе содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами успѣшному его завершенію. Всѣ изложенныя въ настоящемъ докладѣ предположенія составлены по соглашенію моему съ княземъ Гагаринымъ, который при личныхъ моихъ съ нимъ по этому дѣлу объясненіяхъ обѣщалъ употребить всѣ зависящія отъ него старанія къ скорому окончанію дѣла въ Соединенныхъ Департаментахъ". Утверждая этотъ докладъ помѣткою „согласенъ", Императоръ Александръ II написалъ: „вполнѣ надѣюсь, что кн. Гагаринъ съ извѣстнымъ Мнѣ его усердіемъ поведетъ важное это дѣло къ скорому и давножеланному Мною окончанію".

Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта посвятили разсмотрѣнію работы Государственной Канцеляріи шестнадцать засѣданій въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1862 года. Этимъ засѣданіямъ составленъ журналъ, въ которомъ подробно изложены соображенія Департаментовъ „объ основныхъ началахъ, кои, по мнѣнію Департаментовъ, должны быть окончательно приняты для преобразованія судопроизводства и судоустройства". Громадный объемъ помянутаго журнала (370 печатныхъ страницъ) вполнѣ соотвѣтствуетъ богатству его содержанія, свидѣтельствующему о дѣловитости и обстоятельности сужденій большинства членовъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта. Журналъ начинается краткой исторической справкой о ходѣ первоначальныхъ работъ въ направленіи судебнаго преобразованія, гдѣ, между прочимъ, констатируется давнишнее стремленіе нашего правительства къ преобразованію судебной части. Въ дальнѣйшемъ журналъ раздѣляется на три отдѣла: гражданское судопроизводство, уголовное судопроизводство и судоустройство, при чемъ первые два начинаются критикой ста-

раго процесса, среди недостатковъ котораго первое мѣсто отводятъ Департаменты Государственнаго Совѣта смѣшенію властей административной и судебной; отсюда понятно, почему такое же именно первое мѣсто въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части отведено статьѣ, которою устанавливалось отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной (ст. 1, ч. I.—Судоустройство). Значительная часть основныхъ положеній принята въ Департаментахъ единогласно, остальныя же подавляющимъ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ членовъ, обыкновенно восьми противъ трехъ или девяти противъ двухъ и даже всѣми противъ одного. Наиболѣе охотно оставался въ меньшинствѣ графъ Панинъ, въ сужденіяхъ котораго нерѣдко проглядывало стремленіе сохранить тѣ или иныя положенія дѣйствовавшаго тогда судебнаго законодательства.

Въ общемъ разногласій было не особенно много, наиболѣе значительное число ихъ — пятнадцать — оказалось при обсужденій основныхъ положеній устава уголовнаго судопроизводства, но и тутъ по большей части они касались предметовъ второстепенныхъ и во всякомъ случаѣ не самыхъ важныхъ.

Въ августѣ 1862 года дѣло о преобразованіи судебной части перешло на разсмотрѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, которое приступило къ его обсужденію въ томъ же порядкѣ, какъ и Соединенные Департаменты, при чемъ разногласій было еще менѣе,—по всѣмъ тремъ уставамъ лишь восемнадцать, но графъ Панинъ оставался вѣренъ себѣ и не разъ оказывался одинъ противъ всѣхъ. При утвержденіи постановленій Государственнаго Совѣта Императоръ Александръ II лишь въ двухъ случаяхъ согласился съ мнѣніемъ меньшинства: во-первыхъ, о невключеніи въ уставъ новаго судопроизводства правила о предъявленіи постороннимъ лицамъ признанія, сдѣланнаго подозрѣваемымъ слѣдователю при предварительномъ слѣдствіи и, во-вторыхъ, о сохраненіи въ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства дѣйствовавшаго правила о приговорахъ, подносимыхъ на Высочайшее утвержденіе, распространивъ преимущество это и на священнослужителей всѣхъ степеней духовной іерархіи, всѣ же остальныя разногласія были разрѣшены имъ въ пользу большинства.

29 сентября 1862 года основныя положенія преобразованія судебной части были утверждены Государемъ, при чемъ еще ранѣе ихъ утвержденія, при разсмотрѣніи окончательной меморіи Государственнаго Совѣта, Онъ выразилъ категорическое желаніе, чтобы окончательные проекты были изготовлены къ 15 января 1863 г. для сообщенія ихъ главноуправляющему II Отдѣленіемъ и министру юстиціи, которымъ назначалъ лишь шестинедѣльный срокъ на представленіе замѣчаній, „дабы Государственный Совѣтъ могъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію и къ обсужденію исполнительныхъ мѣръ въ теченіе марта мѣсяца будущаго года".

Общее Собраніе Государственнаго Совѣта находило полезнымъ обнародовать основныя положенія въ общее свѣдѣніе въ виду того интереса и нетерпѣнія, съ которыми окончаніе этого дѣла ожидалось всѣми слоями населенія. Государь согласился съ этимъ мнѣніемъ, и основныя положенія были немедленно распубликованы, съ указаніемъ, что установленныя ими начала должны быть приняты за основаніе для дальнѣйшаго законодательнаго развитія при выработкѣ окончательныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Опубликованіе основныхъ положеній было крупнымъ событіемъ того времени, оно свидѣтельствовало о стремленіи правительства не только считаться съ общественными пожеланіями, но и совершенно опредѣленно пойти имъ навстрѣчу. Общество съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидало положительнаго результата отъ работъ по судебному преобразованію, и его поспѣшили освѣдомить и тѣмъ успокоить.

Это былъ актъ признанія свыше зрѣлости русскихъ людей, отъ которыхъ не находили болѣе нужнымъ скрывать направленіе предстоящихъ законодательныхъ работъ, а, напротивъ того, ожидали помощи и содѣйствія. Вводя въ основныя положенія цѣлый рядъ институтовъ, намѣченныхъ дворянскими пожеланіями и публицистикой, правительство открывало обществу путь для дальнѣйшей работы, оно готово было выслушать всѣ возможныя замѣчанія и возраженія.

Такимъ внимательнымъ и благожелательнымъ къ обществу отношеніемъ характеризуется весь ходъ судебной реформы, начиная со времени послѣднихъ Блудовскихъ проектовъ, и въ этомъ, думается намъ, одна изъ существенныхъ причинъ блестящаго ея успѣха.

Лица, стоявшія близко къ работамъ по судебному преобразованію, проявили несомнѣнно большій интересъ и большее уваженіе къ общественному мнѣнію, чѣмъ дѣятели другихъ реформъ—напримѣръ, крестьянской или земской. Только Великій Князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ Милютинъ обнаруживали при переустройствѣ во ввѣренныхъ имъ вѣдомствахъ такую же благожелательную готовность выслушивать чужія мнѣнія и совѣтоваться съ широкимъ кругомъ лицъ, какъ составители проектовъ судебнаго преобразованія.

Основныя положенія преобразованія судебной части изложены въ 386 статьяхъ, причемъ наименьшее число статей 91—приходится на судоустройство, а наибольшее 157—на уставъ уголовнаго судопроизводства; середину занимаетъ уставъ гражданскаго судопроизводства (138 статей).

Такая обширность основныхъ положеній объясняется тѣмъ, что въ нихъ не только указаны общія начала, но и довольно подробно намѣчены многія стороны предстоявшаго преобразованія. Несмотря на значительный объемъ, они читаются и усваиваются необычайно легко благодаря ясности и опредѣленности мысли и точности изложенія; чистый и красивый языкъ, которымъ они написаны, вполнѣ соотвѣтствуетъ стройности линій начертанныхъ ими институтовъ. Съ точки зрѣнія содержанія основныя положенія представляютъ изъ себя достойный вѣнецъ многолѣтнихъ усердныхъ трудовъ по судебному преобразованію, громадное большинство слабыхъ сторонъ стараго судебнаго строя ими рѣшительно устранялось. На первый планъ было выдвинуто положеніе необычайной важности, объ отдѣленіи судебной власти отъ административной и законодательной [1]), и это понятно, такъ какъ именно смѣшеніе административныхъ и судебныхъ дѣлъ было одной изъ главнѣйшихъ причинъ разстройства всей системы правосудія. Отдѣленіе суда отъ чуждой ему по духу администраціи открывало возможность обезпечить независимость дѣятельности судебнаго персонала, безъ которой,

[1]) Ст. I судоустройства говоритъ: „власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной". Любопытно отмѣтить, что необходимость отдѣленія судебной власти отъ административной, повидимому, давно уже ощущалась русскимъ законодателемъ, что можно вывести хотя бы изъ слѣдующей фразы Учрежденія Министерствъ: „власть судебная во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Сенату по мѣстамъ судебнымъ" (ст. 213 Учр. Мин. т. I, Св. Зак. изд. 1857 г.).

какъ показалъ опытъ всѣхъ временъ и народовъ, немыслимы здоровые судебные порядки. Зависимый судья—исполнитель чужой воли, жалкое явленіе. „Произволъ никогда не бываетъ такъ отвратителенъ, говоритъ Ѳ. М. Дмитріевъ [1]), какъ подъ личиной правосудія, и вредъ судебнаго насилія, поражающаго прямо частные интересы, хуже всякаго административнаго произвола. Вотъ почему всѣ лучшія законодательства Европы ограничиваютъ право смѣны и перемѣщенія судей".

Другимъ капитальнымъ нововведеніемъ было запрещеніе останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ [2]), которое открывало судамъ широкое поле правотворческой дѣятельности. Это положеніе хотя и являлось повтореніемъ ст. 4 кодекса Наполеона [3]), но, въ сущности говоря, оно было твердо установленнымъ тезисомъ юридической науки, находившей необходимымъ предоставить судамъ право широкаго и свободнаго толкованія законовъ.

Относясь съ довѣріемъ къ людямъ вообще, составители основныхъ положеній не могли отнестись иначе къ будущимъ судебнымъ дѣятелямъ, отъ которыхъ они естественно ожидали не мертвой формалистики, а богатой созидательной работы. Вѣра въ эволюцію жизни и преклоненіе передъ человѣческимъ прогрессомъ побуждали открыть широкую дорогу для дальнѣйшаго постепеннаго усовершенствованія намѣченныхъ правовыхъ положеній. Это правило знаменовало собою рѣшительный отказъ отъ принципа недовѣрія, на которомъ покоилась вся система дореформеннаго правосудія.

Не задаваясь цѣлью исчерпать все содержаніе основныхъ положеній, такъ какъ это потребовало бы очень много мѣста и свелось бы къ изученію цѣлаго ряда намѣченныхъ ими институтовъ, что не входитъ въ наши задачи, ограничимся лишь упоминаніемъ о нѣсколькихъ важнѣйшихъ нововведеніяхъ.

Въ сферѣ судоустройства среди предположенныхъ улучшеній одно изъ видныхъ мѣстъ занимало сокращеніе числа инстанцій, чему придавали очень большое значеніе, какъ

---

[1]) Соч. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 493.

[2]) Ст. 12 уг. суд. и ст. 12 гр. суд.

[3]) Ст. 4 кодекса Наполеона говоритъ: le juge, qui refusera de juger sous prétexte du silence, de l'obscurité ou de l'insuffisance de la loi pourra être poursuivi comme coupable de déni de justice.

упоминалось выше, еще Блудовъ и его сотрудники. По общему правилу дѣло могло проходить лишь двѣ инстанціи. Всѣ судебныя учрежденія раздѣлялись на двѣ группы, — для менѣе важныхъ дѣлъ устанавливались мировые судьи и ихъ съѣзды, а для болѣе важныхъ окружные суды и палаты, во главѣ же всей судебной системы ставился верховный кассаціонный судъ — Правительствующій Сенатъ. Созданіе мировыхъ судей, которые были предположены еще Блудовымъ, являлось удовлетвореніемъ горячихъ пожеланій общества и печати, но здѣсь основныя положенія пошли значительно дальше прежнихъ проектовъ, такъ какъ, во-первыхъ, они совершенно обособляли мировую юстицію отъ общей, а во-вторыхъ устанавливали порядокъ замѣщенія судей посредствомъ выбора ихъ всѣми сословіями, тогда какъ Блудовъ и его сотрудники предполагали судей по назначенію отъ правительства. Институтъ мировыхъ судей представлялся сознанію составителей основныхъ положеній въ самыхъ привлекательныхъ, свѣтлыхъ очертаніяхъ. Званіе мирового судьи, разсуждали они, должно имѣть великую важность въ устройствѣ суда и судебнаго управленія. Въ его лицѣ предполагается дать мѣстнымъ обывателямъ не только ближайшее средство для разрѣшенія пререканій о правѣ въ дѣлахъ, требующихъ прежде всего скораго рѣшенія на мѣстѣ и наглядnаго знанія мѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посредника для соглашенія требованій, которыя весьма часто только въ началѣ кажутся противоположными, но, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, могутъ быть соглашены разъясненіемъ этихъ недоразумѣній, при посредствѣ лица, пользующагося довѣріемъ обѣихъ сторонъ. Эти разсужденія по своей вѣрѣ въ мировыхъ судей напоминаютъ картину, нарисованную въ учредительномъ собраніи въ 1790 г. во Франціи: „вообразите себѣ человѣка“, говорилось въ учредительномъ собраніи, „который только и думаетъ что о согражданахъ, который только и живетъ для нихъ, а особенно заботится о малолѣтнихъ, отсутствующихъ и всѣхъ безпомощныхъ. Вообразите себѣ отца среди своихъ дѣтей: онъ скажетъ слово и несправедливость умолкаетъ. Его непрерывная неустанная дѣятельность обезпечиваетъ каждому покой и счастье. Это мировой судья“...

Такое романтическое пониманіе задачъ мирового суда свидѣтельствовало больше о богатствѣ воображенія и нѣжности

чувствъ, чѣмъ о практической дѣловитости и естественно вело къ скорому разочарованію. Не менѣе важнымъ новшествомъ было установленіе суда присяжныхъ, которымъ ввѣрялось разрѣшеніе вопроса о виновности по важнѣйшимъ преступленіямъ. Это былъ огромный шагъ впередъ, къ своевременности котораго многія лица правящей среды относились сперва съ большимъ сомнѣніемъ, но впослѣдствіи, въ виду настойчивыхъ домогательствъ дворянства и по мѣрѣ выясненія вопроса трудами Ровинскаго, Заруднаго и другихъ, отношеніе къ нему становилось все болѣе и болѣе благопріятнымъ, такъ что Соединенные Департаменты уже единогласно высказались за введеніе суда совѣсти, отправляемаго самими гражданами. Соображенія ихъ по этому поводу заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ въ нихъ приводится и рядъ доказательствъ въ пользу суда присяжныхъ и нѣсколько серьезныхъ возраженій противникамъ этого института. Вся сила діалектики составителей основныхъ началъ была здѣсь употреблена, и въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ благодаря этому имѣются рѣдкія по своей убѣдительности и таланту изложенія страницы [1]).

Интересно отмѣтить, что нѣкоторыя разсужденія составителей основныхъ началъ и Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта о введеніи у насъ суда присяжныхъ весьма сходны съ тѣми соображеніями, которыя приводили по этому поводу депутаты губернскихъ комитетовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу, а впослѣдствіи чины Государственной Канцеляріи въ своихъ соображеніяхъ по поводу проекта, составленнаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Главное возраженіе противъ введенія у насъ суда присяжныхъ, говорится въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ, состоитъ въ томъ, что народъ нашъ недостаточно еще развитъ для того, чтобы входить въ соображенія, требующія логическихъ выводовъ и достаточной степени образованности. Возраженіе это не убѣдительно. Конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ

[1]) Журналъ Соед. Деп. Гос. Сов. 1862 г. № 65, стр. 181—186.

отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятія о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда присяжныхъ, но, напротивъ, представляетъ основаніе къ противоположному заключенію, потому что такой то именно народъ и нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе.

Если мы вспомнимъ, что писали въ своихъ отзывахъ депутаты перваго приглашенія Офросимовъ и кн. Волконскій и справимся съ помѣщенными въ томѣ XVI ч. I дѣла о преобразованіи судебной части соображеніями Государственной Канцеляріи, высказанными по поводу проектовъ Блудова и его сотрудниковъ, то увидимъ весьма близкое сходство между всѣми этими разсужденіями, изъ которыхъ наиболѣе ранними являются разсужденія названныхъ депутатовъ.

Въ Англіи, отечествѣ суда присяжныхъ, этотъ судъ носитъ характерное названіе judicium per patriam. Это дѣйствительно судъ цѣлой страны. Приговоръ, произнесенный такимъ образомъ, становится подъ охрану общественнаго мнѣнія. Когда институтъ присяжныхъ успѣлъ пустить глубокіе корни въ странѣ, онъ содѣйствуетъ при этомъ юридическому воспитанію народа. Нѣкоторые писатели признаютъ пользу присяжныхъ, даже и въ гражданскихъ дѣлахъ. „Учрежденіе присяжныхъ, говоритъ Токвиль, и особенно по гражданскимъ дѣламъ, сообщаетъ всѣмъ гражданамъ нѣкоторыя изъ привычекъ судьи; а эти привычки лучше всего приготовляютъ народъ къ свободѣ. Оно распространяетъ во всѣхъ слояхъ общества уваженіе къ рѣшенному дѣлу и идею права. Отнимите эти два условія, и любовь къ независимости будетъ только разрушительною страстію. Оно упражняетъ людей въ равенствѣ. Всякій, судя своего сосѣда, думаетъ, что и самъ можетъ быть судимъ имъ. Учрежденіе присяжныхъ пріучаетъ не отступать передъ отвѣтственностью за свои поступки, пріучаетъ къ мужественному чувству, безъ котораго нѣтъ государственной доблести. Оно облекаетъ каждаго гражданина нѣкотораго рода магистратурой, заставляетъ всѣхъ чувствовать, что у нихъ есть обязанности къ обществу и что они составляютъ часть его правительства.

Принуждая людей заниматься не одними собственными дѣлами, оно поборает личный эгоизмъ, эту ржавчину каждаго общества".

Основныя положенія посвящаютъ суду присяжныхъ 29 статей [1]), въ которыхъ съ достаточной полнотой и обстоятельностью выясняютъ роль его въ уголовномъ процессѣ и порядокъ привлеченія гражданъ къ отправленію этой важной функціи; главнѣйшее начало, такъ сказать сущность института, была намѣчена въ ст. 78 уголовн. судопроизводства, которая гласила „дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а также всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, судебныя мѣста разсматриваютъ не иначе, какъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей". Не задаваясь цѣлью дать хотя бы краткую оцѣнку суда присяжныхъ, вспомнимъ образный отзывъ о немъ Іеринга: „судъ присяжныхъ характеризуетъ переходъ отъ абсолютизма къ правовому государству" и эту заслугу его, какъ справедливо замѣчаетъ въ одной изъ своихъ статей И. Г. Щегловитовъ, мы никогда не забудемъ [2]).

Весьма важнымъ новшествомъ, которое намѣчали основныя положенія, было созданіе адвокатуры, получившей нѣсколько тяжеловатое наименованіе присяжныхъ повѣренныхъ. Какъ извѣстно, отношеніе правительства къ созданію у насъ адвокатскаго сословія было съ давняго времени весьма отрицательное; Императоръ Николай Павловичъ и многіе изъ Его сотрудниковъ видѣли въ немъ серьезную политическую опасность, но общественное движеніе первыхъ лѣтъ царствованія Александра II и изученіе западно-европейской правовой жизни измѣнило въ значительной мѣрѣ взглядъ на адвокатуру, за введеніе которой высказались уже Блудовскіе проекты. Основныя положенія придали этому вопросу большое значеніе, разработавъ съ достаточною обстоятельностью основанія организаціи и дѣятельности сословія присяжныхъ повѣренныхъ, которое получало особое самоуправленіе въ цѣляхъ преимущественно обезпеченія нравственнаго достоинства его членовъ. Ко времени обсужденія основныхъ положеній въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта сознаніе необходимости введенія у насъ

---

[1]) Ст. 27—38 судоустройства и 78—94 уголовнаго судопроизводства.

[2]) И. Г. Щегловитовъ. Журн. Мин. Юст. 1913 г. № 9.

адвокатуры сдѣлалось настолько всеобщимъ, что даже наиболѣе охранительно настроенный членъ ихъ, графъ Панинъ, не возражалъ по существу противъ введенія присяжныхъ повѣренныхъ.

Передѣлывая кореннымъ образомъ наше судоустройство, основныя положенія вводили рядъ капитальныхъ измѣненій и въ судопроизводство—на первомъ мѣстѣ среди нихъ надо поставить замѣну слѣдственнаго процесса слѣдственно-обвинительнымъ, что естественно влекло за собою и другія весьма существенныя перемѣны, сокращеніе письменности, введеніе устности и гласности, ослабленіе, а по уголовнымъ дѣламъ и отмѣну системы предустановленныхъ доказательствъ, упрощеніе порядка производства дѣлъ и проч. [1]).

До сихъ поръ мы перечисляли положительныя стороны основныхъ началъ судебнаго преобразованія, но, какъ во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, были въ нихъ и слабыя мѣста, къ числу такихъ надо отнести прежде всего порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ. Здѣсь основныя начала почти дословно повторяютъ раздѣлъ VII Блудовскаго устава производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, который въ свою очередь являлся лишь пересказомъ и приведеніемъ во внѣшній порядокъ дореформеннаго по этому предмету законодательства, и сводился къ тому, что чиновника можно было привлечь къ отвѣтственности лишь съ разрѣшенія его начальства. Ни составители основныхъ началъ, ни Государственный Совѣтъ не дали сколько нибудь солидной мотивировки столь консервативнаго рѣшенія этого важнаго вопроса, а ограничились нѣсколькими малозначительными фразами и указаніемъ, что отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административные чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы судебные чины не вмѣшивались въ дѣла административныя [2]), — эти выра-

[1]) Сущность основныхъ положеній и возникшія при обсужденіи ихъ разногласія въ Государственномъ Совѣтѣ обстоятельно изложены въ работѣ І. В. Гессена — Судебная реформа, стр. 58—76.

[2]) Наиболѣе пространныя разсужденія по этому поводу принадлежатъ Государственной Канцеляріи. Думаемъ, что не лишена интереса будетъ выдержка изъ нихъ: „По основному началу объ отдѣленіи власти судебной отъ административной, нельзя предоставить всѣмъ недовольнымъ распоряженіями административнаго должностнаго лица по службѣ

женія повторяютъ мысли Блудовскихъ работъ и напоминаютъ разсужденія старыхъ французскихъ юристовъ и государственныхъ дѣятелей. Но изъ такого сходства разсужденій нельзя еще сдѣлать вывода о заимствованіи нами института административной гарантіи должностныхъ лицъ изъ Франціи; у насъ про-

---

привлекать его къ суду гражданскому или уголовному, безъ разрѣшенія на то начальства сего лица, потому что такимъ образомъ судебная власть разсматривала бы правильность административныхъ распоряженій и приходила бы непрестанно въ столкновеніе съ административными властями. Но когда отъ начальства должностнаго лица, обвиняемаго въ убыточныхъ для частныхъ лицъ распоряженіяхъ, получено разрѣшеніе на начатіе съ него иска о вознагражденіи, то нѣтъ уже никакой надобности для сего иска, которымъ истецъ долженъ доказать дѣйствительность и количество убытковъ, причиненныхъ ему неправильнымъ или медленнымъ распоряженіемъ, дѣлать какое либо изъятіе изъ общаго порядка гражданскаго судопроизводства. Разрѣшеніе на искъ о вознагражденіи убытковъ, причиненныхъ дѣйствіями по службѣ административныхъ чиновъ, должно исходить отъ тѣхъ же властей, отъ которыхъ зависитъ преданіе ихъ суду.

Излишне было бы распространяться о томъ, какое имѣетъ важное значеніе для благосостоянія государства безпристрастное и строгое преслѣдованіе служебныхъ преступленій и проступковъ. Когда тѣ самые органы государственной власти, которые установлены для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка, подаютъ примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распущенность при которыхъ государство колеблется въ самыхъ его основаніяхъ. Лихоимство, лицемѣріе и произволъ должностныхъ лицъ всегда и вездѣ были зародышами всѣхъ общественныхъ золъ. Понятно поэтому, что судъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ, можетъ быть ввѣренъ только судилищамъ высоко поставленнымъ, только судьямъ, которые по своему просвѣщенному уму и высокому положенію въ обществѣ представляютъ надлежащія ручательства въ томъ, что они оцѣнятъ всю важность служебныхъ преступленій и будутъ ихъ преслѣдовать самостоятельно и энергически. Равномѣрно и присяжными засѣдателями по дѣламъ о преступленіяхъ должности могутъ быть только лица, имѣющія достаточную степень образованія для сужденій о служебныхъ обязанностяхъ и о силѣ письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основываются обвиненія въ преступленіяхъ сего рода. Въ сихъ видахъ можно было бы постановить: 1) что дѣла по преступленіямъ должности подлежатъ сужденію или судовъ окружныхъ, или областныхъ палатъ, или Кассаціонныхъ департаментовъ Сената, образующихъ изъ себя для сихъ дѣлъ судебное присутствіе; 2) что окружный судъ вѣдаетъ дѣла о преступленіяхъ по службѣ должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія, а также нижнихъ полицейскихъ чиновъ; 3) что суду областной палаты предаются всѣ прочія должностныя лица губернскихъ и государственныхъ учрежденій, кромѣ высшихъ чиновъ, за преступленія по службѣ, а также присяжные засѣдатели за нарушеніе ими своихъ обязанностей; 4) что Кассаціонные департаменты Сената, въ судебномъ ихъ присутствіи, разсматриваютъ дѣла о преступленіи должностей первыхъ четырехъ классовъ, а также должностей членовъ областныхъ палатъ, прокуроровъ сихъ палатъ и ихъ товарищей; 5) что дѣла по преступленіямъ должности производятся во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства; но присяжные засѣдатели какъ въ областную палату, такъ и въ Кассаціонный Сенатъ по дѣламъ сего рода назначаются и приглашаются порядкомъ установленнымъ для дѣлъ по преступленіямъ государственнымъ и противъ законовъ о печати, по особому списку, составленному для всѣхъ вышеозначенныхъ дѣлъ" (стр. 18—25 печатн. или 147 обр.—151 чернилами). (Записка и Соображенія Государственной Канцеляріи о главныхъ началахъ преобразованія судебной части въ Россіи, томъ XVI, ч. 1. Дѣло о преобразованіи суд. части, экземпл. Библіот. Госуд. Совѣта).

сто остался старый порядокъ слѣдственнаго типа, который существовалъ задолго до судебной реформы 1864 года. Нельзя не замѣтить, что самыя разсужденія о невозможности допустить вмѣшательство судебныхъ чиновъ въ административную жизнь страны имѣютъ подъ собою не русскую, а чисто французскую почву, такъ какъ у насъ не могло быть и рѣчи въ дореформенное время о подобномъ вмѣшательствѣ, во Франціи же парламенты XVIII вѣка (бывшіе судебными мѣстами) дѣйствительно вмѣшивались въ дѣла управленія и критиковали администрацію [1]). Едва ли имѣется надобность излагать текстъ основныхъ положеній по вопросу объ отвѣтственности должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ за преступленія должности, такъ какъ установленныя ими правила дѣйствуютъ по настоящее время въ ст. 1085 и слѣдующихъ Уст. Уг. Суд. и поэтому хорошо извѣстны всѣмъ юристамъ.

Другимъ несомнѣнно слабымъ мѣстомъ основныхъ положеній было уничтоженіе губернской прокуратуры. Правда этотъ институтъ принадлежалъ больше къ системѣ внѣвѣдомственнаго над-

---

[1]) L'immixtion des tribunaux dans l'administration était également très grande, au dix-huitième siècle elle apparut comme un procédé systématique de représailles contre l'intervention de la royauté dans la justice; un abus entraîna l'autre: de là entre la royauté et les Parlements, pendant tout le dix-huitième siècle, un conflit qui n'a pris fin qu'à la Révolution. Indépendamment du droit qu'ils avaient de faire sous le nom d'arrêts en commandement de véritables règlements administratifs, les Parlements s'étaient arrogé le pouvoir de citer les administrateurs à leur barre, de critiquer leur administration, et de tracer une ligne de conduite à suivre à l'avenir, se comportant à leur égard exactement comme auraieut pu le faire de vrais supérieurs hiérarchiques, et accomplissant à proprement parler des actes d'administration. (René Jaquelin: Les principes dominants du contentieux administratif ch. II, p. 23, § 1). Очень интересную постановку вопроса объ административной гарантіи даетъ извѣстный парижскій профессоръ Бертелеми. „Y avait-il, dans cette mesure protectrice des fonctionnaires, un privilège injustifiable destiné à couvrir les abus possibles d'une autorité excessive? On l'à souvent répété, et l'usage scandaleux, qui avait été fait à plusieurs reprises du droit de refuser l'autorisation de poursuites avait accrédité cette manière de voir. Elle était fausse, cependant; la garantie des fonctionnaires ne constituait au profit des administrateurs aucun privilège. Pour qu'il y ait privilège, il faut qu'en des situations semblables il y ait inégalité de traitement. Le fonctionnaire, dit on, n'était pas poursuivi comme responsable du dommage qu'il causait, alors qu'on aurait poursuivi un particulier; là était l'inégalité! Non, faut il objecter, parce que le dommage dont le fonctionnaire n'avait pas à répondre, à supposer l'autorisation refusée, c'était le dommage qui l'avait causé dans l'exercice de sa fonction; le particulier n'ayant pas de fonction ne saurait avoir d'excuse semblable. Une analogie frappante peut étre invoquée d'ailleurs entre la garantie des fonctionnaires, aujourd'hui supprimée, et les garanties qu'on a justement maintenues en faveur des magistrats de l'ordre judiciaire. H. Berthélemy: Traité élèmentaire de droit administratif. Ch. IV, p. 27.

зора, чѣмъ къ судебному строю и поэтому лежалъ до нѣкоторой степени за предѣлами задачъ поставленныхъ составителямъ основныхъ началъ, но все же удивительно, что они не остановились на немъ съ должнымъ вниманіемъ. Губернская прокуратура не сыграла въ исторіи русской правовой жизни особенно значительной роли, причины этого явленія весьма сложны. Здѣсь не мѣсто на нихъ останавливаться, но правила о ней заключали въ себѣ здоровыя начала, которыя при опредѣленномъ поворотѣ отъ полицейскаго государства къ правовому могли естественнымъ образомъ развиваться и принести обильные плоды; губернская прокуратура, при нѣкоторомъ улучшеніи ея положенія могла сыграть роль оси, на которой возможно было бы повернуть администрацію отъ произвола къ закону. Тѣмъ больше приходится жалѣть о ея уничтоженіи, что послѣднее время своего существованія она обнаруживала несомнѣнно признаки развитія и усиленія; въ рядахъ ея съ конца сороковыхъ годовъ появляются молодые юристы, приносившіе живую струю въ дѣятельность этого стариннаго учрежденія.

Первое время по изданіи Судебныхъ Уставовъ юристы не вспоминали о губернской прокуратурѣ, они, повидимому, были къ ней также равнодушны, какъ и составители основныхъ началъ судебныхъ преобразованій, но впослѣдствіи отношеніе къ ней весьма опредѣленно измѣняется, сперва раздались сожалѣнія о ней изъ лагеря публицистовъ враждебныхъ Судебнымъ Уставамъ (напр., В. Я. Фуксъ въ книгѣ „Судъ и полиція"), ратовавшихъ за прокуратуру преимущественно потому, что она была уничтожена ненавистными имъ законами 20 ноября 1864 года, но впослѣдствіи большой интересъ къ губернской прокуратурѣ обнаружили многіе видные юристы, справедливо указывавшіе, что съ уничтоженіемъ ея остался въ губернской жизни пробѣлъ, по настоящее время ничѣмъ не заполненный, появилась даже идеализація этого наслѣдія петровскихъ временъ.

Задаваясь естественно вопросомъ, почему составители основныхъ началъ не обратили должнаго вниманія на губернскую прокуратуру, думается намъ на него возможно дать лишь одинъ отвѣтъ: мало интересуясь сферой административнаго права и, быть можетъ, стѣсняясь по тактическимъ соображеніямъ касаться вопросовъ, относящихся до управленія, они

пошли здѣсь, какъ и при начертаніи правилъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, всецѣло по стопамъ своихъ предшественниковъ.

Кромѣ указанныхъ двухъ были конечно и другія слабыя мѣста въ основныхъ положеніяхъ, но всѣ они перевѣшиваются свѣтлыми ихъ сторонами, въ общей своей сложности намѣтившими вполнѣ соотвѣтствующій потребностямъ времени и глубоко человѣчный судебный строй.

II. Отношеніе къ Основнымъ Положеніямъ въ обществѣ и печати.

Изданіе основныхъ положеній было встрѣчено въ широкихъ кругахъ населенія полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. „Въ настоящее время", писалъ по поводу нихъ Чичеринъ „нѣтъ преобразованія болѣе настоятельнаго, болѣе соотвѣтствующаго и высшимъ нравственнымъ требованіямъ и насущной нуждѣ народа, жаждущаго защиты и правды. Это новый великій памятникъ нынѣшняго царствованія, равный Положенію 19 февраля 1861 г. При освобожденіи крестьянъ была дарована свобода 22 милліонамъ людей—реформа суда даетъ правосудіе всѣмъ. Тѣ драгоцѣнныя стяжанія свободы, которыя другіе народы нерѣдко покупали своею кровью, мы получаемъ изъ рукъ правительства, воодушевленнаго мыслью о благѣ подданныхъ". Не смотря на трудность воплотить въ жизнь намѣченныя основными началами преобразованія, Чичеринъ вѣрилъ, что благія намѣренія правительства и готовность общества содѣйствовать великой цѣли дадутъ Россіи возможность установить у себя правосудіе. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ—„сердце русскаго бьется сильнѣе при мысли, что права наши будутъ ограждены, что безкорыстіе и правда водворятся на русской землѣ". Въ такомъ же духѣ отзывался по поводу изданія основныхъ положеній Ѳ. М. Дмитріевъ [1]). По его словамъ, изъ всѣхъ мѣръ послѣдняго вре-

[1]) Журналъ „Наше Время" 1862 г. № № 244, 245, 280 и 1863 г. №№ 5, 19 и 20. Эти статьи включены въ собраніе его сочиненій, томъ II.

мени ни одна не была встрѣчена такимъ единодушнымъ сочувствіемъ, какъ преобразованіе судебной части.

Эта важная реформа, перенося въ Россію одинъ изъ лучшихъ плодовъ европейской мысли и гражданственности, удовлетворяетъ цѣлому русскому обществу, сверху до низу, и отвѣчаетъ его коренной исторической потребности. „Недостатокъ правосудія", говоритъ Дмитріевъ, „старинная, наболѣвшая рана. Предметъ постоянныхъ попеченій власти и постоянныхъ жалобъ общества, судебный порядокъ, не смотря на всѣ измѣненія, до сихъ поръ сохранялъ еще свои вѣковые недостатки. Среди великихъ успѣховъ прошлаго и нынѣшняго вѣка онъ одинъ оставался печальнымъ памятникомъ прошедшаго. Новая реформа наноситъ ударъ худшему виду произвола, произволу судебному, который прикрывается маской справедливости и поражаетъ самые дорогіе интересы лица. Дать твердыя начала суду, обезпечить его независимость, его безпристрастіе,—значитъ совершить самый важный шагъ къ водворенію законности въ государствѣ. Это полезнѣе многихъ, самыхъ громкихъ политическихъ мѣръ. Ничто такъ не пріучаетъ общества къ разумной самодѣятельности, какъ возможность отстаивать личныя права и полная увѣренность въ ихъ неприкосновенности" [1]). Съ такимъ же глубокимъ сочувствіемъ говоритъ объ изданіи основныхъ положеній человѣкъ другого склада и темперамента—академикъ Никитенко: „прочиталъ Высочайше утвержденный проектъ новаго судоустройства,"—заноситъ онъ въ свой дневникъ, „какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе. Если бы въ Николаевскія времена кто-нибудь вздумалъ помечтать о подобныхъ вещахъ, и мечта его какъ нибудь вылетѣла бы изъ его устъ, тотъ былъ бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника. А тутъ вотъ публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ деспотизма администраціи" [2]). Сочувствіе общества основнымъ положеніямъ судебнаго преобразованія выражалось, между прочимъ и въ томъ, что со времени ихъ утвержденія большое число лицъ, получившихъ юридическое образованіе, начинаетъ настойчиво стремиться на службу по судебному вѣдомству, и

---

[1]) Соч. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 463.

[2]) Дневникъ Никитенки, т. II, стр. 103, изд. Пирожкова.

многіе чиновники, покинувшіе Министерство Юстиціи, стали возвращаться обратно. Это явленіе съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министръ юстиціи Замятнинъ [1]), прибавлявшій, что „нынѣ на всѣ должности, зависящія отъ Министерства и бывшія при вступленіи его въ управленіе вѣдомствомъ вакантными, кромѣ должностей судебныхъ слѣдователей, опредѣлены лица не только съ юридическимъ образованіемъ, но и съ надлежащей практической подготовкой“ [2]).

Интересно замѣтить, что нѣкоторые изъ современниковъ судебной реформы отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что новыя учрежденія какъ бы клиномъ входятъ въ старую организацію провинціи, и поэтому трудно расчитывать на солидарную ихъ дѣятельность... „во всякомъ случаѣ число учрежденій значительно увеличится въ губерніяхъ, пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ Отечественныхъ Записокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усложнятся ихъ взаимныя отношенія. Новое зданіе, примыкая къ старому, наляжетъ на него свѣжими силами; старыя стѣны, упираясь на прочно осѣвшій фундаментъ свой, станутъ налегать на новыя. Борьба будетъ неизбѣжна“ [3]).

Среди общаго хора, выражавшаго сочувствіе и одобреніе основнымъ положеніямъ судебнаго преобразованія, раздавались и недовольные ими голоса, исходившіе преимущественно изъ среды лицъ, державшихся въ той или иной степени славянофильскихъ воззрѣній. Не сочувствуя даже и тѣни заимствованія съ Запада и не уяснивъ себѣ хорошенько вопроса о степени независимости основныхъ положеній отъ иностранныхъ образцовъ, славянофилы готовы были отнестись къ намѣченной реформѣ съ крайнею строгостью и обидною несправедливостью. Въ такомъ духѣ, напримѣръ, написана большая часть статьи И. С. Аксакова въ газетѣ „День“. „1862 года, октября 1 дня“, писалъ онъ, „Россія, къ великой для себя неожиданности, увидала себя возведенною, однимъ разомъ, безъ всякихъ замедляющихъ дѣло проволочекъ, на степень цивилизованнѣйшихъ и благо-

[1]) Сен. Арх. Всепод. доклады по Министерству Юстиціи за 1863 г., стр. 8 обор.

[2]) Цѣнныя указанія объ общемъ вниманіи, которое возбудили основныя положенія, приводитъ Хартулари въ своей книгѣ „Итоги прошлаго“; между прочимъ онъ говоритъ о большомъ числѣ желающихъ серьезно ихъ изучать, стр. VIII.

[3]) Отеч. Записки, 1862 г., т. 144, стр. 55 и 56.

устроеннѣйшихъ европейскихъ государствъ. Нельзя, конечно, не изумиться быстротѣ нашего развитія, дѣятельности администраціи,—и отчасти рѣзкости такихъ переходовъ отъ долговременной нищеты къ внезапному, неслыханному изобилію. Съ будущаго года получаемъ мы вдругъ—и адвокатовъ, и судъ присяжныхъ, и публичность суда, и „кассацію", и несмѣняемость судей, и обвинительный процессъ. Такимъ образомъ то, что стоило нашимъ западнымъ сосѣдямъ столько духовнаго и жизненнаго самостоятельнаго труда, жертвъ, мучительныхъ всенародныхъ напряженій, совокупныхъ усилій милліоновъ умовъ, цѣлыхъ сотенъ лѣтъ медленной органической работы,—досталось или достается намъ не дорогою цѣною, не долговременными заботами, не постепенно, а одновременно, разомъ, такъ сказать въ нѣсколько дней, усиліями и попеченіями немногихъ избранныхъ въ Петербургѣ, безъ всякихъ хлопотъ и безпокойствъ со стороны остального народонаселенія. По мнѣнію большей части нашихъ газетъ, такая ширь и гладь пути для прогресса дѣлаетъ нашъ жребій завиднымъ, и Европѣ, въ скоромъ времени, малымъ чѣмъ останется преимуществовать предъ нашимъ отечествомъ...

Мы вполнѣ цѣнимъ благія побужденія, даровавшія Россіи новое судебное устройство, и вполнѣ сочувствуемъ искренности добрыхъ намѣреній, одушевлявшей составителей проекта. Но не раздѣляя общаго увлеченія нашей печати и даже считая его въ данномъ случаѣ неумѣстнымъ, мы признаемъ нравственною обязанностью отнестись къ проекту съ тѣмъ строгимъ вниманіемъ, котораго вполнѣ заслуживаетъ дѣло такой громадной, жизненной важности.

Преобразованіе судебнаго устройства въ Россіи есть неотразимое послѣдствіе недавняго освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости.

Какъ въ поѣздѣ желѣзной дороги, соскочившемъ съ рельсовъ, вагоны, сшибаясь и громоздясь другъ на друга, ломятся и летятъ въ дребезги,—такъ трещитъ и рушится старый бытъ, сложившійся послѣ Петровскаго погрома и сдвинутый съ своей стороны уничтоженіемъ крѣпостного права. Но еще не очищена почва отъ щепъ и осколковъ, еще не освобождены изъ подъ нихъ ея произрастательныя силы, а уже задвигается она новыми, совсѣмъ готовыми, извнѣ принесенными, чуждыми фор-

мами. Жизнь, возбужденная къ сознанію и дѣятельности событіемъ 19 февраля 1861 года, еще не успѣла сказать свое слово и явиться въ могуществѣ свободныхъ органическихъ отправленій, какъ ей снова приходится становиться въ пассивное отношеніе къ внѣшнимъ формамъ, принимать, а не производить, осваиваться съ чужимъ, а не отдѣлять свое отъ чужого, улаживаться, приноравливаться, вообще тратить силы на работу въ извѣстномъ, заданномъ извнѣ направленіи, а не на трудъ самостоятельнаго созиданія. Новый порядокъ не вытекаетъ изъ стараго, не есть его дальнѣйшее движеніе, „или логическое развитіе".

Еще рѣзче отзывался объ основныхъ положеніяхъ судебной реформы Кошелевъ, въ одномъ изъ писемъ къ историку Погодину: „право славно: у насъ будутъ по щучьему велѣнію и по нашему прошенію и адвокаты, и предсѣдатели, способные вести судныя дѣла и пренія, какъ того требуютъ наука и практика. Знаете, безъ смѣха нельзя читать этого прекраснаго сочиненія, хорошо, очень хорошо, а никуда не годится... проектъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ останется in spe и никогда не приведется въ исполненіе". Столь же отрицательно отнесся къ судебной реформѣ Шевыревъ [1]). Не скрывали своей холодности къ основнымъ началамъ судебнаго преобразованія и нѣсколько иного темперамента люди — Самаринъ, кн. Черкасскій; первый изъ нихъ писалъ женѣ Н. А. Милютина, что, по его мнѣнію, Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. ничего не теряетъ при сравненіи съ проектомъ судебной реформы и затѣмъ прибавлялъ, что онъ и Черкасскій удивлены той серьезности, съ которою трактуются тамъ многіе, незначительные, по ихъ мнѣнію, вопросы. Приводя текстъ этого письма, извѣстный французскій писатель Анатоль Леруа Болье замѣчаетъ, что одна изъ причинъ антипатіи дѣятелей крестьянской реформы къ новой судебной организаціи заключалась въ безпокойствѣ о будущности созданныхъ ими волостныхъ судовъ [2]). Очень возможно, что это такъ, но во всякомъ случаѣ эта причина была отнюдь не главной и далеко не единственной. Критическое отношеніе указанныхъ лицъ къ основамъ судебной реформы исходило, по всей

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. 19, стр. 475 и 476.

[2]) Leroy Beaulieu, L'empire des Tzars et les Russes. Tom. II. Livre IV. Chap. I, page 295 и 296.

вѣроятности, изъ ихъ общаго міросозерцанія и въ особенности изъ ихъ историко-философскихъ воззрѣній. Нелюбовь къ точнымъ, рѣзкимъ формамъ, преимущественный интересъ къ вопросамъ религіознымъ, философскимъ, нравственнымъ и экономическимъ, а отнюдь не къ правовымъ, боязнь строго опредѣленной правительственной регламентаціи какой бы то ни было стороны народной жизни, а къ тому же, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, быть можетъ, примѣшивалась своего рода jalousie du metier къ дѣятелямъ судебной реформы, отъ которой сами они стояли во всѣхъ отношеніяхъ далеко.

Русская печать отозвалась на основныя положенія судебной реформы длиннымъ рядомъ статей.

Просматривая страницы журналовъ и столбцы газетъ того времени, нельзя не отдать справедливости добросовѣстности и знанію дѣла, съ которыми большинство ихъ составлялось.

Печать отнюдь не была склонна отнестись къ намѣченной реформѣ только съ восторгомъ, отдѣлаться общими фразами и дешевымъ пафосомъ; правда, она отнеслась въ большинствѣ своемъ весьма благожелательно къ основнымъ положеніямъ, но въ то же время выдвинула не мало дѣльныхъ, критическихъ замѣчаній, сдѣлала не мало полезныхъ указаній, хотя конечно попадались и слабыя статьи, выдвигавшія положенія, которыя намъ представляются неудачными [1]).

Но въ общемъ критика печати отличалась и широтою, и глубиною, а иногда и несомнѣнной талантливостью, причемъ нѣкоторые спеціальные журналы разбирали основныя положенія со своихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, напримѣръ, „Военный Сборникъ“ указываетъ на значеніе и важность этого преобразованія собственно для военнаго сословія, которое отнынѣ вмѣстѣ съ гражданскимъ обществомъ будетъ уважать и покоряться закону въ убѣжденіи, что никакое противозаконіе не останется безнаказаннымъ. Отзываясь о началахъ реформы, какъ о чрезвычайно человѣчныхъ, журналъ замѣчаетъ, что преобразованіе гражданскаго суда... вызоветъ необходимость измѣненія и военно-судныхъ законовъ. Газеты „Акціонеръ“ и „Народное Богатство“ взглянули на основныя положенія съ эконо-

[1]) Такъ, напр., въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Сынѣ Отечества“ высказывались сожалѣнія объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи.

мической и финансовой точки зрѣнія, онѣ указывали на значеніе судебной реформы для торговли и промышленности, которыя несли огромные убытки при старыхъ судебныхъ порядкахъ и должны много выиграть при реформѣ судебнаго строя.

Газетныя и журнальныя статьи хотя и посвящались преимущественно конкретнымъ вопросамъ, напримѣръ, мировому суду, суду присяжныхъ и проч., но иногда поднимались и до самыхъ общихъ разсужденій, напримѣръ, о томъ, насколько основныя положенія удовлетворяютъ требованіямъ времени, о пользѣ и необходимости перехода отъ слѣдственнаго къ обвинительному процессу, о невозможности преемственнаго развитія нашего юридическаго быта, въ чемъ усматривали причину радикальности судебнаго преобразованія и проч.

Наибольшее вниманіе удѣлили публицисты мировому институту причемъ, естественно, прежде всего останавливались на сравненіи намѣченнаго у насъ положенія мировыхъ судей съ англійскими судьями. Одни изъ публицистовъ отдавали преимущество этимъ послѣднимъ, другіе предпочитали русскій проектъ. Дореформенная жизнь выучила бояться чрезмѣрной власти, ведущей неизмѣнно къ произволу, поэтому многіе не сочувствовали широтѣ предоставленныхъ мировому институту полномочій. Сумма 300—500 рублей, говорилось въ нѣкоторыхъ статьяхъ, въ предѣлахъ которой дѣла будутъ разсматриваться мировыми судьями, превышаетъ все состояніе множества русскихъ людей, такимъ образомъ имущественное положеніе народной массы будетъ всецѣло отдано на усмотрѣніе мировыхъ судей и съѣздовъ; правда, будетъ путь кассаціоннаго обжалованія, но онъ для большинства окажется слишкомъ сложнымъ и дорогимъ въ виду удаленности Кассаціоннаго Сената и спеціально юридическаго характера кассаціонныхъ жалобъ. Разбираясь подробно въ этомъ вопросѣ, Унковскій (въ „Современникѣ“) замѣчалъ, что мировые судьи есть явленіе специфическое—англо-саксонской расы, находящееся въ прямой зависимости отъ распредѣленія въ Англіи недвижимой собственности. Другіе публицисты, напримѣръ, профессоръ Утинъ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) отмѣчали преимущества русскихъ мировыхъ судей передъ англійскими, которыя по ихъ мнѣнію заключались въ томъ: 1) что власть отдѣльныхъ мировыхъ судей у насъ будетъ менѣе значительна, 2) что у насъ мировые судьи не будутъ производить слѣдствій.

Большое вниманіе привлекалъ къ себѣ вопросъ о выборности мировыхъ судей и о срокахъ избранія. Поклонники англійскихъ образцовъ въ чистомъ ихъ видѣ предпочитали полное заимствованіе англійскаго порядка, не знающаго выбора мировыхъ судей, иные публицисты были противъ выбора, потому, „что, вообще говоря, выборъ вовсе не лучшій способъ для замѣщенія судебныхъ должностей. Судьѣ нужно быть спеціалистомъ, а избраніе можетъ пасть и на лицо безъ всякихъ юридическихъ свѣдѣній. Конечно, отъ мирового судьи, по характеру его званія, не требуется обширное юридическое образованіе, но онъ долженъ однако имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія въ законахъ. Между тѣмъ избиратели могутъ и не обратить вниманія на это важное условіе и имъ чаще всего, конечно, не будутъ руководствоваться. Избранное лицо всегда представляетъ односторонніе интересы тѣхъ, отъ кого зависѣлъ его успѣхъ, отъ кого оно получило свое мѣсто, а первое качество судьи есть безпристрастіе, одинаковое отношеніе ко всѣмъ интересамъ“ [1]). Но большинство публицистовъ отдавали преимущество выборному порядку замѣщенія этихъ должностей. Полныхъ противниковъ имущественнаго ценза было немного; значительная часть склонялась къ тому, что появленіе интеллигентнаго пролетаріата въ роли мировыхъ судей весьма не желательно; лучше на эти мѣста допустить среднихъ во всѣхъ отношеніяхъ дворянъ помѣщиковъ, — говорилось въ газетѣ „Голосъ“, чѣмъ людей въ родѣ Рудина и Базарова; но, конечно, изданія болѣе демократическаго направленія настаивали на уменьшеніи ценза. Немало разногласій возбуждалъ вопросъ о срокѣ выборной службы; были голоса, высказавшіеся въ цѣляхъ обезпеченія надлежащей независимости мировыхъ судей за пожизненное ихъ избраніе. Большое вниманіе привлекалъ къ себѣ вопросъ о мировыхъ съѣздахъ, сводившійся, въ сущности говоря, къ тому, слѣдуетъ ли обособлять мировую юстицію отъ общей, — находились сторонники порядка, намѣчавшагося Блудовымъ, по которому, какъ извѣстно жалобы на мировыхъ судей должны были приноситься въ окружные суды. Основаніями такого предпочтенія были два соображенія: 1) трудно, почти невозможно, устранить косвенное вліяніе мирового судьи, на котораго жалуются, на его товарищей, членовъ

[1]) Соч. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 475.

съѣзда и 2) апелляціонный судъ, по существу своему, долженъ состоять изъ лучшихъ юристовъ, нежели судъ первой инстанціи, но сторонники мирового съѣзда (напр. „Голосъ“) возражали, что мировая юстиція должна быть обособлена отъ общей, такъ какъ все мировое разбирательство должно происходить по совѣсти, а не по закону. Разборъ дѣлъ „по совѣсти, а не по закону“ рисовался многимъ людямъ той эпохи въ необычайно привлекательныхъ, и въ то же время романтически неопредѣленныхъ очертаніяхъ, объ этомъ не мало говорилось и писалось во время хода судебной реформы. Повидимому, такое стремленіе представляло изъ себя естественную реакцію противъ формалистики, буквоѣдства и бездушія, привносившихся въ согласіи съ общимъ политическимъ курсомъ въ правовую жизнь народа. Правосудіе не удовлетворяло народную совѣсть, отсюда и мечта замѣнить основу правосудія—законъ—велѣніями совѣсти мировыхъ судей. Другіе же были готовы удовлетвориться болѣе скромнымъ и въ то же время несомнѣнно болѣе реальнымъ и удобоисполнимымъ нововведеніемъ — желали въ мировой институтъ ввести судъ присяжныхъ. „При существующихъ условіяхъ единоличная юрисдикція нашихъ будущихъ мировыхъ судей, пишетъ одинъ изъ видныхъ публицистовъ того времени, не представитъ вовсе обезпеченій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Поэтому для простого и удобнаго разбирательства мелкихъ гражданскихъ дѣлъ и полицейскихъ проступковъ непремѣнно нужно ввести въ этотъ судъ элементъ, который могъ бы имѣть нравственное вліяніе на судью и сдерживать его личный произволъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи ничего не можетъ быть лучше участія присяжныхъ. Если правительство находитъ возможнымъ довѣрить нашимъ присяжнымъ разрѣшеніе важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, „то тѣмъ болѣе они могутъ хорошо рѣшить проступки, которые предоставлено судить мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ“.

Отношеніе къ суду присяжныхъ въ публицистикѣ было самое сочувственное, а у отдѣльныхъ писателей того времени прямо восторженное.—„Введеніе присяжныхъ въ наши суды, писалось въ „Библіотекѣ для Чтенія“, есть одинъ изъ краеугольныхъ камней нашей судебной реформы, это выходъ изъ варварства, рутины и жестокости и обращеніе къ здравомыслію, человѣколюбію и гуманности, то есть обращеніе къ истинной справедливости“. Другой

видный публицистъ того времени находилъ, что если судъ присяжныхъ не улучшитъ немедленно самаго суда, то безъ сомнѣнія возвыситъ въ обществѣ сознаніе гражданскихъ обязанностей... Свобода не пріобрѣтается даромъ, она требуетъ жертвъ и усилій. Но мужественное исполненіе гражданскихъ обязанностей одно даетъ обществу внутреннюю крѣпость и способность къ самоуправленію. Останавливаясь на той роли, которую отводили основныя положенія суду присяжныхъ, многіе публицисты высказывали сожалѣніе, что онъ не распространяется на менѣе важныя преступленія, затѣмъ указывалось, вѣроятно подъ вліяніемъ англійскаго образца, на несправедливость разрѣшенія поставленныхъ присяжнымъ вопросовъ по большинству голосовъ, это правило находили недостаточно гуманнымъ. При перевѣсѣ одного голоса—каторга, отдѣлись одинъ голосъ къ противной сторонѣ, и подсудимый спасенъ, потому что при равенствѣ голосовъ онъ всегда спасенъ. Одинъ голосъ, это волосъ, съ котораго оборвалась каторга. Двѣ лишнихъ минуты спора и человѣкъ былъ бы найденъ быть можетъ невиннымъ. Лишь приговоры за проступки могутъ быть терпимы по большинству голосовъ. Вообще можно сказать, что поскольку многіе опасались широты власти, предоставленной мировымъ судьямъ, постольку же желали расширенія дѣятельности суда присяжныхъ. Лишь отдѣльные, принадлежавшіе къ незначительному меньшинству, голоса совѣтывали не торопиться съ повсемѣстнымъ введеніемъ суда присяжныхъ, а ограничиться покуда открытіемъ его въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ имѣются всѣ необходимые къ тому элементы [1]).

Гораздо болѣе, чѣмъ судъ присяжныхъ, вызывало въ публицистахъ сомнѣніе другое новшество—несмѣняемость судей. По существу ему сочувствовали, но высказывались опасенія, что въ виду отсутствія надлежащаго количества пригодныхъ къ занятію судебныхъ должностей лицъ, возможны неудачныя назначенія, которыя принесутъ особенный вредъ потому, что ихъ нельзя будетъ немедленно исправить. Кстати будетъ напомнить, что подобныя мысли высказывали люди совершенно разнороднаго темперамента и далеко не одинаковаго міровоззрѣнія, какъ, напримѣръ, Чичеринъ и Побѣдоносцевъ. Обращаясь къ сферѣ судопроизводства, нѣкоторые наиболѣе юридически образованные публицисты оста-

[1]) Русскій Листокъ, 1863 г. № 4.

навливались прежде всего на томъ значеніи, которое будетъ имѣть у насъ введеніе началъ обвинительнаго процесса, на сторонѣ этой формы были всѣ ихъ симпатіи. „Нигдѣ не насчитывается столько ненаказанныхъ преступленій, какъ въ тѣхъ странахъ, которыя еще держатся слѣдственной формы", писалъ, разбирая основныя положенія, Ѳ. М. Дмитріевъ. „Въ примѣненіи къ гражданскимъ дѣламъ она еще несостоятельнѣе. Судья, который имѣетъ право изыскивать доказательства, не приведенныя противниками, который наводитъ справки и пополняетъ дѣло, самъ обращается въ заинтересованное лицо и можетъ даже ненамѣренно нарушить равенство между сторонами",

Естественно, что общее вниманіе привлекали два существенныя нововведенія—устность и гласность судопроизводства. При гласности и публичности, справедливо замѣчалъ одинъ видный публицистъ, „явныя притѣсненія сдѣлаются невозможны; возмутительное обхожденіе съ человѣческою личностью исчезнетъ. Общественное мнѣніе, какъ бы оно ни было незрѣло и ничтожно, всегда представляетъ нравственную силу, которая должна поднять и уровень судей. Въ гласности судопроизводства мы полагаемъ главное значеніе настоящаго преобразованія".

Всѣ единодушно желали публичнаго суда и опасались какихъ либо въ этомъ отношеніи ограниченій. Поэтому установленное основными положеніями правило, что „если по особому свойству дѣла публичность засѣданія при докладѣ того дѣла можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, установленныхъ закономъ, то состоящій при судебномъ мѣстѣ прокуроръ въ правѣ, или же палата, или судъ могутъ по собственному усмотрѣнію постановить, чтобы засѣданіе было при закрытыхъ дверяхъ"—вызывало неодобреніе, боялись, что на этой почвѣ возникнутъ злоупотребленія, которыя приведутъ къ фактическому закрытію судовъ для публики. Разбирая вышеприведенное правило, Огаревъ въ „Колоколѣ" не безъ парадоксальности замѣчалъ: „чѣмъ безнравственнѣе самое дѣло, тѣмъ нравственнѣе публичность суда, совершаемаго надъ нимъ, потому что только публичность суда и вводитъ въ этомъ случаѣ самый важный элементъ—кару общественнаго мнѣнія".

Наиболѣе дружное неудовольствіе вызывало сохраненіе стараго порядка возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ

должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ; намъ не пришлось встрѣтить въ печати того времени ни одного голоса въ защиту этого правила. Всѣмъ было ясно, что единственное средство противъ злоупотребленій „служащихъ людей“ состоитъ въ подчиненіи такихъ злоупотребленій правильно организованному гласному суду, который приступаетъ къ разсмотрѣнію подобныхъ дѣлъ независимо отъ согласія на это начальства обвиняемыхъ. Публицисты правильно отмѣчали, что сохраненіе стараго порядка отвѣтственности должностныхъ лицъ будетъ большимъ препятствіемъ къ водворенію у насъ полнаго владычества закона и послужитъ лишь къ сохраненію ненавистнаго произвола. „Во всякомъ вѣдомствѣ“, писалъ Унковскій, „непремѣнно существуютъ сильный корпоративный духъ и свои нравы и обычаи, въ силу которыхъ обходы нѣкоторыхъ законоположеній считаются не только безгрѣшными, но и необходимыми“. Высшіе чины, если бы даже и хотѣли, фактически не могутъ слѣдить за младшими чиновниками. Для лучшихъ, честныхъ чиновниковъ этотъ порядокъ преданія суду далеко не составляетъ преимущества, а, напротивъ того, лишаетъ ихъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, безъ которой они не могутъ пользоваться и тѣнью самостоятельности, необходимой для строгаго исполненія служебныхъ обязанностей. Каждый честный чиновникъ рискуетъ сдѣлаться жертвой клеветы, не имѣя возможности публично оправдаться иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Такимъ образомъ лица, посвятившія себя служебной дѣятельности, будутъ находиться въ безвыходномъ положеніи безгласныхъ тружениковъ, которые одни изъ всей массы народонаселенія лишены права личной и гласной защиты своихъ дѣйствій. Такое положеніе цѣлаго класса должностныхъ лицъ убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность и дѣлаетъ ихъ безсознательными орудіями въ громадномъ механизмѣ государственнаго управленія. При непосредственной личной отвѣтственности, когда чиновникъ отвѣчаетъ самъ за свои служебныя дѣйствія, онъ чувствуетъ себя уже не слугою своего ближайшаго начальства, но публичнымъ дѣятелемъ, который несетъ на себѣ извѣстную долю отвѣтственности передъ верховною властью и обществомъ. Какова бы ни была окружающая его среда, онъ не видитъ въ ней болѣе единственнаго Верховнаго суда, потому что имѣетъ возможность представить всякое дѣло

открыто на судъ безпристрастныхъ постороннихъ лицъ, не зараженныхъ удушливыми міазмами его начальственной канцеляріи. Многіе оправдываютъ удержаніе прежняго порядка преданія суду должностныхъ лицъ тѣмъ, что отдѣленіе властей судебной отъ административной требуетъ, чтобы первая не вмѣшивалась въ дѣла послѣдней; но эта же самая необходимость, продолжаетъ Унковскій, самаго строгаго раздѣленія властей—судебной и административной—требуетъ, чтобы административныя начальства не имѣли никакого вліянія на дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ своихъ подчиненныхъ, какъ на дѣла чисто судебныя, потому что судъ, разсматривая нарушеніе этими лицами законовъ, никакъ не вмѣшивается въ дѣла администраціи, но отправляетъ только свои судебныя функціи".

Высказывались нѣкоторыя критическія замѣчанія и по поводу прочихъ статей основныхъ положеній судебнаго преобразованія. Такъ, напримѣръ, Спасовичъ (въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ") былъ недоволенъ той ролью, которую предоставили прокуратурѣ.—Общество, по его мнѣнію, „не нуждается ни въ какихъ другихъ стражахъ закона, кромѣ судовъ, ни отъ кого не зависящихъ и стоящихъ подъ нравственнымъ контролемъ одного только общественнаго мнѣнія. За судами могутъ только надзирать судьи—высшіе надъ низшими". Раздавались голоса даже за полное отдѣленіе прокуратуры отъ судовъ, такъ напримѣръ, извѣстный публицистъ Головачевъ предлагалъ поставить прокуратуру въ тѣсную связь съ полиціей, являющейся обвинительницею въ мировыхъ учрежденіяхъ и подчинить ее министру внутреннихъ дѣлъ, слѣдователей же совершенно освободить отъ вліянія прокурорскаго надзора.

Нельзя не отмѣтить, что печать останавливалась преимущественно на судоустройствѣ и уголовномъ судопроизводствѣ, мало удѣляя вниманія гражданскому процессу, тогда какъ общество весьма интересовалось реформой порядка производства гражданскихъ дѣлъ, который касался всѣхъ и каждаго.

Разбирая основныя положенія, публицисты затрагивали всевозможные вопросы, разъясненіе которыхъ могло быть полезно для судебнаго преобразованія. Среди такихъ, какъ бы вспомогательныхъ, статей видное мѣсто надо отвести статистическому изслѣдованію Шуберскаго, помѣщенному въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Авторъ задался важнымъ при осуществленіи

судебной реформы и возбудившимъ много споровъ вопросомъ, достаточно ли будетъ лицъ, получившихъ высшее и преимущественно юридическое образованіе для приведенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія.

Подсчитавъ число лицъ за послѣднія 40 лѣтъ, окончившихъ курсъ по юридическому факультету въ университетахъ, лицеяхъ и Училищѣ правовѣдѣнія и вычтя извѣстный процентъ смертности, онъ заключаетъ, что число всѣхъ имѣвшихся тогда образованныхъ юристовъ простиралось до 6.441 чел., а если изъ этого числа вычесть $^1/_9$ часть лицъ неслужащихъ, то при замѣщеніи новыхъ судебныхъ должностей выборъ можно будетъ сдѣлать только изъ 5.738 человѣкъ. Затѣмъ авторъ опредѣляетъ число новыхъ судебныхъ должностей въ 44 губерніяхъ, управляемыхъ по общему положенію и предполагаетъ, что число палатъ будетъ 12, въ нихъ по 11 человѣкъ и не менѣе какъ съ 20 адвокатами (въ столицахъ —двойной комплектъ), что окружныхъ судовъ будетъ около 100, съ 6 человѣками въ каждомъ и съ 10 къ каждому изъ нихъ приписанными адвокатами; что касается до остальныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ то: Сената, Министерства Юстиціи и коммерческихъ судовъ, то для нихъ едва ли потребуется болѣе 500 человѣкъ. Основываясь на этихъ выводахъ и исчисленіяхъ, Шуберскій приходитъ къ тому заключенію, что количество юристовъ, необходимое для приведенія у насъ въ дѣйствіе судебной реформы не превыситъ $2^1/_2$ тысячъ, а такъ какъ число юристовъ въ Россіи въ 1862 г. должно быть около 5.300 человѣкъ, то опасеніе, что предположенной судебной реформѣ трудно будетъ осуществиться за недостаткомъ людей, оказывается неосновательнымъ.

Зарубежная русская печать мало принесла пользы дѣлу разбора и оцѣнки основныхъ положеній судебнаго преобразованія, отзывы ея отличаются больше радикальностью и страстностью, чѣмъ знаніемъ дѣла и справедливостью. Главнѣйшія критическія статьи принадлежатъ перу Огарева, указывавшаго, что основныя положенія создаютъ суды первой и второй инстанціи, которыхъ географическое распредѣленіе будетъ зависѣть не отъ заявленія мѣстныхъ потребностей, а отъ разграфленія, сдѣланнаго особой комиссіей въ Петербургѣ; суды, „гдѣ въ число присяжныхъ засѣдателей входятъ состоящіе на службѣ чиновники, а изъ крестьянъ только тѣ, которые были чиновниками, т. е.

состояли въ должностяхъ старшинъ, старостъ и пр., но выбыли изъ должностей (за невыборомъ), а, сверхъ того, губернаторъ исключаетъ изъ списка присяжныхъ кого хочетъ". Основныя положенія создаютъ суды, которыхъ всѣ судьи и члены суда отъ первой инстанціи до Кассаціонныхъ департаментовъ Сената включительно назначаются правительствомъ. Они создаютъ суды, которые всѣ состоятъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ судебно-фискальной администраціи прокурорства съ его главою, генералъ-прокуроромъ, т. е. министромъ юстиціи. Создавъ эту сѣть правительственно-сословнаго суда, составители „основныхъ положеній", по мнѣнію Огарева, остались въ наивномъ заблужденіи, или лицемѣрной увѣренности, что взяли за главное основаніе всего проекта отдѣленіе (независимость) судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной. „Но къ этому заблужденію, или къ этой увѣренности Россія не примкнетъ".

Давъ такой неблагопріятный отзывъ, Огаревъ въ частности о гражданскомъ процессѣ замѣчаетъ, что всѣ формы его переписаны изъ французскаго кодекса и въ заключеніе приходитъ къ выводу, что рѣшить задачу переустройства суда можетъ только земскій соборъ, „только собраніе людей, которымъ ея рѣшеніе будетъ предоставлено отъ всего народа, отъ всего земства безсословно".

Гораздо основательнѣе высказывались объ основныхъ положеніяхъ судебнаго преобразованія иностранныя газеты. О Россіи въ то время весьма мало знали въ Западной Европѣ и иностранная пресса интересовалась преимущественно двумя вопросами: во-первыхъ, нашими дипломатическими сношеніями и вообще дѣлами внѣшней политики и, во-вторыхъ, нашимъ финансовымъ положеніемъ; изъ внутренней жизни Россіи приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе лишь польскій вопросъ, но тѣмъ не менѣе нашлись печатные органы, корреспонденты которыхъ удѣлили значительное вниманіе ходу судебнаго преобразованія и въ особенности изданнымъ въ 1862 г. основнымъ его началамъ.

Наибольшее число статей по этимъ предметамъ можно встрѣтить въ газетѣ „L'Indépendance Belge", корреспондентъ которой, повидимому, былъ хорошо освѣдомленъ не только о ходѣ дѣлъ въ Петербургѣ, но и о многихъ слухахъ и закулисныхъ интригахъ и поэтому имѣлъ возможность сообщать точныя

и интересныя свѣдѣнія о настроеніяхъ и преобразовательныхъ работахъ. Такъ, оцѣнивая положеніе, онъ совершенно правильно писалъ въ октябрѣ 1862 г., что всѣ слухи объ остановкѣ реформъ и о реакціи неосновательны, что, несмотря на усилія „камарильи", прогрессивная система не будетъ оставлена и что настроеніе Императора остается по прежнему „великодушнымъ и либеральнымъ". Опубликованіе основныхъ положеній вызвало полное сочувствіе и одобреніе корреспондента [1]), который отлично понялъ все значеніе намѣченной судебной реформы. Сообщая,

---

[1]) L' Indépendance Belge. 19 octobre 1862, № 292.

Отдѣлъ—„Nouvelles de Russie". (Correspondance particulière de L'Indépendance) Saint-Petersbourg 2/14 octobre.

„Plus d'une fois je vous ai entretenu de la grande réforme judiciaire promise à la Russie, et dont les dispositions avaient été dernièrement discutées au conseil de l'empire. L'importance du sujet me forcé d'y revenir aujourd'hui, d'autant plus que j'ai à vous communiquer à cet égard une nouvelle positive.

Vous savez que la chose la plus déplorable en Russie était l'état où se trouvaient les tribunaux, la justice, la magistrature. Il y avait là un amas d'iniquité de toute espèce. Aucune garantie pour les intérêts des citoyens, un arbitraire asiatique, un dédale inextricable de formalités paperassières, qu'exploitaient trop bien les chancelleries. Ajouter que tout y était venal et à tous les degrès de l'échelle, sans parler des sommes énormes exigées pour le papier timbré, dont ont faisait une si terrible consommation. On pourrait se demander comment plus de 60 millions d'individus ont pu vivre pendant des siècles en ordre de société dans un pays où la justice n'existait que de nom et se vendait au plus offrant et dernier enchérisseur, ceci sans hyperbole. L'opinion depuis longtemps stigmatisait cet état de choses, que le pauvre suportait en gémissant tous bas, et que tous les honnêts gens déploraient tout haut.

Eh bien! la dernière heure de ces honteaux abus a sonné. Les bases du nouveau système judiciaire qui, par les raisons que je vous ai dernièrement expliquées, n'ont pu être promulguées à Novgorod le 8/20 septembre dernier, viennent d'être confirmées par l'Empereur. Les volontés de ce prince ont été pleinement satisfaites. Lorsque, dernièrement, il demanda au Conseil de l'Empire où en était cette affaire et qu'on lui eut répondu que les bases de la réorganisation étaient prêtes, mais que les détails demandaient encore quelque temps, le Czar ordonna que ces bases fussent immédiatement publiées, et déjà avant-hier la publication en était faite dans la Gasette du Sénat. L'acte se trouve à cette heure à la traduction, et vous pourrez le lire incessamment dans le Journal de Saint-Pétersbourg.

Ainsi, après deux années de travaux, de soins et d'attente cette grande réorganisation judiciaire est désormais chose accomplie, officiellement annoncée, irrévocable! On m'assure que le ministre de la justice préparait quelques nouvelles modifications qui en eussent amoindri les principes libéraux, et qu'à l'imprimerie du Sénat, on a passé la nuit pour hâter l'impression de l'acte afin qu'il parût tel qu'il avait été confirmé, avant toute démarche près de l'Empereur pour y retoucher.

La nouvelle de la publication de cet acte n'a pas tardé à se répandre. Le public l'a accueillie avec une émotion visible et tout pénétré de joie. J'ai rencontré hier vingt personnes qui m'en ont parlé avec bonheur, je n'avais rien vu de semblable lors de l'émancipation. Cet acte nouveau qui donne enfin la justice à ce vaste empire, est moins éclatant peut être que celui de l'émancipation des paysans, mais il n'est pas moins utile aux intérêts sociaux du pays.

что при дворѣ идутъ непрерывныя увеселенія, и что самъ Императоръ Александръ II все время въ отличномъ настроеніи духа, онъ замѣчаетъ, что никогда чувство удовлетворенія не было болѣе законно и что, конечно, Монархъ имѣетъ полное основаніе радоваться, давъ странѣ такія начала судебной организаціи.

Сообщая о замѣнѣ на посту министра юстиціи Панина Замятнинымъ, которая послѣдовала вскорѣ послѣ изданія основныхъ положеній, корреспондентъ „L'Indépendance Belge" правильно оцѣниваетъ эту перемѣну, отмѣчая роль тормаза, которую неоднократно игралъ гр. Панинъ во время работъ по судебному преобразованію, и всеобщую радость по поводу его увольненія [1]), а затѣмъ добавляетъ, что русскую публику не легко удовлетворить, и что многіе не довольны выборомъ Замятнина, но по мнѣнію

---

[1]) Il est juste de rappeler à cette heure qu'en dehors de ses doctrines rétrogrades, et au point de vue personnel, le comte Panine est parfaitement respectable. D'abord c'est un homme d'une probité rigide, ayant de l'esprit et une instruction étendue, avec des moeurs et des habitudes aux quelles on ne saurait reprocher qu'une hauteur parfois blessante. Cette hauteur qui, chez lui prend sa source dans un sentiment aristocratique exagéré, le rend en général peu simpathique, particulièrement à ses inférieurs. Appartenant à l'école de feu l'empereur Nicolas, il n'a jamais voulu faire, on vient de le voir, la moindre concession à l'esprit nouveau de la Russie. Dans le cercle spécial de ses hautes attributions, il était intraitable. Je vous l'ai montré au Conseil de l'empire le plus ardent, parmi ceux de son parti, à combattre les bases de la réforme judiciaire, défendant pied à pied le terrain des vieux errements, et ne voyant pas, lui cependant si intelligent, qu' un pays a besoin de justice avant tout, et que la justice était parfaitement illusoire en Russie, où elle n'existait que de nom. Sa résistance était surtout invincible à l'endroit de la publicité des débats... Il ne voyait dans la création d'un barreau, dans la parole libre des avocats, qu'une cause de révolution. Erreur étrange! Comme si c'était à la liberté de la parole qu'on doit attribuer les tentatives de troubles qui se sont manifestées plus d'une fois ici! On ne saurait le dire trop haut, que ceux qui ont charge d'âmes, en Russie, le sachent: ce n'est point la liberté de la parole, c'est sa compression qui enfante les malheurs qu'on redoute. La chose est connue: la pensée ne saurait se comprimer et se refouler toujours, et ce n'est pas lorsque le fleuve a rompu ses digues qu'il faut entreprendre de diriger le cours: alors il est trop tard.

J'ai entendu les hommes les plus honorables dire, en faisant allusion à l'esprit rétrograde de l'ex-ministre de la justice, publiquement et à haute voix—„Le comte Panine est le plus grand ennemi de la Russie!"—A leur point de vue, ils disaient juste, et l'opinion à ce sujet était unanime. Cependant par l'attitude qu'il avait prise an du Conseil d'Etat à l'occasion de la réforme judiciaire, M. de Panine avait rendu sa position presque impossible à tenir: je vous dis alors, contrairement à l'opinion de ses amis, qu'il ne tarderait pas à être dans la nécessité de se relever, et c'est ce qui est arrivé. Vous savez que M. Zamiatnine, qui était son adjoint, est resté, jusqu'à nouvel ordre, chargé de diriger le ministère de la justice.

On parle aujourd'hui, pour M. de Panine, de l'ambassade de Paris, à la place du baron de Budberg, destiné à ce poste. Ce bruit justifie, dans tous les cas, l'opinion favorable qu'on a du comte de Panine en dehors des questions de réformes sociales dans son pays.

корреспондента, Замятнинъ не будетъ препятствовать завершенію судебной реформы и задерживать поступательное движеніе [1]). Изъ французскихъ газетъ отозвались на изданіе основныхъ положеній „Constitutionel", „Patrie" и „France". Всѣ онѣ признаютъ за намѣченной реформой весьма большое значеніе, указывая на недостатокъ правосудія въ Россіи и отдавая должную справедливость правительству, которое выдвинуло на первый планъ такую важную реформу, какъ судебная; послѣдняя изъ названныхъ газетъ восклицаетъ: „судебная реформа въ Россіи составляетъ одно изъ прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣлъ, когда либо задуманныхъ Монархомъ". Въ такомъ же благожелательномъ духѣ высказывались нѣмецкія газеты „Allgemeine Zeitung", „National Zeitung" и „Neue Preussiche Kreutz Zeitung", въ особенности обратившія вниманіе на отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной. Изъ всѣхъ отзывовъ иностранной печати послѣ газеты „L'Indépendance Belge" наиболѣе содержательнымъ и интереснымъ представляется намъ отзывъ англійской газеты „Times". „Судебная реформа въ Россіи, говорилось въ этой газетѣ, до такой степени важна, что если бы въ томъ же царствованіи ей не предшествовала эмансипація 23 милліоновъ рабовъ, то она обратила бы на себя вниманіе всей Европы. Когда Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ, то три величайшія зла господствовали въ

---

[1]) Приводимъ выдержку изъ той же газеты съ отзывомъ о роли двухъ видныхъ государственныхъ дѣятелей того времени, Великаго Князя Константина Николаевича и кн. П. П. Гагарина.

„A propos de réformes, on a remarqué que depuis l'absence du grand-duc Constantin, des longueurs interminables accompagnaient au Conseil de l'Empire, l'examen de plus d'un projet de très utile amelioration qui lui avait été présenté par S. A. I. avant son départ pour Varsovie, et quelques-uns ont attribué ces lenteurs au prince Paul Gagarine, président du Conseil. Ils ont même accusé celui-ci d'avoir des idées retrogrades. C'est à tort. Le prince Gagarine a l'esprit aussi étendu que vif et éclairé, et il est en tout digne de remplir le poste éminent où il a eu l'honneur d'être appelé. C'est grâce à lui, vous l'avez vu dernièrement, que les bases de la réforme judiciaire ont échappé aux idées arriérées que quelques membres importants du Conseil voulaient faire prévaloir, telle que la prépondérance du Sénat, qui eût gardé ses attributions actuelles, etc.

Le prince Gagarine a l'intelligence des choses utiles, et son esprit est à la hauteur des circontances. Il possède d'ailleurs la pratique des affaires, pratique à laquelle il s'est rompu dans plus d'une fonction supérieure qu'il a toujours parfaitement remplie. C'est donc un homme respectable par ses principes comme par son caractère: il n'est point arrière; il marche avec l'Empereur, dont il sait comprendre et seconder la pensée. Mais il pense, et avec raison, ce me semble, que, lorsqu'il s'agit de réformes vitales dans un pays, on ne saurait user de trop de prudence.

Россіи — рабство, тѣлесное наказаніе и такая система администраціи, которая давала возможность по своему несовершенству, голоднымъ и получающимъ плохое содержаніе должностнымъ лицамъ кормиться на счетъ народа. Всѣмъ извѣстно, что рабству положенъ конецъ, но трудный вопросъ о будущихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками еще не разрѣшенъ. Что же касается тѣлесныхъ наказаній, то всѣ крестьяне, исправляющіе извѣстныя должности, какъ-то волостныхъ старшинъ, сельскихъ судей и пр., избавлены уже отъ нихъ, а теперь, говорятъ, Императоръ рѣшился уничтожить и для всѣхъ этотъ способъ исправленія. Теперь всѣ судьи будутъ несмѣняемы и совершенно независимы отъ администраціи; всѣ важныя уголовныя дѣла будутъ разбираться присяжными засѣдателями; судопроизводство будетъ публично, и пресса получитъ право обсуждать судебныя рѣшенія. Теперь положенъ конецъ той системѣ, которая давала возможность богатому отвѣтчику разорять бѣднаго противника, переносить дѣло изъ одной инстанціи въ другую, пока дѣло не дойдетъ до Сената, а оттуда до Государственнаго Совѣта, гдѣ въ законномъ порядкѣ голосъ министра юстиціи обыкновенно бываетъ всемогущъ. Не желая уменьшить заслуги Монарха, которому именно принадлежитъ честь введенія этой благодѣтельной перемѣны, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что едва ли изъ всего этого есть что-нибудь, на что дворянскія собранія въ прошлую зиму не обращали бы вниманія Государя. Тульская губернія ходатайствовала объ отдѣленіи судебной власти отъ административной, Московская просила установленія суда присяжныхъ, Петербургская разсуждала о преимуществѣ независимыхъ, несмѣняемыхъ и безмездныхъ судей, о замѣнѣ письменныхъ доказательствъ устными, о распространеніи на адвокатовъ и судей отвѣтственности предъ публикой за ихъ доказательства и рѣшенія, а также о разныхъ другихъ вопросахъ, которые не представляли въ то время много вѣроятія быть когда либо облеченными въ форму закона. То обстоятельство, что нынѣ обнародованная реформа еще прежде была предметомъ ходатайства цѣлыхъ обществъ или сословій, даетъ уже поводъ заключить, что она принесетъ болѣе дѣйствительной пользы, чѣмъ отъ нея можно было ожидать, такъ какъ классы народа, до которыхъ она главнѣйшимъ образомъ относится, доказали уже свою способность оцѣнить ее.

Чтобы покончить съ иностранными отзывами, упомянемъ о статьѣ Миттермайера, переводъ которой былъ помѣщенъ въ 1864 году въ Журналѣ Министерства Юстиціи и письмѣ профессора Вехтера къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Отдавая дань справедливаго уваженія Основнымъ Положеніямъ судебнаго преобразованія, Миттермайеръ предостерегалъ правительство и русское общество отъ разочарованій въ случаѣ, если новыя учрежденія не принесутъ немедленно всей той пользы, которой отъ нихъ ожидаютъ, такъ какъ намѣченная реформа быть можетъ и не сразу, но непремѣнно войдетъ въ жизнь Россіи и дастъ благотворные результаты; къ этому выводу его приводило пристальное изученіе исторіи судебнаго законодательства въ Италіи, Германіи и Швейцаріи.

Въ особенности сочувственный отзывъ даетъ Миттермайеръ объ уголовномъ судопроизводствѣ: „въ цѣломъ русскій проектъ, пишетъ онъ, представляетъ новый шагъ впередъ сравнительно съ другими европейскими законодательствами и по послѣдовательности проведенія обвинительнаго начала и устности стоитъ даже выше многихъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ".

Столь же сочувственный отзывъ далъ объ Основныхъ Положеніяхъ судебнаго преобразованія другой нѣмецкій ученый Вехтеръ въ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; онъ находилъ, что Основныя Положенія составляютъ эпоху даже въ наши „прогрессивныя времена" и что съ ними Россія вступаетъ на новое поприще, пролагая открыто, рѣшительно и безъ всякихъ колебаній путь къ коренной реформѣ, которая вызываетъ всеобщее сочувствіе. Особенное одобреніе Вехтера вызывало отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной, несмѣняемость судей, устность и гласность производства и отмѣна въ уголовномъ судѣ формальныхъ доказательствъ. Разбирая постановленія процессуальныя и указывая на ихъ простоту, Вехтеръ замѣчалъ: „многимъ германскимъ законодательствамъ не мѣшало бы поучиться въ этомъ отношеніи у Россіи" [1]).

---

[1]) Томъ XXI дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи, по описи Библіот. Госуд. Совѣта. Замѣчанія разныхъ лицъ, ч. II, № 12 (стр. 149—154).

III. Замѣчанія, представленныя на Основныя Положенія.

Какъ только была организована комиссія для окончательнаго составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ (см. ниже), то она немедленно признала полезнымъ для успѣшнаго выполненія возложеннаго на нее порученія имѣть практическія свѣдѣнія и замѣчанія разныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ судебною частью вообще и съ мѣстными условіями разныхъ губерній. Для полученія такихъ свѣдѣній комиссія обратилась въ Министерство Юстиціи съ просьбою предложить всѣмъ вообще чинамъ судебнаго вѣдомства, кто пожелаетъ, доставить прямо въ комиссію свои соображенія относительно развитія Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній преобразованія судебной части. Затѣмъ она обратилась ко всѣмъ профессорамъ юридическихъ наукъ съ просьбою о сообщеніи ихъ замѣчаній и соображеній по статьямъ Основныхъ Положеній, „касательно правильнѣйшаго и наиболѣе удобнаго, согласно требованіямъ науки и условіямъ нашей общественной жизни, развитія сихъ Положеній въ составляемыхъ комиссіею проектахъ уставовъ судопроизводствъ и судоустройства"; кромѣ того, пригласила черезъ періодическія изданія всѣхъ вообще лицъ, желающихъ оказать комиссіи въ порученномъ ей важномъ и трудномъ дѣлѣ свое содѣйствіе, доставить въ комиссію замѣчанія и предположенія о развитіи и примѣненіи Основныхъ Положеній преобразованія судебной у насъ части какъ вообще, такъ и по разнымъ отдѣльнымъ предметамъ.

Это стремленіе выслушать голосъ общества не осталось безъ благихъ послѣдствій. Въ короткое время было доставлено со всѣхъ концовъ Россіи 448 замѣчаній, изъ нихъ сообщено чинами судебнаго вѣдомства 321, разными другими лицами 127 [1]). Замѣчанія эти, по мѣрѣ поступленія ихъ, печатались отдѣльно и составили 6 большихъ томовъ. Изъ всѣхъ замѣчаній, такимъ образомъ полученныхъ, изготовленъ въ Государственной Кан-

[1]) Эти цифры мы заимствуемъ изъ доклада Буткова, въ печатномъ же экземплярѣ дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи замѣчаній менѣе; по описи экземпляра, находящагося въ Архивѣ Гос. Сов. ихъ значится всего 395, изъ коихъ безыменныхъ 11, касающихся самыхъ разнообразныхъ темъ.

целяріи и напечатанъ особою, 7-ю книгою общій сводъ, въ которомъ противъ каждой статьи Основныхъ Положеній были означены сдѣланныя на нее замѣчанія. Содержаніе присланныхъ замѣчаній отличается необычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ, вслѣдствіе чего даже самое бѣглое обозрѣніе ихъ заняло бы очень много мѣста. Изслѣдователи сравнительно мало занимались этими интересными документами, которые представляютъ собою богатѣйшій матеріалъ для изученія общества того времени. Изъ старыхъ писателей ими очень интересовался М. А. Филипповъ, а изъ новыхъ работъ наиболѣе интересный, содержательный и живой обзоръ ихъ даетъ І. В. Гессенъ въ книгѣ „Судебная реформа“ [1]).

При ознакомленіи съ этими замѣчаніями, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе горячій, почти восторженный тонъ многихъ изъ нихъ, свидѣтельствующій о чувствѣ удовлетворенія и даже нерѣдко восхищенія, которыя вызывали въ авторахъ замѣчаній Основныя Положенія судебнаго преобразованія. — „Не могу умолчать, пишетъ одинъ изъ низшихъ судебныхъ дѣятелей, что эти Положенія встрѣчены обществомъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ важности и благодѣтельности настоящей реформы въ судебной части. Во всѣхъ слояхъ давно чувствуется необходимость измѣнить отжившую форму судопроизводства, форму до того лишенную жизненнаго начала, что вѣру въ правосудіе, въ дѣйствіе и силу закона утратили даже вѣрные слуги Ѳемиды“. Другой тоже не крупный чиновникъ судебнаго вѣдомства отзывался въ такихъ выраженіяхъ: „наконецъ, великое дѣло преобразованій совершается. Мы радуемся, мы торжествуемъ. Мы только горячо желаемъ, чтобы преобразованія эти какъ можно скорѣе были введены въ дѣйствіе. Къ чему же крики малодушія возмущаютъ нашу радость? Зачѣмъ эти сомнѣнія, что мы еще не подготовлены, что общество наше стоитъ на такой низкой степени развитія? Право, жаль этихъ малодушныхъ крикуновъ, не вѣрящихъ ни въ здравый смыслъ народа, ни въ безошибочное чутье его истины, добра и правды, ни въ достаточное развитіе нашего общества. Мы готовы и готовы принять самыя рѣшительныя преобразованія“.

---

[1]) І. В. Гессенъ. Судебная реформа, стр. 77—106.

Высота подъема и горячность чувствъ большинства лицъ, представившихъ замѣчанія, вполнѣ соотвѣтствуютъ широтѣ содержанія и дѣловитости изложенія высказанныхъ ими сужденій. Ихъ занимали не только общіе принципіальные вопросы, но и выясненіе мѣстныхъ условій для наилучшаго примѣненія новыхъ судебныхъ учрежденій.—Очень нерѣдко одно и то же лицо, посвятивъ начало своего отзыва изложенію принципіальныхъ точекъ зрѣнія и общей характеристикѣ, переходило затѣмъ къ чисто спеціальному, весьма подробному и обстоятельному соображенію о практическихъ условіяхъ введенія въ данномъ районѣ новыхъ судовъ, причемъ такое соображеніе обыкновенно требовало собранія значительнаго фактическаго матеріала и усидчивой и длительной работы. Для того, чтобы высказанное нами положеніе освѣтить примѣромъ, возьмемъ соображенія одного изъ рядовыхъ судебныхъ дѣятелей, товарища предсѣдателя Архангельской палаты уголовнаго и гражданскаго суда Абрамовича. Представленныя имъ замѣчанія занимаютъ 48 рукописныхъ страницъ и трактуютъ о присяжныхъ повѣренныхъ, мировыхъ судьяхъ, окружныхъ судахъ, судебныхъ слѣдователяхъ, судебныхъ приставахъ, объ опекѣ, о развитіи способовъ преобразованія судебной части, о спеціальныхъ условіяхъ Архангельской губерніи, гдѣ дается свѣдѣніе о количествѣ дѣлъ, свѣдѣніе о числѣ жителей, вѣдомость о становыхъ квартирахъ и, наконецъ, чертежъ Архангельской губерніи. Чтобы показать, какъ широко захватывалъ этотъ средней руки чиновникъ судебнаго вѣдомства поставленные имъ вопросы, приведемъ значительную выдержку изъ соображеній его о присяжныхъ повѣренныхъ.

„Установленіе присяжныхъ повѣренныхъ у насъ не новое учрежденіе. Идея судебной защиты есть одна изъ коренныхъ идей народовъ славянскихъ. Названіе адвокатовъ—пособникъ, какъ видно изъ Псковской Судной Грамоты, существовало на Руси еще въ XIV вѣкѣ. Процессомъ обвинительнымъ, извѣстнымъ въ Русской Правдѣ подъ именемъ поклепной виры, рѣшались дѣла на Руси въ присутствіи мечника и дѣтскаго, отрока. Первый былъ обвинителемъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, охранялъ права цѣлой общины — міра; а въ лицѣ дѣтскаго міръ имѣлъ своего защитника. Они состояли при судѣ и получали особую дань, независимо отъ судебныхъ пошлинъ, слѣдовавшихъ въ доходъ судьямъ. У чеховъ съ давнихъ временъ видимъ адвокатовъ подъ

собственнымъ названіемъ ораторовъ. У литовцевъ еще въ 1726 году существовали узаконенія объ адвокатахъ, называемыхъ патронами. Но всѣ, подъ разными наименованіями, защитники, состояли у насъ при судахъ и подъ ихъ надзоромъ".

„Ежели нынѣ признается полезнымъ возвратиться къ существовавшимъ у насъ учрежденіямъ, то прежде введенія новаго въ оныя порядка, какой полагается въ установленіи совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, необходимо подумать: до какой степени полезно будетъ измѣнить таковой порядокъ.

На этой останавливаясь мысли, заглянемъ и въ уставы иностранныхъ державъ, въ коихъ существуютъ подобныя учрежденія.

Во Франціи и Англіи лица, защищающія дѣла въ судахъ, раздѣляются на два сословія: стряпчихъ и адвокатовъ. Первые подаютъ въ судъ бумаги, пріискиваютъ доказательства и вообще ведутъ дѣла, не имѣя права защищать ихъ словесно предъ судомъ. Адвокаты же исключительно занимаются представленіями словесной защиты дѣлъ въ судѣ. Тѣ и другіе состоятъ при судѣ и подъ ихъ надзоромъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ адвокаты также состоятъ подъ надзоромъ судовъ, и лишеніе ихъ занимаемаго ими званія зависитъ отъ суда того округа, въ которомъ они живутъ.

Но въ Ганноверѣ званіе стряпчаго и адвоката соединяется въ одномъ лицѣ, и тамъ они состоятъ подъ надзоромъ совѣта изъ нихъ самихъ учрежденнаго, отъ котораго и зависитъ удаленіе адвоката отъ его обязанности.

И у насъ предназначаемый, на началахъ ганноверскаго законодательства, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ по силѣ Основныхъ Положеній преобразованія судебной части (ч. I, ст. 80, п. 3 и 4) имѣетъ право присяжныхъ повѣренныхъ за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей, своею властію, подвергать: запрещенію отправлять обязанности ихъ въ продолженіе опредѣленнаго совѣтомъ времени до одного года и даже исключенію, въ случаѣ неблагонадежности, вовсе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Наказаніе это—не дисциплинарная мѣра. Оно есть не только ограниченіе, но и лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, которыя предоставлены лишь власти суда. Если право такого наказанія присвоить совѣту повѣренныхъ, то съ

одной стороны ослабится сила закона (ст. 1, ч. II Основ. Полож. преобр. судебн. части), по коему никто безъ суда не можетъ быть наказанъ; а съ другой—власть совѣта, въ случаѣ отмѣны судомъ его постановленія, будетъ только послѣдствіемъ взаимнаго пререканія семейства одного сословія.

И въ самомъ дѣлѣ: ежели судъ, отмѣняя постановленія совѣта, исключившаго повѣреннаго изъ списковъ своихъ, возвратитъ ему прежнія права его, тогда спрашивается: какое будетъ положеніе человѣка силою возвращеннаго въ то общество, которое исключило его изъ среды себя. И взаимно: можетъ ли затѣмъ общество имѣть къ нему какое либо уваженіе и довѣріе.

Юристу, кромѣ теоретическихъ познаній законовъ, необходима еще на сей случай и судебная практика. Да и всѣ ли ученые могутъ хорошо объяснять дѣла. Для суда не столь нужно краснорѣчіе — иногда затемняющее дѣло — сколько понятное объясненіе онаго. Суду обременительно даже и недосужно слушать длинныя, хотя и красивыя рѣчи". „Поэтому непремѣнное условіе, чтобы присяжные повѣренные имѣли аттестаты объ окончаніи курса наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не достигаетъ той цѣли, для которой они учреждаются.

Получившій образованіе, не только въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже имѣющій домашнее воспитаніе, съ хорошими способностями къ объясненію дѣлъ, если онъ притомъ приготовилъ себя судебною практикою и познаніями законовъ, можетъ быть отличнымъ повѣреннымъ.

Наконецъ, необходимо опредѣлить: слѣдуетъ ли присяжнымъ повѣреннымъ присвоивать права и преимущества государственной и общественной службы.

Докторъ можетъ состоять въ государственной службѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, заниматься частною практикою. Почему же повѣренный, занимаясь частными дѣлами, не можетъ пользоваться правами государственной службы. И докторъ, и повѣренный, равно полезны, для государства и общества. И тотъ, и другой излѣчиваютъ равносильныя болѣзни своихъ паціентовъ. Мы благодарны врачу, если онъ облегчитъ наше страданіе, спасетъ жизнь отъ опасности, но и повѣренный имѣетъ не меньшее право на благодарность, если спасетъ отъ гибели все наше имущество, возвратитъ намъ честь—жизнь духовную, лишеніе коей дороже намъ матеріальной жизни.

Въ справедливомъ вниманіи къ этой мысли и для необходимаго поощренія къ занятію столь важныхъ и общеполезныхъ обязанностей, какія лежатъ на повѣренныхъ, людьми достойными того званія, справедливо же будетъ присяжнымъ повѣреннымъ, бывшимъ нашимъ дѣтскимъ, отрокамъ, сопротиву стоявшимъ прежнимъ мечникамъ, а нынѣ прокурорамъ, предоставить права и преимущества государственной службы, и, по примѣру въ глубокой древности существовавшему на Руси, вмѣсто платимой, дѣтскимъ, міромъ особой дани, тѣмъ изъ нихъ, которые обязаны будутъ нести общественную обязанность защиты, установляемой правилами 75 ст., части I и 60 ст., части II Основн. Полож., назначить и штатное жалованье изъ суммъ общаго земскаго сбора“ [1]). А вотъ выдержка изъ его замѣчаній о мировомъ судѣ:

„Необходимы для судьи качества: честность, разумъ, образованіе и судебная практика, но имѣетъ ли онъ и какое состояніе, о томъ вопросъ не долженъ бы въ законодательствѣ возбуждаться. Условіе о необходимости имѣть и выборному судьѣ свою осѣдлость казалось бы не нужное, иначе избиратели будутъ стѣснены въ выборѣ человѣка, котораго считаютъ достойнымъ сего званія.

По шотландскому судоустройству, для права назначенія въ мировые судьи, не требуется: ни извѣстный санъ, ни какая бы то ни было собственность. И справедливо выборъ мировыхъ судей предоставить при соблюденіи другихъ условій, значащихся въ 14 ст. части I Основн. Положеній, самимъ избирателямъ, кои бы, не смотря на состояніе, могли избрать изъ среды своей мировымъ судьею того, кому бы болѣе довѣряли.

Если всѣхъ мировыхъ судей, какъ участковыхъ, такъ и почетныхъ, собрать единовременно и въ одно мѣсто, тогда на нѣкоторое время, а иногда и въ самое необходимое, какъ для тяжущихся, такъ и для возстановленія нарушеннаго неблагочиніемъ порядка, остановится ходъ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству мировыхъ судей, и ожидаемое отъ нихъ правосудіе не будетъ удовлетворено такъ быстро, какъ это требуется отъ власти сихъ судей. Притомъ, слѣдовало бы означить положительные сроки для мировыхъ съѣздовъ. Сроки эти нужно бъ назначить

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Соображенія тов. предс. Архангельск. палаты уг. и гр. суда Абрамовича, стр. 116—127.

въ свободнѣйшее отъ сельскихъ занятій время, не болѣе двухъ разовъ въ годъ и призывать на одинъ разъ половину состоящихъ въ округѣ мировыхъ судей, а на другой—другую ихъ половину, съ тѣмъ, чтобы остающіеся на своихъ мѣстахъ въ отсутствіи временно выбывшихъ исполняли сихъ послѣднихъ обязанности“ [1]).

Серьезное вниманіе и сочувствіе составителей замѣчаній возбуждалъ судъ присяжныхъ, большинство изъ нихъ желало дальнѣйшаго его расширенія и замѣны рѣшенія по большинству голосовъ—единогласіемъ; одинъ взятый наудачу примѣръ даетъ ясное представленіе о взглядахъ по этому вопросу.

„На какихъ блюстителей и охранителей права можетъ болѣе всего положиться какъ самое общество, такъ и обвиненный въ нарушеніи общественнаго права“. Такимъ вопросомъ задается гдовскій уѣздный судья Блокъ. „Очевидно на тѣхъ, которые избраны изъ среды сего же общества. Обвиненный, находясь въ кругу людей съ одинаковыми нуждами и потребностями, нерѣдко и съ одинаковыми взглядами, конечно долженъ вѣрить въ полную безпристрастную оцѣнку даннаго факта. Но если въ дѣлахъ гражданскихъ обвиненный находится въ опасности потерять нѣкоторыя права и преимущества, то при рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ, гдѣ обвиненный лишается не только всѣхъ правъ состоянія, но подвергается тѣлеснымъ наказаніямъ, а иногда и лишается самаго драгоцѣннѣйшаго дара –жизни, требуется еще большей осмотрительности со стороны блюстителей закона, гдѣ самое ничтожное обстоятельство можетъ измѣнить весь смыслъ и послѣдствіе всего дѣла. Судъ, такъ называемыхъ присяжныхъ, существующій уже во многихъ европейскихъ государствахъ, подъ различными названіями, даетъ возможность большей гарантіи справедливости, и возраженіе, что присяжные, избираемые временно, не обладаютъ очень часто юридическими свѣдѣніями и тонкостями судебной практики, не можетъ имѣть смысла.“

„Руководствуясь Основными Положеніями преобразованія по судебной части, я, по моему крайнему разумѣнію, считаю лучшимъ допустить судъ присяжныхъ и въ тѣхъ нѣкоторыхъ дѣлахъ,

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Соображенія тов. предс. Архангельск. палаты уг. и гр. суда Абрамовича, мировые суды, стр. 128 и 129.

которыя по положенію устава изъяты изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства и не подлежатъ, на основаніи того же положенія, суду присяжныхъ засѣдателей. Заподозрить судъ присяжныхъ въ какомъ либо рѣшеніи, значитъ отвергнуть весь авторитетъ ихъ и самаго учрежденія суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе факта при достаточныхъ показаніяхъ, нисколько не представляетъ большей трудности въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ уголовныхъ преступленіяхъ и проступкахъ; заподозрить ихъ въ пристрастіи политическомъ, я думаю, столько же возможно, сколько и самихъ членовъ уголовныхъ департаментовъ судебной палаты. Правда, что присяжные, какъ люди, подвержены большимъ или меньшимъ несовершенствамъ человѣческой природы, и что, слѣдовательно, полнаго абсолютнаго отреченія присяжныхъ засѣдателей отъ политическихъ оттѣнковъ допустить невозможно, но этимъ же самымъ нельзя ли опровергнуть абсолютную непогрѣшимость и самихъ судей, по пословицѣ: erare humanum est. Съ другой точки зрѣнія, отклоняя всякое непосредственное свое участіе въ обвиненіи лицъ въ упомянутыхъ параграфахъ, а предоставляя право участія присяжныхъ засѣдателей, правительство этимъ самымъ избавляетъ себя отъ нареканія въ пристрастіи обвиненія.

Часть II, параграфъ 64. Дѣла, изложенныя въ семъ параграфѣ, разсматриваются въ предлагаемомъ проектѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей; тутъ какъ будто бы кажется, что преступленія меньшей важности не требуютъ такой строгой оцѣнки, какая допускается при рѣшеніи дѣлъ большей важности, а потому подлежащихъ суду присяжныхъ засѣдателей. По моему разумѣнію, принципъ справедливости не долженъ подраздѣляться на категоріи большей или меньшей важности, тѣмъ болѣе въ дѣлѣ оцѣнки самаго факта и если, по неосмотрительности, обвиненный будетъ осужденъ несправедливо, то хотя по § 64 онъ и испытываетъ слабѣйшую мѣру наказанія, но тѣмъ не менѣе онъ лишается своего общественнаго значенія и, такимъ образомъ, испытываетъ двойную мѣру наказанія, то есть несправедливаго рѣшенія суда и неизбѣжнаго суда общественнаго.

Присяжные засѣдатели должны рѣшать вопросъ не большинствомъ голосовъ, а единогласно. Преимущество единогласнаго рѣшенія заключается именно въ полномъ разъясненіи самаго факта, при разногласіи же вопросъ очевидно не на

столько разъясненъ, чтобы придти къ единогласному рѣшенію. Мѣра несостоятельности рѣшенія большинствомъ голосовъ весьма ясно высказывалась и при теперешнихъ выборныхъ баллотировкахъ, гдѣ на 21 голосъ право оставалось за одиннадцатью, а другіе десять оставались вопіющими въ пустынѣ“ [1]).

Просматривая замѣчанія на основныя начала судебнаго преобразованія, проникаемся невольно чувствомъ удивленія къ разносторонней освѣдомленности ихъ авторовъ, большею частью совершенно безвѣстныхъ людей, разсѣянныхъ по захолустьямъ нашего обширнаго отечества,—повидимому они много читали и немало думали и работали, давно интересуясь судебной реформой, потому что въ данный имъ двухмѣсячный срокъ трудно было бы уяснить себѣ вопросы, которые ранѣе ихъ совершенно не занимали. Нѣкоторые изъ нихъ высказываютъ такія спеціальныя соображенія, которыя сдѣлали бы честь любому просвѣщенному и видному юристу [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Замѣчанія Николая Блока на проектъ Основн. Полож. преобразов. судебной части въ Россіи, стр. 147—151.

[2]) Приведемъ еще одинъ примѣръ: „для успѣшнаго, полнаго и систематическаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, прокуроры окружнаго суда и судебной палаты обязаны постоянно заниматься составленіемъ подробныхъ судебно-статистическихъ изслѣдованій о способахъ, условіяхъ и послѣдствіяхъ примѣненія въ дѣйствительности законовъ и наказовъ, относящихся до дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ (см. ст. 65).

Основанія, по которымъ я признаю необходимымъ развить этимъ статьи 51-ю и 52-ю, слѣдующія:

1) обязанности, которыя я полагаю между многими лицами, составляющими прокурорское учрежденіе, требуютъ для успѣшнаго ихъ исполненія совершенно различныхъ способностей и наклонностей. Обязанности, которыя я полагалъ бы возложить на прокурора, требуютъ ума систематическаго, способнаго при разсмотрѣніи каждаго частнаго вопроса оцѣнивать отношеніе его къ цѣлому ряду подобныхъ предметовъ и склоннаго къ занятіямъ уединеннымъ, требующимъ продолжительной сосредоточенности. Обязанности, которыя я полагаю возложить на товарищей прокурора требуютъ ума живого и быстраго, находчиваго при отрывочныхъ занятіяхъ, наклоннаго къ подвижности и внѣшней дѣятельности. Непосредственное наблюденіе и изученіе біографій людей занимавшихся убѣдили меня, что эти два отдѣльныхъ рода способностей и наклонностей несовмѣстимы въ одномъ и томъ же человѣкѣ;

2) въ доказательство необходимости образовать при каждомъ судебномъ мѣстѣ особое статистическое учрежденіе можно привести слѣдующія слова изъ записки сардинской комиссіи судебной статистики, читанной на международномъ статистическомъ конгрессѣ, въ Парижѣ въ сентябрѣ 1855 года.

„Извѣстно, что во всѣхъ странахъ введеніе новаго устава должно первоначально бороться съ предразсудками, привычками и неудовольствіями лицъ, заинтересованныхъ въ прежнемъ порядкѣ, съ незнаніемъ и рутиною, естественными врагами всякаго нововведенія. Подобное противодѣйствіе реформѣ преимущественно встрѣчаютъ новые уставы судопроизводства. Новый сардинскій уставъ судопроизводства первые мѣсяцы его введенія былъ предметомъ критикъ самаго противоположнаго содержанія, но сходныхъ

Весьма большой интересъ возбудилъ у составителей замѣчаній мировой институтъ, по поводу котораго высказано было много и притомъ очень разнообразныхъ соображеній. Чтобы дать представленіе объ этой сторонѣ замѣчаній на Основныя Положенія, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ видѣ самыхъ краткихъ тезисовъ: составители замѣчаній находили, что: 1) надо опредѣлить время и мѣсто избранія мировыхъ судей; 2) опредѣлить права избирательнаго голоса и составить предварительно, по уѣздамъ, списки имѣющихъ право избирать; разъяснить—распространяется ли это на духовенство и въ какой степени; 3) разъяснить—могутъ ли лица женскаго пола передавать свое выборное право, по недвижимой собственности, родственникамъ и уполномоченнымъ; 4) при выборѣ судей всѣ сословія должны имѣть, по возможности, одинаковое число избирателей; 5) предоставить выборъ мировыхъ судей дворянамъ, имѣющимъ значительное состояніе или таковые же чины; 6) мировыхъ судей назначать отъ правительства, участковыхъ—по выборамъ; 8) ограниченіе срока службы мирового судьи тремя годами неудобно; 9) оставить мировыхъ судей и болѣе трехъ лѣтъ, пока сами не будутъ просить увольненія или пока начальство не признаетъ нужнымъ избрать на ихъ мѣсто другихъ; 10) опытные и благонадежные мировые судьи, по прослуженіи

между собою въ томъ, что всѣ онѣ были выражены неопредѣленно, безъ подкрѣпленія положительными фактами. Несмотря на то, что этотъ уставъ составлялъ почти одинъ только переводъ французскаго судопроизводства, высшее правительство Сардиніи признало, что одинъ только опытъ можетъ указать достоинство или недостатки новыхъ судопроизводственныхъ формъ. Вслѣдствіе сего, закономъ 16 іюля 1854 года повелѣно что новый сардинскій уставъ, получившій законную силу съ 1 апрѣля 1853 года, долженъ былъ подвергнуться пересмотру законодательной власти съ 1858 года.

Составленіе экспериментальной статистики примѣненія новаго устава судопроизводства признано единственнымъ раціональнымъ средствомъ добыть основательные матеріалы для сужденія объ удобствахъ или неудобствахъ новаго устава. Эта статистика составляется слѣдующимъ образомъ: въ кассаціонномъ, апелляціонномъ и окружномъ судахъ заведены особые и однообразные регистры, въ которые ежедневно вносится слѣдующее: 1) указаніе статей устава, относительно которыхъ при производствѣ дѣлъ возникли сомнѣнія и вопросы; 2) какимъ образомъ полагали примѣнить эти статьи къ дѣлу участвующія въ дѣлѣ лица, прокурорское учрежденіе и члены суда; 3) соображенія, послужившія основаніемъ судебныхъ рѣшеній. Всѣ эти наблюденія собираются и распредѣляются систематически по статьямъ устава для представленія въ свое время законодательной власти, которая, на основаніи этихъ данныхъ, можетъ положительно судить, какія статьи устава подлежатъ измѣненію, дополненію или отмѣнѣ.

Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Соображенія губернскаго прокурора Ѳедора Вешнякова относительно Основныхъ Положеній преобразованія судебной части въ Россіи, судоустройство, стр. 153—156.

3-хъ лѣтъ, не только могутъ, но и должны быть, въ случаѣ ихъ согласія, оставлены и на слѣдующія трехлѣтія; 11) выбирать на гораздо большіе сроки, чѣмъ на три года; 12) разъяснить—могутъ ли тѣ же лица, по выслугѣ трехъ лѣтъ, быть избраны вновь въ мировые судьи; 13) выбирать мировыхъ судей на безсрочное время, привлекая ихъ къ отвѣтственности передъ судомъ; 14) дозволить выбирать въ мировые судьи, на безсрочное время, чиновниковъ, извѣстныхъ по своей честности и опытности.

Наибольшее неудовольствіе вызвало постановленіе 15 ст. учр. суд. мѣстъ, въ силу которой списокъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, повѣряется губернаторами. Въ критикѣ этой статьи сказалось давнишнее недовѣріе и нерасположеніе мѣстнаго общества къ „хозяину губерніи". Елабужскій (Вятской губерніи) уѣздный судья, Горбалевъ, находилъ, что повѣрка губернаторами списковъ мировыхъ судей: во 1-хъ, противорѣчитъ 1-й статьѣ Основныхъ Положеній; во 2-хъ, такъ какъ губернаторъ имѣетъ много занятій, то его повѣрка будетъ или безцѣльна или лицепріятна, а потому онъ предлагалъ—повѣрку списковъ предоставить особымъ комиссіямъ. Предсѣдатель Бессарабскаго коммерческаго суда, Гризовъ, также находилъ это противорѣчіе, а потому предлагалъ составленіе списковъ мировымъ судьямъ передать предводителямъ дворянства, городскимъ и волостнымъ головамъ, бургомистрамъ, а повѣрку этихъ списковъ предоставить особой комиссіи избирателей.

Сорокскій (Бессараб. обл.) прокуроръ, Голишевскій, на томъ же основаніи предлагалъ составленіе списковъ передать комиссіи, учрежденной отъ всѣхъ сословій, подъ наблюденіемъ члена окружного суда; повѣрка списка должна быть предоставлена имъ прокурору или предсѣдателю окружного суда.

„Для чего, пишетъ воронежскій уѣздный судья Мишинъ, списокъ кандидатовъ на должность мировыхъ судей повѣряется губернаторомъ; многіе ли извѣстны начальнику губерніи съ хорошей стороны. Однихъ онъ видѣлъ, бывши въ клубѣ или въ общественномъ собраніи, гдѣ нельзя точно опредѣлить внутреннихъ достоинствъ человѣка; объ остальныхъ слышалъ; но слухи часто бываютъ невѣрны, по причинамъ неисчислимымъ. Общество — лучшій цѣнитель сочленовъ своихъ; дайте ему полное довѣріе:

мнѣніе общества тогда только можетъ выражаться правильно и честно, когда не стѣснено вліяніями; такія вліянія постоянно вредили достоинству дворянскихъ выборовъ и большинство лицъ, обвиняющихъ это сословіе, не принимало труда вникнуть въ настоящую причину зла". „Въ 1-мъ параграфѣ Основного Положенія, разсуждаетъ черниговскій помѣщикъ Калиновскій, объяснено, что власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной. Этотъ выводъ полученъ прямо изъ практики, по неудобству столкновенія властей, что у насъ повторялось въ различныхъ видахъ. Придя къ такому заключенію, нельзя допустить, чтобы губернаторы могли по произволу кассировать списки мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей. Списки эти должны быть приготовлены судебными мѣстами, съ непосредственной отвѣтственностью за правильное ихъ составленіе; ибо ограниченіе правъ къ занятію должности, или къ участію въ общественной дѣятельности не можетъ иначе послѣдовать, какъ по суду. Разбирая съ должнымъ безпристрастіемъ силу и предѣлы отдѣльныхъ властей, направленныхъ къ общему благоустройству, и обращаясь къ власти судебной въ соотношеніи съ административной, естественно приходимъ къ тому заключенію, что первая, то есть власть судебная, должна стоять независимо, выше послѣдней. Наоборотъ, зависимость администраціи отъ суда настолько естественна, насколько всякое исполненіе зависитъ отъ приказаній. Судебная власть, на самомъ дѣлѣ, есть блюстительница и хранительница всего смысла законодательнаго, осуществляя и воплощая общую пользу и благо, по мѣрѣ опредѣленныхъ законами способовъ. Слѣдовательно, власти исполнительная и распорядительная, по естественному ходу вещей, споспѣшествуя совершенію суда и содѣйствуя къ достиженію благоустройства, какъ простое орудіе, составляютъ зависимыя отъ суда учрежденія. У насъ доселѣ, наперекоръ справедливому соображенію, не было основательнаго разграниченія и потому часто администраторы стояли выше суда, личнымъ произволомъ и вліятельно дѣйствовали на судебныя мѣста".

Всѣ приведенныя извлеченія изъ замѣчаній на Основныя Положенія судебнаго преобразованія свидѣтельствуютъ о несомнѣнной ихъ цѣнности, какъ голоса мѣстныхъ людей, много думавшихъ надъ вопросомъ о водвореніи правосудія въ родной землѣ, почему естественно задаться вопросомъ, имѣли ли они

вліяніе при составленіи окончательныхъ проектовъ Уставовъ. На этотъ вопросъ, кажется, слѣдуетъ отвѣтить положительно. Бутковъ и его сотрудники чутко прислушивались къ голосу общественнаго мнѣнія и, лишенные мелкаго авторскаго самолюбія, охотно принимали во вниманіе высказанныя замѣчанія и соображенія. Конечно, они не могли воплотить въ жизнь всѣ тѣ полезныя указанія, которыя шли къ нимъ съ разныхъ сторонъ, такъ какъ имъ приходилось близко придерживаться Основныхъ Положеній, чтобы не затянуть дѣло составленія Судебныхъ Уставовъ, ибо сколько нибудь значительныя измѣненія могли вызвать, и навѣрно вызвали бы, недовольство нѣкоторыхъ вліятельныхъ круговъ и серьезныя тренія, но въ предѣлахъ возможнаго они воспользовались замѣчаніями. Такъ принято было указаніе, чтобы прекращеніе дознаній, заключающихъ въ себѣ происшествія, по коимъ нѣтъ въ виду преступленія или нѣтъ лица, которое можно было бы привлечь къ отвѣтственности, производилось прокуратурой безъ участія судебной власти; точно также и указаніе на отнесеніе къ вѣдомству мирового судьи дѣлъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія только тогда, когда жалоба будетъ подана въ опредѣленный закономъ короткій срокъ. Многочисленныя замѣчанія о необходимости допущенія къ избранію въ мировые судьи и лицъ, не владѣющихъ недвижимостью, приняты съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ такомъ случаѣ избраніе должно послѣдовать единогласно; приняты были еще указанія о пріостановленіи исполненія заочныхъ рѣшеній, на которыя поданъ отзывъ и пр.

Нельзя не замѣтить, что цѣлый рядъ пожеланій авторовъ „замѣчаній“ былъ осуществленъ впослѣдствіи.

IV. Составленіе проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Утверждая Основныя Положенія судебной реформы, Государь повелѣлъ: составленіе окончательныхъ проектовъ Уставовъ поручить Государственной Канцеляріи, образовавъ въ составѣ ея для этой цѣли особую комиссію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ государственнаго секретаря; въ эту комиссію членами назначить не только чиновниковъ Государственной Канцеляріи, но и другихъ лицъ, преимущественно юри-

стовъ, отъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и отъ Министерства Юстиціи; предоставить государственному секретарю каждую, оконченную комиссіею работу сообщать на предварительное разсмотрѣніе главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и министра юстиціи, а также, по частямъ, и тѣмъ изъ другихъ министровъ и главноуправляющихъ, до коихъ дѣло будетъ касаться; по полученіи же ихъ отзывовъ вносить работу вмѣстѣ съ окончательными соображеніями комиссіи, въ Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, всю вдругъ, или частями, какъ это, по ближайшему соображенію предсѣдателя сихъ Департаментовъ и соглашенію его съ государственнымъ секретаремъ, окажется возможнымъ и удобнымъ. Комиссіи, при всѣхъ вообще порученныхъ ей работахъ, въ точности руководствоваться Основными Положеніями преобразованія судебной части, принимая въ соображеніе и тѣ сужденія Государственнаго Совѣта, на основаніи которыхъ эти Положенія постановлены.

Такъ какъ для точнаго и успѣшнаго окончанія порученнаго комиссіи дѣла, ей необходимо имѣть въ виду свѣдѣнія о составѣ, кругѣ дѣйствій и дѣлопроизводствѣ различныхъ судебныхъ мѣстъ, то было предоставлено государственному секретарю войти въ соглашеніе съ министромъ юстиціи о доставленіи въ комиссію всѣхъ необходимыхъ для нее свѣдѣній и данныхъ, которыя Министерствомъ могутъ быть собраны.

Вслѣдствіе этого государственный секретарь приступилъ немедленно же къ организаціи комиссіи [1]), причемъ призналъ необходимымъ привлечь къ участію въ ея работахъ, не только тѣхъ чиновъ Государственной Канцеляріи и юристовъ, которые принимали участіе въ предварительныхъ работахъ по составленію Основныхъ Положеній, но и другихъ лицъ, теоретически и практически знакомыхъ съ юриспруденціей и вообще своею опытностью имѣющихъ возможность принести дѣйствительную

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что Бутковъ еще за два дня до утвержденія Основныхъ Положеній, а именно 27 сентября 1862 г. писалъ министру юстиціи гр. Панину, что Государь утвердилъ предположеніе Госуд. Совѣта объ учрежденіи комиссіи для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ и просилъ назначить отъ М. Ю. чиновника, изъ тѣхъ, кому болѣе или менѣе подробно извѣстны дѣла Мин-ства; на другой день, 28 сент. отъ Мин. Юст. былъ назначенъ бар. Врангель. Отсюда видно, какъ торопились съ дѣломъ судебн. преобразованія (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5992).

пользу комиссіи. Успѣхъ этого важнаго и обширнаго дѣла, писалъ въ одномъ изъ докладовъ Бутковъ, „зависѣлъ конечно болѣе всего отъ лицъ, въ составъ комиссіи призванныхъ, и потому государственный секретарь счелъ самою главною и важною обязанностью своею привлечь къ этому дѣлу такія лица, участіе коихъ въ предстоящей комиссіи работѣ могло быть порукою того, что работа комиссіи будетъ вполнѣ удовлетворять общему желанію и общему ожиданію“ [1]).

Вновь созданная комиссія раздѣлилась, для успѣшнѣйшаго производства всѣхъ предварительныхъ работъ, на три особыя отдѣленія: отдѣленіе судоустройства, которое было составлено подъ предсѣдательствомъ Плавскаго, изъ барона Врангеля, Да-

---

[1]) „На этомъ основаніи въ составъ комиссіи были назначены слѣдующія лица, принадлежащія или принадлежавшія къ составу Государственной Канцеляріи—состоящій при сей канцеляріи т. с. Плавскій; ему, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, было поручено предсѣдательствовать въ комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда государственный секретарь не можетъ быть въ засѣданіяхъ оной; исправляющіе должность статсъ-секретарей Департаментовъ Государственнаго Совѣта: Законовъ—д. с. с. Зарудный и Гражданскихъ Дѣлъ—д. с. с. Зубовъ; помощники статсъ-секретарей Государственнаго Совѣта: ст. сов. Шубинъ и Есиповичъ и кол. сов. князь Волконскій и Любимовъ; экспедиторъ Государственной Канцеляріи над. сов. Вилинбаховъ, на коего было возложено управленіе дѣлопроизводствомъ комиссіи; секретарь при предсѣдателѣ Департамента Законовъ—надв. сов. Желтухинъ и причисленный къ Канцеляріи магистръ правъ Утинъ.

Правительствующаго Сената—д. с. с: оберъ-прокуроръ Общаго Собранія московскихъ департаментовъ Буцковскій, оберъ-секретарь сего же Общаго Собранія (нынѣ оберъ-прокуроръ VIII-го департамента) Побѣдоносцевъ; бывшіе оберъ-секретари Сената: д. с. с. Квистъ (впослѣдствіи производитель дѣлъ Комиссіи прошеній) и ст. сов. Крейтеръ (нынѣ начальникъ отдѣленія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ), и бывшій секретарь Сената надв. сов. Рѣпинскій (нынѣ начальникъ отдѣленія въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ).

II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—состоящіе при Отдѣленіи т. с. Бреверн и д. с. с. Бычковъ; старшій чиновникъ Отдѣленія д. с. с. Даневскій и помощникъ старшаго чиновника кол. сов. Перетцъ.

Министерства Юстиціи—въ должности директора департамента сего Министерства д. с. с. баронъ Врангель; членъ консультаціи д. с. с. Калачовъ и бывшій помощникъ юрисконсульта Министерства Юстиціи надв. сов. Книримъ.

Министерства Внутреннихъ Дѣлъ — вице-директоръ медицинскаго департамента ст. сов. Розовъ (для участія въ сужденіяхъ по вопросамъ, касающимся судебной медицины) и состоящій при Министерствѣ М. Зарудный (бывшій членъ отъ правительства въ мировыхъ съѣздахъ Екатеринославской губерніи).

Губернскихъ судебныхъ учрежденій—предсѣдатели судебныхъ палатъ: С.-Петербургской уголовной (нынѣ оберъ-прокуроръ 2-го отдѣленія V-го департамента Правительствующаго Сената) д. с. с. Ковалевскій и Курской гражданской — ст. сов. Шечковъ; товарищи предсѣдателей гражданскихъ палатъ: ст. сов., Черниговской — Баршевскій и Екатеринославской — Гуринъ и губернскіе прокуроры: московскій — ст. сов. Ровинскій, могилевскій—надв. сов. Поповъ и симбирскій—надв. сов. Принтцъ. Первоначальный составъ комиссіи былъ значительно меньше; въ составъ ея входили: Плавскій, Буцковскій, Стояновскій, Зарудный, Побѣдоносцевъ, Ровинскій, Шубинъ, Есиповичъ, Любимовъ, Вилинбаховъ, Желтухинъ.

невскаго, Есиповича, Желтухина, Крейтера, Принтца и Ровинскаго; отдѣленіе уголовнаго судопроизводства, подъ предсѣдательствомъ Буцковскаго, было составлено изъ Бреверна, Есиповича, М. Заруднаго, Зубова, Ковалевскаго, Любимова, Перетца, Попова, Принтца, Розова и Утина; наконецъ отдѣленіе гражданскаго судопроизводства, которое было составлено подъ предсѣдательствомъ Заруднаго, изъ Баршевскаго, Бычкова, Вилинбахова, князя Волконскаго, Гурина, Калачева, Квиста, Книрима, Побѣдоносцева, Рѣпинскаго, Шечкова и Шубина.

Соединеніе всѣхъ трехъ отдѣленій составляло общее собраніе комиссіи, бывшее подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря. Въ занятіяхъ этого общаго собранія, а также въ занятіяхъ нѣкоторыхъ отдѣленій, принимали участіе сенаторы Любощинскій и Матюнинъ.

Кромѣ этого, для большаго успѣха въ исполненіи порученнаго комиссіи дѣла, какъ въ отдѣленія, такъ и въ общее собраніе ея приглашались разныя лица, своею опытностью и своими познаніями могущія принести пользу разсматриваемымъ работамъ. Такъ, въ комиссію приглашались и въ занятіяхъ ея участвовали, смотря по роду разсматриваемыхъ комиссіею дѣлъ: „всѣ статсъ-секретари Государственнаго Совѣта, многіе изъ оберъ-прокуроровъ и оберъ-секретарей Правительствующаго Сената, генералъ-аудиторы Военнаго и Морского Министерствъ, нѣкоторые мировые посредники и чины земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, многіе члены состоящей при Министерствѣ Финансовъ податной комиссіи, предсѣдатели и товарищи предсѣдателей судебныхъ палатъ и С.-Петербургскаго коммерческаго суда, нѣкоторые профессора правъ, присяжные стряпчіе коммерческихъ судовъ, судебные слѣдователи, чиновники исполнительныхъ полицій и многія другія лица, кои участіемъ въ порученномъ комиссіи дѣлѣ могли принести дѣйствительную пользу оному“. Привлеченіе разныхъ лицъ къ дѣлу судебнаго преобразованія производилось съ большою осмотрительностью, умѣньемъ и тактомъ, — это большая заслуга Буткова, который владѣлъ даромъ выбирать людей и направлять даже самыя сложныя дѣла [1]).

[1]) Повидимому, забота о выборѣ подлежащаго, вполнѣ достойнаго представителя не была чужда и Министерству Юстиціи, которое еще управлялось Панинымъ при помощи его вѣрнаго сотрудника Топильскаго. Предлагая назначить бар. Врангеля, Топильскій

Находя необходимымъ имѣть въ распоряженіи комиссіи нѣкоторыя фактическія данныя, государственный секретарь испросилъ Высочайшее разрѣшеніе командировать членовъ комиссіи Ковалевскаго и Ровинскаго для собранія по губерніямъ, которыя должны были войти въ составъ округовъ будущихъ судебныхъ палатъ, С.-Петербургской и Московской, самыхъ подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности разныхъ судебныхъ учрежденій; кромѣ того имъ поручено было выяснить число тѣхъ дѣлъ полицейскихъ установленій, которыя по Основнымъ Положеніямъ преобразованія судебной части должны будутъ перейти изъ вѣдомства полиціи въ вѣдомство суда и вообще о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, кои необходимы для введенія въ двухъ означенныхъ округахъ новыхъ уставовъ, когда они будутъ утверждены. По С.-Петербургскому округу собраніе этихъ свѣдѣній и составленіе основанныхъ на нихъ соображеній поручено Ковалевскому, а по Московскому—Ровинскому.

Порядокъ работъ, принятый въ комиссіи, былъ слѣдующій: всѣ вообще работы каждаго отдѣленія, по составленіи имъ общаго конспекта каждаго устава, были раздѣлены между редакторами, по взаимному между ними соглашенію. Каждый редакторъ порученную ему работу соображалъ съ дѣйствующими законами и съ замѣчаніями, поступившими въ комиссію, а также съ законодательствами иностранныхъ государствъ. По соображеніи такимъ образомъ предстоящей работы, редакторъ приступалъ уже къ составленію проектовъ тѣхъ статей, которыя касались порученнаго его развитію предмета. Редакторы каждаго отдѣленія имѣли постоянныя совѣщанія между собою, а когда одна часть какой либо работы была приводима ими къ окончанію, то она печаталась, разсылалась ко всѣмъ членамъ отдѣленія и обсуждалась въ полномъ его составѣ. Къ этому обсужденію отдѣленіе приглашало членовъ другихъ отдѣленій и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, свѣдѣнія и опытность которыхъ могли разъяснить встрѣчаемыя отдѣленіемъ недоразумѣнія. По тщательномъ, такимъ образомъ, разсмотрѣніи и исправленіи проектовъ, составлялись цѣлыя главы, раздѣлы и книги устава по конспекту, принятому отдѣленіемъ сначала. По мѣрѣ изго-

писалъ въ докладѣ, что Врангель занимался проектами и служебнымъ положеніемъ своимъ соотвѣтствуетъ указаніямъ Буткова, отношенія его къ Зарудному, Стояновскому и другимъ дѣятелямъ весьма хороши (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5992).

товленія отдѣльныхъ частей каждаго устава, приготовленныя такимъ образомъ части, по отпечатаніи, разсылались ко всѣмъ членамъ комиссіи и послѣ того какъ тѣ достаточно съ ними ознакомились, такія части подробно разсматривались и обсуждались въ общемъ собраніи комиссіи. Общія собранія составлялись подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря изъ членовъ всѣхъ отдѣленій и изъ другихъ лицъ, призванныхъ къ участію въ этомъ дѣлѣ. Въ общее собраніе приглашались также и тѣ эксперты, которые участвовали въ обсужденіи предварительныхъ работъ въ отдѣленіяхъ. По составленіи, разсмотрѣніи и обсужденіи комиссіею въ этомъ порядкѣ окончательно обрабатывалась каждая часть устава и приводилась въ соглашеніе, какъ съ прочими частями того же устава, такъ и съ другими, составленными комиссіею уставами и учрежденіемъ. Собранія редакторовъ отдѣленій происходили ежедневно, а иногда и по два раза въ день. Отдѣленія, въ полномъ ихъ составѣ, имѣли слѣдующее число засѣданій: отдѣленіе судоустройства 47, отдѣленіе уголовнаго судопроизводства 89 и отдѣленіе гражданскаго судопроизводства 91. Общихъ собраній комиссіи было 43.

Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта о порученіи особой комиссіи при Государственной Канцеляріи составить проекты законоположеній о преобразованіи судебной части, на началахъ Государемъ одобренныхъ, между прочимъ, было сказано, что каждую конченную комиссіею работу государственный секретарь долженъ сообщать на предварительное разсмотрѣніе главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и министра юстиціи и по полученіи ихъ отзывовъ вносить работу, вмѣстѣ съ окончательными соображеніями комиссіи, въ Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта. Впослѣдствіи, Государь, по докладу государственнаго секретаря, принявъ во вниманіе, что этотъ порядокъ можетъ замедлить работу комиссіи, повелѣлъ: по окончаніи и отпечатаніи уставовъ вносить ихъ прямо въ Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, откуда и сообщать всѣмъ членамъ Департаментовъ, въ томъ числѣ главноуправляющему II Отдѣленіемъ и управляющему Министерствомъ Юстиціи, съ тѣмъ, чтобы они замѣчанія свои по этимъ работамъ изложили въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ общеустановленнымъ порядкомъ.

Бутковъ, повидимому, опасался препятствій во время работы со стороны министра юстиціи гр. Панина, и поэтому испросилъ Высочайшее повелѣніе о томъ, что Министерство Юстиціи обязано доставлять всѣ необходимыя комиссіи свѣдѣнія „безъ всякаго замедленія и не позже какъ въ семидневный срокъ съ тѣмъ, что если въ этотъ срокъ требуемыя комиссіей дѣла и свѣдѣнія не будутъ доставлены, то государственный секретарь долженъ доводить о томъ до свѣдѣнія Государя Императора“ [1]).

Годъ съ небольшимъ длилась подъ умѣлымъ руководствомъ Буткова энергическая работа комиссіи и 24 декабря 1863 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о внесеніи составленныхъ ею: 1) учр. суд. мѣстъ, 2) уст. уг. суд. и 3) уст. гр. суд. съ объяснительными записками на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ Гражданскаго и Законовъ Государственнаго Совѣта, причемъ Государь выразилъ желаніе, чтобы разсмотрѣніе всѣхъ вообще проектовъ, касающихся преобразованія въ Госуд. Совѣтѣ кончить непремѣнно до наступленія вакантнаго въ 1864 г. времени.

Въ запискѣ, составленной ко дню внесенія проектовъ комиссіи въ Государственный Совѣтъ, Бутковъ указывалъ, что комиссія, руководствуясь Основными Положеніями, при развитіи ихъ, принимала въ соображеніе и законы, нынѣ у насъ дѣйствующіе, и начала, выработанныя какъ наукою, такъ и опытомъ другихъ государствъ, гдѣ давно уже существуетъ вводимая нынѣ у насъ система судопроизводства, а также замѣчанія людей свѣдущихъ и опытныхъ, и наконецъ, свѣдѣнія, собранныя по разнымъ мѣстностямъ Имперіи. Тѣмъ не менѣе, трудъ комиссіи былъ, по словамъ Буткова, „не взирая на всѣ ея старанія и усилія, далекъ отъ совершенства. Преобразованіе судебной части на началахъ, Основными Положеніями указанныхъ, есть дѣло совершенно новое,—а наша судебная практика, сложившаяся при нынѣшнемъ порядкѣ, не представляетъ достаточныхъ данныхъ для разрѣшенія многихъ, возникавшихъ при этой работѣ вопросовъ. Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла, и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ уставовъ судопроизводствъ и учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта,

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5992, л.л. 13—15, отношеніе государственнаго секретаря Буткова.

исправленіи со временемъ сихъ уставовъ и учрежденія, будутъ тщательно охраняемы начала, преподанныя Основными Положеніями, и если при томъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, какъ это указано Его Императорскимъ Величествомъ въ первой статьѣ Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Въ настоящее время комиссія убѣждена вполнѣ только въ одномъ, что преобразованіе судебной части на основаніяхъ, указанныхъ Его Величествомъ и развитыхъ комиссіею въ составленныхъ ею проектахъ, не терпитъ отлагательства и что посему оно, сколь возможно скорѣе, должно быть введено повсемѣстно“ [1]).

Въ то время, какъ вырабатывались окончательные проекты учр. судебн. мѣстъ и уст. уг. и гр. суд. правительство было озабочено приведеніемъ матеріальнаго уголовнаго законодательства въ соотвѣтствіе съ намѣченнымъ судебнымъ строемъ и новыми процессуальными правилами, причемъ для всѣхъ, вникавшихъ въ существо дѣла лицъ, являлось очевидной необходимость составить особый кодексъ маловажныхъ проступковъ, подсудныхъ мировой юстиціи.

Мысль о созданіи такого кодекса не представляла ничего новаго, такъ какъ во многихъ законодательствахъ дѣянія, воспрещенныя подъ страхомъ наказанія, раздѣлялись на двѣ группы—преступленія и полицейскія нарушенія—и относились къ двумъ разнымъ кодексамъ. Это раздѣленіе, не имѣя обыкновенно никакого принципіальнаго обоснованія, заключало въ себѣ однако значительное практическое удобство для низшихъ судебныхъ или административныхъ органовъ, которымъ поручалось разсматривать маловажные проступки. Въ Россіи вопросъ о созданіи кодекса маловажныхъ проступковъ былъ впервые возбужденъ М. М. Сперанскимъ, который составилъ и внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ судебно-полицейскаго устава, но проектъ этотъ остался безъ движенія.

При составленіи Уложенія о Наказ. 1845 г., вопросъ объ отдѣленіи маловажныхъ проступковъ, предоставленныхъ непосредствен-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. О преобр. суд. ч. въ Россіи. 1864 г., ч. I. №№ 44, 47, 48, л.л. 1, 26 и 27.

ной полицейской расправѣ, отъ преступленій, подлежащихъ вѣдомству уголовнаго суда, былъ предметомъ особыхъ подробныхъ соображеній. Составители этого Уложенія сознавали практическую важность и пользу такого раздѣленія и сперва имѣли въ виду созданіе двухъ различныхъ кодексовъ, но впослѣдствіи изъ-за цѣлаго ряда затрудненій были вынуждены отказаться отъ первоначальной мысли.

Вопросъ этотъ былъ вновь выдвинутъ требованіями жизни, уже въ царствованіи Императора Александра II, а именно въ 1859 году.

Особая комиссія изъ членовъ Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ, обратила вниманіе на слабую дѣятельность полиціи къ открытію преступниковъ, а также и на то, что у насъ огромное количество уголовныхъ дѣлъ, изъ коихъ, можетъ быть, значительная часть не заключаетъ въ себѣ особенной важности, разсматривается въ судебныхъ инстанціяхъ, подчиняясь всѣмъ обрядамъ и формамъ судопроизводства, соблюденіе которыхъ, требуя весьма продолжительнаго времени, бываетъ причиною и долговременнаго содержанія подъ стражею. Вслѣдствіе этого, въ тюрьмахъ скопляется много такихъ арестантовъ, которые и по окончательномъ ихъ осужденіи, приговариваются лишь къ легкому исправительному наказанію и для которыхъ, слѣдовательно, содержаніе подъ стражей во время слѣдствія и суда несравненно тягостнѣе того взысканія, коему они подвергаются по судебному приговору. Между тѣмъ, эти арестанты, во время содержанія въ тюрьмахъ, теряютъ остатокъ нравственности и обременяютъ казну безполезнымъ содержаніемъ своимъ. Для устраненія такого неудобства, противнаго строгой справедливости, комиссія признавала необходимымъ пересмотрѣть наши постановленія о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ судебно-полицейскимъ или сокращеннымъ порядкомъ, въ видахъ расширенія, по возможности, пространства дѣйствій и степени власти такого суда и уменьшенія числа содержащихся въ тюрьмахъ. Потребность новаго пересмотра оказывается, по мнѣнію комиссіи, тѣмъ болѣе ощутительною, что законы наши, опредѣляющіе сущность и правила означеннаго порядка судопроизводства, заключаютъ въ себѣ такъ много изъятій, что въ настоящее время, вѣро-

ятно, незначительная только часть дѣлъ по проступкамъ оканчивается производствомъ въ полиціи.

Журналъ этой комиссіи былъ слушанъ въ апрѣлѣ 1859 г. въ Совѣтѣ Министровъ и, по приказанію Государя, указанныя разсужденія переданы главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графу Блудову.

Войдя въ разсмотрѣніе этихъ разсужденій и предположеній комиссіи и сопоставляя ихъ съ Высочайше утвержденными уже началами для устройства уѣздной полиціи, въ которыхъ постановлено при опредѣленіи предметовъ вѣдомства и обязанностей полицейскаго управленія имѣть постоянно въ виду—чтобы власть судебная по возможности была отдѣлена отъ власти исполнительной, ограничивъ эту послѣднюю исключительно полицейскими обязанностями — графъ Блудовъ приходилъ къ выводу о необходимости создать для болѣе мелкихъ дѣлъ мировыхъ судей, а въ руководство имъ особый кодексъ [1]).

Отправляясь въ своихъ работахъ по этому предмету отъ Уложенія 1845 года II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи составило прежде всего выписку всѣхъ статей Уложенія и постановленій, относящихся къ такимъ нарушеніямъ закона, которыя по самому существу нарушенныхъ ими правилъ и „незначительности опредѣленныхъ за сіе взысканій должны быть отнесены къ разряду проступковъ собственно полицейскихъ, требующихъ скораго, мѣстнаго разсмотрѣнія“. На это извлеченіе Блудовъ смотрѣлъ, какъ на опытъ судебно-полицейскаго устава, какъ на проектъ, который долженъ подлежать тщательному, во всѣхъ подробностяхъ, разсмотрѣнію и соглашенію съ прочими статьями Уложенія. Впослѣдствіи состоялось Высочайшее повелѣніе II Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи составить проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ; при исполненіи этого порученія прежде всего представился вопросъ, должно ли уставъ о взысканіяхъ раздѣлить, подобно Уложенію, на общую и особенную части. Съ перваго взгляда, говорится въ объяснительной запискѣ къ уставу, могло бы показаться, что для дѣлъ о про-

[1]) Объяснительная записка къ проекту правилъ о порядкѣ производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству мировыхъ судей.

ступкахъ, входящихъ въ этотъ проектъ, какъ по свойству ихъ, такъ и по опредѣленнымъ за нихъ взысканіямъ, вовсе не нужно руководство, помѣщенное въ общей части Уложенія о Наказаніяхъ; однако, желая устранить всякій поводъ къ произволу и принимая въ соображеніе единоличный составъ суда, а также возможность избранія въ мировые судьи лицъ, не получившихъ основательнаго юридическаго образованія, II Отдѣленіе признало полезнымъ, по примѣру многихъ иностранныхъ судебно-полицейскихъ кодексовъ, предпослать и настоящему уставу общую часть, для руководства мировымъ судьямъ при рѣшеніи дѣлъ; при этомъ не нашли однако нужнымъ излагать въ этой общей части всѣ тѣ подробныя опредѣленія и раздѣленія, какія находятся въ соотвѣтствующихъ ей главахъ Уложенія о Наказаніяхъ, потому что проступки, составляющіе предметъ настоящаго проекта, при незначительности большей ихъ части, не допускаютъ примѣненія къ нимъ правилъ о покушеніи, участіи, умыслѣ, предумышленіи и т. п., начертанныхъ преимущественно для важныхъ преступленій. Вслѣдствіе этого, рѣшено было ограничиться одною вводною главою, въ которой, не вдаваясь въ слишкомъ подробныя опредѣленія, означить лишь самыя основныя правила по указанному предмету.

Составленный II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомственные мировымъ судьямъ, неоднократно дополнялся и исправлялся чинами этой Канцеляріи и окончательную форму принялъ лишь въ 1864 году, когда и внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ окончательномъ видѣ уставъ состоялъ изъ 206 статей, изъ которыхъ 27 относилось къ общей его части, а въ остальныхъ 179 излагались постановленія о проступкахъ и наказаніяхъ.

Въ первой статьѣ проекта говорилось, что мировые судьи опредѣляютъ наказанія только за тѣ проступки, которые въ этомъ уставѣ указаны. Въ объяснительной запискѣ упоминалось, что основаніемъ для составленія устава послужило Уложеніе о Наказаніяхъ и отчасти сельскій судебный уставъ, но что по спеціальности устава для мировыхъ судей, а также вслѣдствіе измѣнившихся со времени изданія Уложенія взглядовъ и потребностей, оказалось необходимымъ отступить въ нѣкоторыхъ частяхъ отъ системы и постановленій общаго уголов-

наго кодекса, „при опредѣленіи же самыхъ проступковъ признано нужнымъ означать не всѣ встрѣчавшіеся до сихъ поръ уголовные случаи, а по возможности соединять ихъ и подводить подъ общія правила“ [1]). По существу своему новый уставъ значительно отличался отъ Уложенія,—онъ вносилъ упрощеніе правилъ объ отмѣнѣ, увеличеніи и смягченіи наказаній, причемъ въ основу его, по справедливому замѣчанію одного современнаго криминалиста, было положено сознаніе необходимости, съ одной стороны, ограничить произволъ судьи и оградить подсудимыхъ отъ возможной излишней его строгости, а съ другой—дать судьѣ полный просторъ для смягченія взысканій, установивъ лишь необходимыя ограниченія [2]). Нельзя не отмѣтить также мягкости наказаній новаго устава за мелкіе проступки противъ порядка управленія, въ противоположность строгости Уложенія о Наказаніяхъ. Такое ослабленіе репрессіи находилось въ полномъ соотвѣтствіи со взглядами той эпохи и вполнѣ отражало благожелательное отношеніе государственной власти къ гражданамъ.

V. Замѣчанія на проекты Судебныхъ Уставовъ.

Въ концѣ декабря 1863 г. государственный секретарь сообщилъ министру юстиціи выработанные комиссіею проекты судоустройства и судопроизводства, объявивъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, Высочайшее повелѣніе, чтобы замѣчанія свои по проектамъ Министерство Юстиціи, для ускоренія дальнѣйшаго хода дѣла, представляло Государственному Совѣту во время самыхъ засѣданій, предназначенныхъ для разсмотрѣнія этихъ проектовъ. Сознавая однако всю важность предстоявшей судебной реформы и необходимость предварительнаго обсужденія проектированныхъ работъ, въ особенности по спорнымъ вопросамъ, возбудившимъ разногласіе въ комиссіи, Замятнинъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на осуществленіе слѣдующихъ мѣръ: 1) чтобы министру было дозволено главнѣйшія изъ сообра-

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. Собст. Е. И. В. Канц. о составленіи проекта устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ. 1861 г. № 36, ч. I.

[2]) Статья проф. Чубинскаго—Судебная реформа, въ III томѣ Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ, изд. Гранатъ, стр. 240 и 241.

женій его по упомянутымъ проектамъ сообщить Государственному Совѣту въ печатныхъ экземплярахъ ко времени, которое будетъ назначено для слушанія дѣла, и затѣмъ представлять Совѣту изустно всѣ тѣ разъясненія, какія окажутся необходимыми; 2) чтобы всѣ работы комиссіи были сообщены на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ, какъ лицамъ, обладающимъ обширными юридическими познаніями и практическою въ судебныхъ дѣлахъ опытностью, и 3) чтобы въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта присутствовалъ товарищъ министра юстиціи Стояновскій.

Для ближайшаго съ своей стороны обсужденія внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ проектовъ судоустройства и судопроизводства, министръ юстиціи образовалъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ особыя совѣщательныя засѣданія, въ которыхъ приняли постоянное участіе: товарищъ министра Стояновскій, директоръ департамента баронъ Врангель, вице-директоръ Хвостовъ, начальникъ уголовнаго отдѣленія Шрейберъ, юрисконсультъ Рѣпинскій, правитель канцеляріи министра юстиціи Беръ и нѣкоторые другіе чины подвѣдомственныхъ Министерству учрежденій. Засѣданія эти продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ по три раза въ недѣлю по вечерамъ, по пяти и болѣе часовъ каждое. По тщательномъ обсужденіи всѣхъ по порядку постановленій, проектовъ, основаній, приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ комиссіи Буткова, и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій, въ засѣданіяхъ этихъ, по указаніямъ министра юстиціи, устанавливалась сущность замѣчаній его на проекты. Потомъ эти замѣчанія, подробно редактированныя подъ ближайшимъ надзоромъ товарища министра юстиціи Стояновскаго, окончательно просматривались самимъ министромъ, печатались и, по мѣрѣ изготовленія, разсылались ко всѣмъ членамъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ доставлены были подробныя соображенія о необходимости измѣненія по существу до 1100 статей проектовъ, а именно: 600 статей проекта гражданскаго судопроизводства, 300-проекта уголовнаго судопроизводства, 80-проекта устава о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и 120-проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ.

Замѣчанія министра юстиціи, составившія обширный томъ in folio въ 500 слишкомъ страницъ, представляютъ собою не-

обыкновенно тщательное, добросовѣстное и основательное изслѣдованіе составленныхъ комиссіею проектовъ. Нѣкоторыя изъ замѣчаній Замятнина были отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ, но большинство предложенныхъ имъ поправокъ было принято и вошло въ Уставы. Не останавливаясь на сущности сдѣланныхъ имъ замѣчаній, нельзя не отмѣтить той настойчивости, съ какою онъ стремился къ возможному улучшенію положенія будущихъ судебныхъ чиновъ, такъ какъ въ этомъ, между прочимъ, сказалась глубокая преданность Замятнина дѣлу судебной реформы и искренняя его заботливость объ ея успѣхѣ. Сознавая вполнѣ, что, при всѣхъ достоинствахъ проектированныхъ Судебныхъ Уставовъ, бездарные, невѣжественные или недобросовѣстные исполнители могутъ скомпрометировать дѣло судебной реформы, и имѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду, что при недостаточности окладовъ судебныхъ чиновъ окажется совершенно невозможнымъ привлечь въ судебное сословіе просвѣщенныхъ и талантливыхъ дѣятелей, Замятнинъ придавалъ надлежащему матеріальному обезпеченію судебныхъ чиновъ столь важное значеніе, что отъ этого ставилъ въ зависимость самую возможность осуществленія судебной реформы. „Если по какимъ либо соображеніямъ, писалъ онъ, признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и отмѣнить проектированныя прибавки, то лучше отказаться отъ судебной реформы, лучше остановиться приведеніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать реформѣ ложное направленіе, поставить ее въ негодныя условія и отказаться отъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно было бы ожидать отъ предначертанныхъ Уставовъ. Если судебное вѣдомство не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ лучшихъ мѣстъ“ [1]).

---

[1]) Сен. Арх. Отчетъ министра юстиціи 1864 г. л.л. 5 и 6, и Истор. очеркъ Мин. Юстиціи за сто лѣтъ.

Замѣчанія министра юстиціи не разъ упоминались въ литературѣ, посвященной Судебнымъ Уставамъ 1864 года; гораздо менѣе извѣстны замѣчанія сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ, которыя черезъ министра юстиціи въ весьма значительномъ количествѣ были направлены въ Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта.

Нѣкоторые сенаторы изложили свои замѣчанія каждый въ отдѣльности, другіе же составили совѣщательныя засѣданія, которыя выработали текстъ замѣчаній, причемъ сенаторы не только подвергли тщательному разбору многія положенія составленныхъ комиссіей проектовъ, но высказали рядъ цѣнныхъ соображеній, о порядкѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, когда они будутъ изданы. Сенаторы справедливо разсуждали, что каждое великое преобразованіе должно, между прочимъ, заключать условіе „чтобы введеніе его было заранѣе обезпечено правильными мѣрами и достаточными средствами“ [1]).

Среди вопросовъ, обратившихъ на себя вниманіе сенаторовъ, на первомъ мѣстѣ надо поставить мировой судъ, которому посвящено очень много замѣчаній. „Проекты судопроизводства и судоустройства, говорится въ мнѣніи группы сенаторовъ, преобразуютъ нашу судебную часть всецѣло, во всѣхъ ея отправленіяхъ и орудіяхъ; но самое важное, коренное и полезнѣйшее преобразованіе заключается въ учрежденіи мирового суда. Благотворная мысль, по которой онъ учреждается, очертала и самое устройство его такъ, что въ немъ заключаются первые, вѣрные и наилучшіе способы къ введенію преобразованія.

Это учрежденіе прежде всего удовлетворитъ такимъ именно потребностямъ нашего общества, которыя по всей справедливости можно назвать вопіющими, и вызывающими необходимость преобразованія; ибо оно откроетъ судъ дешевый, ближайшій ко всѣмъ сословіямъ, на самыхъ мѣстахъ, и въ такихъ предметахъ, въ которыхъ достиженіе у насъ правосудія было или затруднительно, или невозможно. Ускорить введеніемъ мирового суда нужно теперь и потому, что мировыя учрежденія по крестьянскому дѣлу оказываютъ свою, въ пространствѣ времени, опредѣленную имъ дѣятельность, тогда какъ предметы ея далеко

---

[1]) Оффиціальный отзывъ о томъ значеніи, которое имѣли замѣчанія сенаторовъ, см. Сен. Арх. Всепод. записки мин. юст. 1864 г., л. 150.

еще не всѣ разрѣшены, а разрѣшеніе ихъ можетъ быть ввѣрено лишь предполагаемому мировому суду. Конечно этотъ судъ въ предначалахъ устройства явится у насъ какъ учрежденіе совершенно новое; но оно такъ соотвѣтствуетъ нашимъ обстоятельствамъ, нуждамъ и нравамъ, что представляется какъ бы извлеченнымъ изъ нихъ, а ежели при томъ мировой судъ составится изъ лицъ, коихъ собственные интересы тѣсно связаны съ благосостояніемъ мѣстъ, гдѣ сосредоточится ихъ дѣятельность, ежели въ мировые суды поступятъ по своему положенію независимые, лучшіе люди земства, то неисчислимы нравственныя и всякія другія благія послѣдствія, которыхъ по справедливости ожидать можно. Съ другой стороны отдѣльное отъ всѣхъ общихъ судебныхъ мѣстъ существованіе мирового суда и подчиненіе его одному Правительствующему Сенату открываютъ возможность ввести этотъ судъ прежде всѣхъ другихъ учрежденій, не говоря уже о томъ, что для сего не потребуется никакихъ отъ государства расходовъ кромѣ жалованья прокурорамъ на мировыхъ съѣздахъ,—въ сложности расхода незначительнаго, и что выборъ мировыхъ судей съ желаемыми въ нихъ качествами представляется самому обществу.

Нельзя сверхъ того не замѣтить, что отдѣльное введеніе мирового суда не произвело бы ни малѣйшаго затрудненія, не возбудило бы никакого вопроса по дѣлопроизводству въ существующихъ судебныхъ мѣстахъ". [1])

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ организаціи мирового института—размѣръ имущественнаго ценза, которымъ должны обладать лица, избираемыя на эту должность, привлекъ къ себѣ большое вниманіе сенаторовъ; одинъ изъ нихъ писалъ, „что до сихъ поръ мѣста, занимаемыя по выборамъ дворянства, кромѣ предводителей, исключительно предоставлялись лицамъ бѣднымъ, нуждающимся въ содержаніи себя на общественный счетъ, отчего большею частью происходили искательства и должности замѣщались лицами, не удовлетворяющими потребности; люди же состоятельные не только не искали, но рѣшительно избѣгали служенія по выборамъ; что же будетъ при увеличенномъ числѣ избирателей изъ всѣхъ сословій. Конечно, искатели мѣста, обез-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 10—12. Соображенія сенаторовъ о мѣрахъ приведенія въ исполненіе проектовъ судопр. и судоустройства.

печеннаго порядочнымъ содержаніемъ, найдутъ возможность скорѣе найти сторонниковъ въ своей средѣ и какъ число избирателей будетъ состоять болѣе изъ бѣдныхъ, то имъ легко будетъ получить большинство голосовъ надъ тѣми, которые не только не будутъ искать мѣста, но охотно избѣгать его и учрежденіе мировыхъ судей съ перваго раза попадетъ въ руки искателей, а не тѣхъ, которые могли бы возвысить его. Конечно, бѣдность не порокъ, а богатство не составляетъ достоинства, но оно даетъ возможность къ лучшему образованію и обязываетъ болѣе дорожить своею репутаціею, ближе извѣстною въ обществѣ своихъ согражданъ. Главная цѣль ценза заключается въ томъ, чтобы возвысить званіе мирового судьи, а не уронить на первый разъ на степень становыхъ приставовъ, изъ коихъ рѣдкій не имѣетъ 100 р. дохода въ годъ“ [1]).

За увеличеніе ценза до 500 рублей чистаго годового дохода высказывались и еще нѣкоторые сенаторы [2]), отмѣчавшіе, что такъ какъ цензъ для лицъ, избираемыхъ въ мировые суды установленъ какъ одна изъ дѣйствительныхъ мѣръ для поддержанія достоинства и силы мировыхъ учрежденій и какъ важнѣйшее ручательство, что мировые судьи сохранятъ независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и вліяніе на полицію, которыми пользуются нынѣшніе мировые посредники, то и цензъ долженъ быть довольно высокимъ.

Для правильной и однообразной дѣятельности мировыхъ учрежденій имѣлъ очень важное значеніе вопросъ о томъ, какому судебному установленію будетъ предоставленъ кассаціонный надзоръ за мировыми судьями и ихъ съѣздами. Въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 г. на него не было яснаго отвѣта, въ комиссіи же, составлявшей Судебные Уставы, голоса по этому поводу раздѣлились: семь членовъ полагали возложить кассаціонный надзоръ за мировыми учрежденіями на Сенатъ, а семнадцать членовъ—на мѣстныя судебныя палаты. Второе мнѣніе вызвало противъ себя серьезныя возраженія сенаторовъ, вполнѣ основательно замѣчавшихъ, что окончательное разрѣшеніе дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ, возложенное на палаты и отмѣна рѣшеній

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 35—37. Замѣчанія сенатора Зурова на проектъ новаго судоустройства.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣч. сен. Безобразова, стр. 172 и слѣд. и замѣч. сен. Щербинина, стр. 52.

въ кассаціонномъ порядкѣ „суть такія судебныя дѣйствія, которыя, не имѣя ничего между собою общаго, не могутъ быть производимы въ одномъ и томъ же мѣстѣ безъ пожертвованія существенными условіями новаго порядка, долженствующаго опираться на стройное очертаніе круга дѣйствій и степени власти всѣхъ судебныхъ мѣстъ и на сосредоточеніе надзора за точнымъ со стороны ихъ исполненіемъ закона въ высшемъ судебномъ учрежденіи, которымъ по проекту долженъ оставаться Правительствующій Сенатъ". По мнѣнію сенаторовъ это въ особенности имѣетъ важное значеніе въ отношеніи мироваго института,—который съ самаго начала необходимо поставить въ такое положеніе, чтобы всѣ питали къ нему довѣріе и уваженіе, „а достигнуть этого и привлечь въ составъ мировыхъ судей людей достойныхъ и по своему положенію независимыхъ можно не иначе, какъ, поставивъ ихъ въ непосредственную связь съ Сенатомъ и поручивъ ему одному высшее ими руководство и право разсматривать и отмѣнять ихъ рѣшенія. Но поручить это палатамъ значило бы совершенно подчинить имъ мировыя учрежденія; въ такомъ случаѣ эти учрежденія превратились бы въ простыя безъ всякаго нравственнаго значенія уѣздныя инстанціи въ полной зависимости отъ палатъ, которыя по своему вліянію на судебную область образовали бы изъ себя отдѣльные центры съ особенными юридическими понятіями и практикой, тогда какъ Сенатъ оставался бы въ сторонѣ и не имѣлъ бы возможности дѣйствовать соотвѣтственно своему назначенію. Изъ приложенныхъ къ проектамъ объясненій видно, что предположенное въ 131 ст. отступленіе отъ желаемаго и необходимаго порядка основано на одномъ опасеніи множества дѣлъ, могущихъ поступать въ Сенатъ по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ судей и съѣздовъ. На это нельзя не замѣтить прежде всего, что число дѣлъ никогда не должно располагать къ распоряженіямъ, которыя удалили бы учрежденія отъ ихъ цѣли и существенныхъ обязанностей; умноженіе дѣлъ, какъ затрудненіе внѣшнее, отвращается и мѣрами въ соотвѣтственномъ смыслѣ. Впрочемъ, въ нашей судебной практикѣ есть примѣръ, въ виду котораго такое опасеніе теряетъ много своей силы и этотъ примѣръ представляетъ комиссія, Высочайше учрежденная въ С.-Петербургѣ для разбирательства споровъ между нанимающими и нанимаемыми людьми, слѣдственно для рѣшенія самыхъ многочислен-

ныхъ и мелочныхъ дѣлъ въ столицѣ, затруднявшихъ суды и полицію. Упомянутая комиссія поставлена внѣ общихъ судебныхъ мѣстъ, такъ точно какъ предполагается учредить мировые суды и подчинена непосредственно Правительствующему Сенату въ ревизіонномъ порядкѣ. Ежели при ея учрежденіи не побоялись наводнить Сенатъ дѣлами и цѣль поставили выше наличныхъ способовъ, то это вполнѣ оправдалось послѣдствіями—дѣлъ по жалобамъ на комиссію поступаетъ въ Сенатъ не болѣе 100 въ теченіе года, тогда какъ сама коммисія рѣшаетъ ихъ во множествѣ ежедневно. Того же самаго можно ожидать разумѣется въ соотвѣтственномъ размѣрѣ, и отъ мировыхъ учрежденій" [1]).

Значительный интересъ представляютъ замѣчанія о мировомъ институтѣ оберъ-прокурора Н. П. Семенова, который между прочимъ высказывался за установленіе связи между крестьянскими судебными учрежденіями и мировыми судьями,—съ несомнѣннымъ неудовольствіемъ онъ задается вопросомъ: „почему крестьянскіе суды поставляются внѣ распространенія власти мировыхъ судебныхъ учрежденій". По мнѣнію Семенова для сословныхъ судовъ нѣтъ подходящей почвы въ Россіи, сохранить особые крестьянскіе суды „значитъ создать новое привилегированное сословіе. Такое положеніе могло бы способствовать лишь къ разъединенію его съ классомъ землевладѣльцевъ, что и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, по моему понятію, могло бы принести только вредъ" [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія Александра Башуцкаго на первыя 3 книги проекта суд. гр., стр. 273—288. Есть и противоположныя разсужденія, напр. сенатора Рѣпинскаго, тамъ же, стр. 259—262.

[2]) „При составленіи Положеній 19 февраля 1861 года, продолжаетъ Семеновъ, были учреждены волостные крестьянскіе суды. Это было сдѣлано только по той причинѣ, что съ одной стороны наше прежнее судоустройство оказывалось недостаточнымъ, при вступленіи въ жизнь 22-хъ милліоновъ новыхъ гражданъ, а съ другой, что, по образу ихъ жизни, обычаямъ и привычкамъ, будучи оторваны историческимъ ходомъ событій отъ высшихъ слоевъ нашего общества, они по закону не подчинялись нашему гражданскому судоустройству и стояли внѣ его, подъ властью помѣщиковъ. Подчинить ихъ внезапно общему законодательству было дѣломъ невозможнымъ, но и тутъ нельзя сказать, чтобы нѣкоторая регламентація и форменность въ учрежденіи для нихъ судовъ достигали желанной цѣли. Волостные суды мало прививаются къ жизни; если бы обычное право, у нихъ существующее, относительно способа разбирательства ихъ дѣлъ было предоставлено тоже обычаю, т. е. если бы, напримѣръ, крестьянскій судъ чинили у нихъ старики, дѣло пошло бы можетъ быть успѣшнѣе. Во всякомъ случаѣ, если невозможно было ввести немедленно этихъ новыхъ гражданъ въ общій строй нашихъ гражданскихъ судебныхъ учрежденій, то это всетаки не можетъ еще служить причиною къ тому, чтобы упрочить для крестьянъ и на будущее время особое устройство и допустить, чтобы ихъ суды стояли какими то

Кромѣ этого онъ совершенно правильно отмѣчалъ значеніе почетныхъ мировыхъ судей, отъ которыхъ ожидалъ большой пользы и поэтому совѣтовалъ обставить ихъ службу наиболѣе почетнымъ образомъ.

Замѣчанія сенаторовъ и оберъ-прокуровъ о мировомъ институтѣ отличаются весьма большимъ разнообразіемъ и касаются самыхъ разнородныхъ сторонъ его организаціи и дѣятельности, нѣкоторые изъ нихъ довольствовались лишь какимъ либо частнымъ указаніемъ, но развивали его въ такихъ случаяхъ съ интересною полнотою; такъ напримѣръ, князь Юрій Долгорукій писалъ, что вообще онъ признаетъ проекты „сообразными съ Высочайшими предначертаніями“ и находитъ необходимымъ сдѣлать лишь одно замѣчаніе относительно присяги.

„Въ I книгѣ 5-й главы 53 ст., пишетъ кн. Долгорукій, сказано: въ случаѣ отсутствія священника, мировой судья, напомнивъ свидѣтелямъ объ обязанности показать по чистой совѣсти все имъ извѣстное, приводитъ ихъ самъ къ присягѣ, по слѣдующей формѣ: „Клянусь Всемогущимъ Богомъ показать всю правду по чистой совѣсти“.

Итакъ, мировой судья можетъ замѣнять священника для приведенія къ присягѣ и для увѣщанія къ добросовѣстному свидѣтельству, но свидѣтели, въ свою очередь, не могутъ ли не признавать за мировымъ судьей этого права, такъ какъ при устраненіи священника, они, въ религіозномъ отношеніи, совершенно равны съ судьею; сверхъ того не видно и тѣхъ основаній, по которымъ магометанская форма присяги предложена взамѣнъ христіанской. Если это дѣлается для того, чтобы ослабить уваженіе къ присягѣ въ народѣ и тѣмъ вывести ее мало по малу изъ юридической практики, то и въ этомъ отношеніи мѣра можетъ оказаться или недѣйствительною, или имѣть неожиданное дѣйствіе—повредить въ народномъ мнѣніи самому учрежденію мировыхъ судей, замѣняющихъ собою священниковъ и заимствующихъ форму присяги у муллъ. Наконецъ, слѣдуетъ ли признавать право за какимъ либо чиновникомъ, брать съ кого либо клятву. Это право присвоено съ нѣкотораго времени церкви, но прежде и сама церковь никогда имъ не пользовалась. Хотя

особняками среди общихъ учрежденій судебнаго вѣдомства, когда всѣ хозяйственныя дѣла у нихъ съ землевладѣльцами общіе“. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 85—87.

во 2-мъ пунктѣ 54 статьи сказано, что лица, принадлежащія къ вѣроисповѣданіямъ и сектамъ, недопускающимъ присяги, отъ нея освобождаются, но составителямъ положенія вѣроятно не извѣстно, что клятва всякаго рода преимущественно воспрещена лицамъ православнаго исповѣданія, чему яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ служатъ пространный катехизисъ патріарха Филарета, родоначальника фамиліи Романовыхъ (листъ 198 на оборотѣ) и формы всѣхъ присягъ, бывшихъ въ употребленіи при православныхъ царяхъ Русскихъ (см. рукопись Румянц. Музея № 365).

Все это такъ странно и настоящее мое замѣчаніе касается столь важнаго предмета, что по мнѣнію моему не лишнимъ было бы о редакціи означенныхъ статей сдѣлать сношеніе съ Святѣйшимъ Синодомъ“ [1]).

Судъ присяжныхъ, разумѣется, привлекъ къ себѣ большое вниманіе сенаторовъ, — были голоса и за и противъ него, изъ числа первыхъ особою яркостью отличаются соображенія Карніолинъ-Пинскаго, которыя не разъ упоминались въ литературѣ; въ особенности любопытенъ конецъ ихъ, гдѣ онъ упрекаетъ проектъ въ исключительной заботѣ объ огражденіи интересовъ подсудимаго, „надобно же подумать продолжаетъ онъ, и объ огражденіи интересовъ общества. Безнаказанность преступленія умножитъ количество оныхъ. Единогласное присяжныхъ рѣшеніе виновности, вмѣняемости и предумышленности въ уголовномъ преступленіи, допускаемое англійскимъ институтомъ, безъ сомнѣнія представляетъ болѣе гарантій для незыблемости правосудія; но оно имѣетъ неудобства всѣмъ извѣстныя. Простое большинство во Франціи и наше разногласіе, въ случаяхъ оправданія предполагаютъ еще бо̀льшія неудобства и возможность подговоровъ и соблазновъ. Я полагаю, что въ интересахъ правосудія и обвиненіе, и оправданіе подсудимыхъ должно быть основываемо на единомыслiи двухъ третей присяжныхъ; при несоставленіи же онаго, рѣшеніе дѣла слѣдуетъ откладывать до будущаго періода засѣданій и второе рѣшеніе присяжныхъ считать окончательнымъ“ [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 31 и 32. Письмо князя Ю. Долгорукаго къ мин. юст. Д. Н. Замятнину.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія сенатора М. М. Карніолинъ-Пинскаго на проектъ уст. уг. суд., стр. 403—405.

Немалое количество соображеній было высказано о Сенатѣ, причемъ сенаторы возражали противъ малѣйшихъ ограниченій его власти и вліянія; такъ, они были противъ подчиненія сенатской канцеляріи оберъ-прокурору, противъ представленія отчетовъ по кассаціоннымъ департаментамъ Сената черезъ министра юстиціи и проч. Въ будущую кассаціонную дѣятельность Сената они твердо вѣрили и ожидали отъ нея благихъ результатовъ, въ видѣ широкой правотворческой дѣятельности [1]).

Сравнительно мало обратилъ на себя вниманія проектъ „устава о наказаніяхъ за подвѣдомые мировымъ судьямъ проступки". Наиболѣе интересныя замѣчанія на него принадлежатъ перу состоявшаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ кн. Шаховскаго, который очень логично доказывалъ необходимость подчиненія лицъ всѣхъ сословій подсудности мировыхъ судей „по всѣмъ предусмотрѣннымъ въ проектѣ устава проступкамъ, съ назначеніемъ имъ одинаковыхъ наказаній за одинаковые проступки" независимо отъ принадлежности къ тому или иному сословію, т. е., чтобы и дворяне за кражу, мошенничество и растрату, не превышающія извѣстную сумму, судились въ мировомъ судѣ и подлежали за это, какъ и прочія лица, заключенію въ тюрьмѣ.

Переходя затѣмъ къ установленнымъ проектомъ устава наказаніямъ, Шаховской основательно замѣчаетъ, что въ дѣлѣ наказаній, состоящихъ въ лишеніи физической свободы, лѣстница ихъ должна быть устроена такъ, чтобы наибольшій срокъ низшаго наказанія никогда не превышалъ наименьшаго срока высшаго наказанія; иначе несмотря на различіе между низшимъ и высшимъ наказаніемъ въ образѣ содержанія подвергаемыхъ онымъ (régime) не будетъ соотвѣтствія между мнѣніемъ законодателя и мнѣніемъ общества объ относительной строгости наказаній. Правило это не принято въ проектѣ устава. Здѣсь за 3-хъ мѣсячнымъ арестомъ слѣдуетъ, какъ болѣе строгое наказаніе, 2-хъ недѣльное заключеніе въ тюрьмѣ. Между тѣмъ, хотя арестъ и не влечетъ за собою обязательной работы, едва ли не всякій предпочтетъ 3-хъ мѣсячному аресту 2-хъ недѣльное заключеніе въ тюрьмѣ. Многіе предпочтутъ ему и мѣсячное

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 3—7, 53, 126.

заключеніе въ тюрьмѣ. Наконецъ, трудно рѣшить, что тяжелѣе: 3-хъ мѣсячный арестъ или 2-хъ мѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ. Поэтому Шаховской предлагалъ въ проектѣ устава, сокративъ до 2-хъ мѣсяцевъ maximum ареста, назначить такой же срокъ какъ minimum заключенія въ тюрьмѣ [1]).

Замѣчанія сенаторовъ и оберъ-прокуратуры касаются и многихъ другихъ вопросовъ—перечисленіе ихъ составило бы довольно длинный списокъ,—поэтому, ограничимся упоминаніемъ лишь нѣсколькихъ изъ нихъ. Большое вниманіе обратили сенаторы на редакцію статей объ окончательности оправдательныхъ приговоровъ, на постановку слѣдствія, причемъ подвергся суровой критикѣ проектъ установленія защитниковъ на предварительномъ слѣдствіи; значительныя неудовольствія вызывали техническія подробности, напримѣръ, отсутствіе ссылокъ на источники, неудачная, или не вполнѣ ясная редакція нѣкоторыхъ статей и проч. [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія состоящаго за об.-прокур. столомъ въ Сенатѣ ст. сов. кн. Мих. Шаховскаго на проектъ уст. о нак. за подвѣд. мир. суд. проступки, стр. 161—163.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія сенатора Черткова, об.-прокурора Семенова, стр. 76—79 и 147—148; замѣчанія сенаторовъ Кочубея, Карніолинъ-Пинскаго, Войцеховича, Веневитинова, Смирнова, Гана, Любощинскаго, Яковлева, Башуцкаго, Левшина, Позняка, Матюнина, Капгера, Фишера, Черноглазова, Бера, Гизетти, стр. 633, 638, 399, 401—403. Любопытно замѣчаніе сенатора, генерала Рерберга, который писалъ: „При составленіи проектовъ новой реформы, которою положено преобразовать не только судебныя учрежденія, но и личный составъ членовъ судебнаго вѣдомства, хорошо бы было, пользуясь симъ случаемъ, измѣнить и тѣ названія, которыя перешли и переходятъ къ намъ изъ иностранныхъ государствъ, какъ напримѣръ, кассація, кассаціонный департаментъ, оберъ-прокуроръ, оберъ-секретарь, дисциплинарный и т. д., и замѣнить ихъ другими для русскаго уха болѣе звучными; если лицамъ, трудившимся надъ реформою, легко было ввести въ оную такія удачныя названія, какъ судебный слѣдователь, мировой участокъ, мировой съѣздъ, судебный округъ, судебная область, заочное рѣшеніе, то нетрудно будетъ замѣнить и вышеприведенныя иностранныя названія, названіями болѣе русскими, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ, напр., оберъ-секретарь Сената (при уничтоженіи должности секретаря Сената—ст. 91 учрежд.) не имѣютъ даже теперь никакого значенія". Тамъ же, то же дѣло. Замѣчанія сенатора ген.-лейт. Ѳ. И. Рерберга, стр. 194.

VI. Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній и откуповъ.

Въ то время какъ составлялись комиссіей проекты Судебныхъ Уставовъ, произошли два весьма важныхъ событія во внутренней русской жизни, значительно расчистившія почву для судебной реформы—были уничтожены тяжкія тѣлесныя наказанія и винные откупа [1]).

Система наказаній должна соотвѣтствовать народному правосознанію, иначе она совершенно не достигнетъ цѣли и приведетъ къ самымъ нежелательнымъ результатамъ. Если наказаніе слишкомъ строго или жестоко, то сочувствіе общества будетъ на сторонѣ наказаннаго преступника, а не на сторонѣ преслѣдующаго его правительства. Такъ именно обстояло дѣло въ Россіи къ началу 60-хъ годовъ. По Уложенію о Наказаніяхъ изд. 1857 г., для лицъ непривилегированныхъ плети и розги составляли необходимое дополненіе всякаго наказанія, начиная съ каторжныхъ работъ и кончая тюремнымъ заключеніемъ. Наказаніе плетьми отъ 30 до 100 ударовъ, предшествовавшее ссылкѣ въ каторжныя работы, производилось публично черезъ палача и сопровождалось наложеніемъ клеймъ на лбу и обѣихъ щекахъ. Для ссыльно-каторжныхъ изъ военно-служащихъ были сверхъ того установлены особыя жестокія наказанія въ видѣ шпицрутеновъ или прогнанія сквозь строй. Публичное исполненіе этихъ наказаній, отъ которыхъ не были освобождены ни женщины, ни старики, не достигшіе еще семидесятилѣтняго возраста, судя по отзывамъ современниковъ, производило потрясающее впечатлѣніе на народъ, присутствовавшій при этомъ зрѣлищѣ. Глухимъ стонамъ наказываемаго, умиравшаго иногда подъ ударами, вторили обыкновенно вопли и рыданія среди собравшагося народа, который, конечно, забывалъ въ эту минуту, что карѣ подвергается тяжкій преступникъ, а видѣлъ въ немъ лишь несчастнаго страдальца и мученика. Такъ относилась толпа, но гораздо сложнѣе были чувства людей развитыхъ, образован-

[1]) Законъ объ уничтоженіи откуповъ изданъ 26 октября 1860 г., но введенъ въ дѣйствіе съ 1 января 1863 года.

ныхъ. Воспитанные на произведеніяхъ Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и другихъ лучшихъ писателей, они не могли мириться съ такими грубыми способами обращенія съ человѣкомъ, хотя бы впавшимъ въ преступленіе. Тяжкія тѣлесныя наказанія совершенно не соотвѣтствовали взглядамъ и понятіямъ громаднаго большинства людей 60-хъ годовъ XIX вѣка, начиная съ самого Императора Александра II, такъ опредѣленно стремившихся къ водворенію человѣчности; поэтому отмѣна ихъ подсказывалась общимъ горячимъ желаніемъ. Нечего и говорить, насколько этотъ родъ наказаній не соотвѣтствовалъ Основнымъ Положеніямъ судебной реформы и составлявшимся на основаніи ихъ проектамъ Судебныхъ Уставовъ. Съ одной стороны плети и шпицрутены, а съ другой—присяжные засѣдатели, публичность, гласность; трудно было сочетать такія разнородныя понятія. Сохраненіе тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній при новомъ судебномъ строѣ и новомъ уголовномъ процессѣ привело бы къ полному замѣшательству и извращенію все дѣло отправленія правосудія,—не говоря уже о присяжныхъ засѣдателяхъ, которые стали бы руководствоваться чувствомъ состраданія, даже коронные судьи-юристы, еще на школьныхъ скамьяхъ Училища правовѣдѣнія, Лицея и университетовъ, слышавшіе полное осужденіе тѣлесныхъ наказаній [1]), примѣняли бы ихъ въ высшей сте-

---

[1]) Интересно привести тѣ мысли, которыя высказывались съ каѳедры въ то время, когда многіе изъ судебныхъ дѣятелей перваго призыва еще учились; сдѣлаемъ выдержку изъ учебника уголовнаго права проф. Калмыкова, который читалъ лекціи въ Училищѣ правовѣдѣнія съ 1838 по 1860 (годъ его смерти), а въ лицеѣ съ 1850 по 1860 г.г. (изд. Любавскаго. Часть общая, СПБ., 1866 г., — посмертное). Въ главѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, разсматривая ихъ „необходимость, справедливость и пользу", онъ приходитъ къ совершенно отрицательнымъ выводамъ относительно достоинствъ этихъ наказаній.

Въ п. 2 („Нравственность") К., между прочимъ, говоритъ: „ ... тѣлесное наказаніе, налагаемое на взрослаго человѣка, совершенно справедливо можетъ почесться признаніемъ его лишеннымъ разума и свободной воли, уравненіемъ его съ дитятей или животнымъ. Но, несмотря на то, что чувство чести врождено всякому человѣку, понятіе о ней часто бываютъ относительны и зависятъ отъ нравовъ, обычаевъ и степени образованности даннаго государства. Посему и вопросъ о безнравственности тѣлесныхъ наказаній не долженъ быть рѣшаемъ независимо отъ этихъ обстоятельствъ.

— Всѣ государства, нынѣ существующія, по отношенію къ развитію въ нихъ чувства чести, могутъ быть раздѣлены на три разряда. Въ государствахъ перваго разряда всѣ граждане считаются людьми самостоятельными, какъ бы совершеннолѣтними въ умственномъ и нравственномъ отношеніи: чувство чести развито въ нихъ до такой степени, что они признаютъ присутствіе его и въ преступникѣ, послѣ совершеннаго имъ преступленія, и посему они хотятъ, чтобы и въ преступникѣ, при его наказаніи, не нарушалось свойственное ему чувство чести и человѣческаго достоинства.

пени неохотно. Общественное правосознаніе переросло плети и шпицрутены.

Въ 1861 г., вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, генералъ-адъютантъ князь Николай Орловъ подалъ лично Государю записку, въ которой былъ приведенъ цѣлый рядъ соображеній въ подтвержденіе необходимости отмѣны тѣлеснаго наказанія, представляющаго собою „зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ". Записка князя Орлова была передана Государемъ на обсужденіе особаго комитета, учрежденнаго при II Отдѣленіи Собственной

Въ этихъ государствахъ тѣлесныя наказанія вовсе уничтожены. Къ такимъ государствамъ относятся Франція, Бельгія, Нидерланды, Испанія съ 1832 г., Португалія и Сардинія съ 1829 г., Пруссія, Баварія и Вюртембергъ.—Въ государствахъ второго разряда, которыя въ этомъ отношеніи прямо противоположны государствамъ перваго разряда, всѣ граждане разсматриваются какъ люди несамостоятельные, какъ бы не вышедшіе еще изъ дѣтскаго возраста и состоящіе къ правительству ихъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ состоятъ дѣти къ родителямъ. Такъ, напримѣръ, всѣ китайскіе подданные, по духу китайскаго законодательства, считаются дѣтьми китайскаго богдыхана, который посему и наказываетъ ихъ отеческими, домашними средствами. На этомъ основаніи тѣлесныя наказанія въ Китаѣ чрезвычайно употребительны, налагаются на членовъ самаго высшаго общества и не влекутъ за собою для претерпѣвшаго ихъ никакого позора и безчестія.—Государства третьяго рязряда составляютъ средину между двумя упомянутыми крайностями: высшія сословія этихъ государствъ, по отношенію къ развитію въ нихъ чувства чести и самостоятельности, стоятъ наравнѣ съ государствами перваго разряда; низшія сословія—наравнѣ съ государствами второго разряда. Въ этихъ-то государствахъ, представляющихъ смѣшеніе образованности съ грубымъ невѣжествомъ, существуетъ понятіе о людяхъ изъятыхъ и о людяхъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія" (стр. 232 и 233).

Въ п. 3 („Дѣлимость") К. излагаетъ слѣдующія мысли: „Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что тѣлесное наказаніе имѣетъ безчисленное множество степеней, и что, будучи дѣлимо, можно сказать до безконечности, оно вполнѣ удовлетворяетъ условію дѣлимости. Тѣлесныя наказанія допускаютъ и различіе орудій и различіе числа ударовъ. Такъ, напр., въ китайскомъ уложеніи тѣлесныя наказанія представляются въ весьма разнообразномъ видѣ: опредѣлена съ точностью длина, ширина и даже тяжесть бамбуковой палки, которою они должны быть производимы; постановлено, когда слѣдуетъ употреблять толстый и тяжелый конецъ этой палки, когда тонкій и легкій.—Противники тѣлесныхъ наказаній, соглашаясь, что они съ перваго взгляда вполнѣ удовлетворяютъ условію дѣлимости, дѣлаютъ, однакожъ, важное возраженіе, почти уничтожающее и это достоинство тѣлесныхъ наказаній. Они говорятъ, что тѣлесныя наказанія несправедливы потому, что они вполнѣ зависятъ отъ произвола исполнителя ихъ—произвола, который не можетъ быть стѣсненъ даже самымъ бдительнымъ надзоромъ. Произволъ этотъ такъ важенъ, что легкое наказаніе можетъ чрезъ него сдѣлаться жестокимъ, жестокое—легкимъ. Защитники тѣлесныхъ наказаній не могутъ не согласиться съ этимъ возраженіемъ; но, чтобъ устранить этотъ важный недостатокъ, они предлагаютъ изобрѣсти машину, посредствомъ которой можно было бы производить тѣлесныя наказанія безъ помощи рукъ человѣческихъ: сила ударовъ, а слѣдовательно и жестокость наказанія, въ этомъ случаѣ была бы опредѣлена съ точностью, и для повѣрки ея почти вовсе не нужно было бы надзора; кромѣ того, наказаніе при этомъ потеряло бы отчасти свой позорный характеръ, ибо дѣйствіе рукъ человѣческихъ было бы замѣнено дѣйствіемъ механиче-

Его Императорскаго Величества Канцеляріи для разсмотрѣнія проекта воинскаго устава о наказаніяхъ, а соображенія комитета, высказавшагося также за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, были сообщены на заключеніе всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ. Наиболѣе энергическимъ и горячимъ противникомъ предположенной мѣры выступилъ министръ юстиціи графъ Панинъ. Въ обширной запискѣ онъ доказывалъ, что дѣйствовавшая у насъ система тѣлесныхъ наказаній представляется цѣлесообразною, такъ какъ, по его мнѣнію, она находится въ полномъ соотвѣтствіи со степенью умственнаго и нравственнаго развитія народа и одна только можетъ оказать надлежащее сдерживающее вліяніе на развитіе въ немъ преступности. Признавая вслѣдствіе этого, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній даже для женщинъ была бы нежелательна, графъ Панинъ указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на несвоевременность возбужденнаго вопроса объ измѣненіи системы наказаній въ виду полнаго неустройства нашихъ мѣстъ заключенія. Такой же, въ сущности говоря, точки зрѣнія придерживался и видный іерархъ того времени митрополитъ Филаретъ, составившій особую записку „о тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія“ въ которой, въ сущности говоря, опредѣленно высказывался за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній. Основная мысль его заключается въ томъ, что Христосъ создалъ на землѣ церковь, а не государство, а потому государство можетъ не всегда слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства и создавать свои особыя правила. Исходя изъ этого основного положенія, авторъ утверждаетъ, что вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи въ государствѣ тѣлесныхъ наказаній стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Далѣе ссылаясь на то, что тѣлесныя наказанія узаконены черезъ Моисея самимъ Богомъ, Филаретъ рѣ-

---

скимъ, не разумнымъ. Но такая машина до сихъ поръ остается книжнымъ предположеніемъ, неосуществленнымъ на практикѣ; ибо гораздо лучше вовсе отмѣнить тѣлесныя наказанія, нежели трудиться надъ изобрѣтеніемъ механизма для производства ихъ“ (стр. 233 и 234).

Въ п. 10 („Ободрительность“) К. говоритъ: „Тѣлесныя наказанія не только не ободрительны и не успокоительны, но, напротивъ того, возбуждаютъ страхъ во всѣхъ членахъ гражданскаго общества: ибо преступникъ не лишается чрезъ нихъ способности вредить, а, напротивъ того, отпускается на свободу съ раздраженною, озлобленною душою и мстительными замыслами въ умѣ—словомъ, тѣлесныя наказанія представляютъ столь много неудобствъ, столь мало достоинствъ, что, съ философской точки зрѣнія, они необходимо должны быть уничтожены“ (стр. 235).

шительно отрицаетъ разрушительное дѣйствіе этого наказанія на народную нравственность и на чувство чести въ наказываемомъ. Въ запискѣ своей онъ задается между прочимъ, ироническимъ вопросомъ, „можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ подъ розогъ съ безчестьемъ, а изъ тюрьмы съ честью выходитъ". А въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что перенесшіе тяжкое тѣлесное наказаніе иногда „чувствуютъ внутреннее облегченіе и укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія". Но лучшіе государственные люди того времени, какъ напримѣръ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ Д. А. Милютинъ держались совершенно иной точки зрѣнія [1]).

Великій Князь горячо привѣтствовалъ и поддержалъ гуманное начинаніе кн. Орлова. „Тѣлесныя наказанія, писалъ онъ въ своемъ офиціальномъ заключеніи по этому вопросу, составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей". Употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, по его мнѣнію, не достигаетъ цѣли: „ни жестокость тѣлесныхъ казней и наказаній, ни частое употребленіе ихъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а, напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній и неумѣренное употребленіе ихъ, безъ крайней въ томъ необходимости и безъ достаточнаго зрѣлаго обсужденія проступка виновнаго, могутъ ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія".

Поэтому онъ энергично настаивалъ на неотложности отмѣны наказаній плетьми и шпицрутенами, которыя въ сущности, какъ указывалъ кн. Орловъ, были не только жестокою пыткой, но и мучительною смертною казнью, такъ какъ наказаніе шпицрутенами весьма часто оканчивалось смертью преступника. Великій Князь предлагалъ узаконить отмѣну этихъ наказаній по военному и морскому вѣдомствамъ немедленно

---

[1]) Для характеристики того, какъ въ это время относились къ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ въ военной средѣ см. Морской Сборникъ 1862 г. т. 58. Апрѣль. Отд. „Современное обозрѣніе".

и не ожидая соотвѣтствующаго распоряженія по гражданскому вѣдомству.

Къ Великому Князю примкнули многіе сановники и 17 апрѣля 1863 года былъ подписанъ Императоромъ Александромъ II указъ „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ". Въ силу этого указа плети, шпицрутены, а также наложеніе клеймъ и штемпелей были отмѣнены. Розги были временно сохранены впредь до устройства мѣстъ заключенія. Лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ, были вовсе изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній встрѣчена была всеобщей радостью и одобреніемъ; единственно о чемъ многіе жалѣли, это о томъ, что не были уничтожены и розги.

Въ томъ же 1863 году была приведена въ дѣйствіе и другая весьма важная мѣра, облегчавшая возможность успѣшнаго проведенія въ жизнь Судебныхъ Уставовъ—были отмѣнены винные откупа, замѣненные какъ извѣстно акцизомъ.

Въ настоящее время намъ трудно представить себѣ какую роль играли винные откупа въ жизни провинціи. Правительство, нуждаясь въ деньгахъ, имъ всячески покровительствовало и закрывало глаза на различныя въ этой сферѣ злоупотребленія [1]); мѣстные администраторы, дѣйствуя по указаніямъ изъ Петербурга, а еще больше руководясь личной выгодой, ближе принимали къ сердцу интересы откупщиковъ, чѣмъ ввѣреннаго имъ населенія; о полиціи и говорить нечего,—она сплошь была на жалованьѣ. Такое отношеніе властей создавало виннымъ откупщикамъ и всему ихъ штату родъ экстерриторіальности,—это было государство въ государствѣ, съ которымъ приходилось считаться даже весьма вліятельнымъ людямъ.

Юридическое и фактическое положеніе винныхъ откуповъ совершенно не соотвѣтствовало принципу равенства всѣхъ передъ судомъ и закономъ, который представлялъ изъ себя одно изъ важнѣйшихъ основаній судебной реформы,—борьба съ ними новыхъ судовъ была неизбѣжна, а это обстоятельство въ высшей степени затруднило бы и безъ того тернистый путь, по которому предстояло идти судамъ, входившимъ какъ бы клиномъ въ старую губернскую систему.

[1]) См. Исторія Сената за двѣсти лѣтъ, т. IV, стр. 304.

Пожеланія замѣны откуповъ акцизомъ на вино раздавались не разъ изъ среды дворянства, въ такомъ же духѣ высказывалась и печать, кромѣ того правительство не было удовлетворено откупами и съ точки зрѣнія чисто фискальной; всѣ эти обстоятельства привели къ изданію въ концѣ 1860 года закона, которымъ съ 1 января 1863 года откупа уничтожались.

VII. Обсужденіе проектовъ Уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденіе Государемъ.

3 марта 1864 года комиссія при Государственной Канцеляріи закончила работы по составленію проектовъ Судебныхъ Уставовъ и на другой день, 4 марта, началось разсмотрѣніе ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ разсматривались и Основныя Положенія судебнаго преобразованія, т. е. сперва въ усиленномъ составѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ [1]), а затѣмъ въ Общемъ Собраніи.

Соединенные Департаменты посвятили проектамъ (считая и проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ) болѣе тридцати засѣданій въ теченіе марта, апрѣля, мая, іюня и іюля мѣсяцевъ, во время которыхъ подвергли ихъ весьма обстоятельному обсужденію, причемъ наибольшее вниманіе ихъ привлекли проекты уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ, наименьшее—проектъ мирового устава.

Журналъ Соединенныхъ Департаментовъ составляетъ 339 печатныхъ страницъ in folio, значительная часть которыхъ является рядомъ возраженій на представленныя министрами замѣчанія.

Исходное положеніе, которымъ руководились Департаменты, заключалось въ строгомъ слѣдованіи Основнымъ Положеніямъ судебнаго преобразованія. Обсужденію подвергались преимущественно второстепенные вопросы, частности и подробности ре-

---

[1]) Въ Соединенныхъ Департаментахъ участвовали: кн. Гагаринъ, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, гр. Панинъ, Мухановъ, Игнатьевъ, Кочубей, Хомутовъ, Литке, Бахтинъ, Норовъ, бар. Врангель, Замятнинъ (иногда не всѣ).

формы, что же касается мнѣній, кореннымъ образомъ противорѣчившихъ основнымъ началамъ, то они по большей части рѣшительно отвергались, какъ клонившіяся къ измѣненію направленія судебной реформы, окончательно одобреннаго Высочайшей властью.

Въ средѣ Департаментовъ громадное большинство вопросовъ не вызвало разногласій; напр., по уставу гражданскаго судопроизводства было всего четыре разногласія, изъ которыхъ главнѣйшее сосредоточилось сравнительно на мало существенномъ пунктѣ—могутъ ли быть повѣренными студенты и слушатели высшихъ учебныхъ заведеній.

Меньшинство (принцъ Ольденбургскій, гр. Панинъ, гр. Игнатьевъ, Мухановъ) признавало невозможнымъ допустить учащихся, не окончившихъ курса наукъ, къ исполненію обязанностей повѣреннаго, отъ котораго требуется, чтобы онъ изучилъ дѣло своего вѣрителя, слѣдилъ непрерывно за его производствомъ, являлся въ судъ представителемъ тяжущагося, подавалъ за него бумаги и въ защиту его велъ бы на судѣ словесное состязаніе съ противною стороною. Всѣ эти обязанности, меньшинство членовъ Соединенныхъ Департаментовъ признало за „совершенно не совмѣстимыя съ положеніемъ учащагося“, и поэтому предлагалось помѣстить въ уставѣ гражданскаго судопроизводства правило, что повѣренными не могутъ быть ученики, воспитанники и слушатели, продолжающіе учебный курсъ „доколѣ не окончатъ его, за исключеніемъ дѣлъ, въ коихъ они ходатайствуютъ за своихъ родителей, братьевъ и сестеръ“. Но большинство было не согласно съ такой точкой зрѣнія и находило, что если предлагаемое правило имѣетъ въ виду лишь однихъ учениковъ и воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, то неспособность ихъ быть повѣренными, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, достаточно опредѣлена правиломъ, по которому повѣренными не могутъ быть несовершеннолѣтніе, каковыми являются почти всѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Учениковъ, достигшихъ двадцати одного года, въ этихъ заведеніяхъ бываетъ весьма мало, и установлять для такихъ исключительныхъ случаевъ какое либо общее правило нѣтъ никакой надобности. Но было бы несправедливо распространить ограниченіе быть повѣренными на воспитанниковъ и слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, какъ то: университетовъ, медицинскихъ и

духовныхъ академій и т. п., и тѣмъ отнять у университетскихъ и академическихъ студентовъ, достигшихъ совершеннолѣтія, и вслѣдствіе того пользующихся полною самостоятельностію на судѣ, и признаваемыхъ закономъ способными для гражданской дѣятельности, право быть повѣренными не только по чужимъ дѣламъ, но даже по дѣламъ ихъ родственниковъ. Законодательная опека едва ли здѣсь умѣстна, еще менѣе она можетъ имѣть мѣста въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеннолѣтній студентъ, признаваемый способнымъ защищать въ судѣ свои интересы, отстраняется отъ обязанности повѣреннаго даже по дѣлу своихъ родныхъ, несмотря на то, что ему ближе всего извѣстны всѣ обстоятельства дѣла.

На статьи проекта устава уголовнаго судопроизводства было сдѣлано много замѣчаній министрами и едва ли не болѣе всѣхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ, вообще мало сочувствовавшимъ судебной реформѣ и въ особенности независимости судебной власти и отдѣленію ея отъ административной. Большинство этихъ замѣчаній клонилось къ существеннымъ измѣненіямъ и потому было рѣшительно отвергнуто единогласнымъ мнѣніемъ Департаментовъ. Такъ, П. А. Валуевъ предлагалъ уничтожить судебныхъ слѣдователей, возложивъ производство слѣдствій на мировыхъ судей или же, сохранивъ слѣдователей, оставить за ними весь ходъ важнѣйшихъ дѣлъ, начиная съ дознанія, менѣе же важныя дѣла всецѣло ввѣрить полиціи. Разбирая весьма обстоятельно приведенное предложеніе, Департаменты вполнѣ основательно замѣчали, что производство слѣдствія мировыми судьями едва ли можетъ быть успѣшно, ибо въ большинствѣ случаевъ они не будутъ обладать подлежащимъ юридическимъ образованіемъ и что, хотя въ Англіи и существуетъ такой порядокъ, но онъ не даетъ хорошихъ результатовъ. Кромѣ того, возложеніе на мирового судью обязанностей слѣдователя сдѣлаетъ эту должность болѣе безпокойной, что несомнѣнно оттолкнетъ отъ нея многихъ состоятельныхъ и уважаемыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Что же касается второго предложенія П. А. Валуева о порученіи слѣдствій полиціи, то Департаменты замѣчали, что судебные слѣдователи пользуются „въ общественномъ мнѣніи необходимымъ довѣріемъ, которымъ никогда не могли похвалиться полицейскіе чиновники“.

Проектъ устава уголовнаго судопроизводства устанавливалъ защиту на предварительномъ слѣдствіи, но Департаменты не согласились съ этимъ нововведеніемъ, такъ какъ находили, что въ этой стадіи процесса „трудно поставить защитника въ надлежащія границы, и нельзя не опасаться, что онъ сочтетъ своею обязанностью противодѣйствовать собранію обличительныхъ документовъ и способствовать обвиняемому въ сокрытіи слѣдовъ преступленія“ [1]).

Затѣмъ Департаменты обратили серьезное вниманіе на опасность публичнаго обсужденія нѣкоторыхъ противонравственныхъ дѣйствій. Не отрицая того, что публичность судебныхъ засѣданій есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и одно изъ главныхъ условій довѣрія общества къ суду, нельзя однако не признать, что публичность эта не должна быть распространяема на такія дѣла, „содержаніе коихъ оскорбляетъ самыя святыя чувствованія, служащія основаніемъ нравственности. Къ такимъ чувствованіямъ несомнѣнно принадлежитъ уваженіе къ родителямъ, составляющее залогъ семейнаго порядка и счастія. Неизмѣримо велика скорбь родителей, понесшихъ оскорбленіе отъ тѣхъ, кои обязаны имъ не только воспитаніемъ и повседневными о нихъ заботами, но и самымъ существованіемъ своимъ. Выставлять такую скорбь на показъ и допускать виновныхъ къ представленію публично оправданій, которыя могутъ имѣть видъ извѣтовъ на родителей и сопровождаться непочтительными въ отношеніи къ нимъ выраженіями, значило бы усугублять несчастіе родителей и воспроизводить предъ публикою возмутительную для нравственнаго чувства картину“. Равнымъ образомъ неудобно было бы подвергать публичному изслѣдованію и другія преступленія противъ правъ семейственныхъ (Улож. о Наказ. ст. 2118—2169), потому что для огражденія нравственной неприкосновенности домашняго очага не слѣдуетъ оглашать семейныхъ тайнъ, да и противно было бы нравственности и благо-

---

[1]) Вопросъ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи привлекалъ къ себѣ въ то время значительное вниманіе печати, такъ, напр., въ Русскомъ Инвалидѣ (въ 1864 г.) были помѣщены очень цѣнныя и обстоятельныя разсужденія на эту тему въ статьяхъ, посвященныхъ разбору окончательныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ. Русскій Инвалидъ высказывался за защиту на предварительномъ слѣдствіи, также какъ и составители многихъ замѣчаній на Основныя Положенія и на проекты.

пристойности открывать публичныя пренія о предметахъ весьма соблазнительнаго свойства. Наконецъ, должно замѣтить, что изъ разряда преступленій противъ общественной нравственности (Улож. о Наказ. ст. 1336—1360), не могутъ подлежать публичному разсмотрѣнію не только противоестественные пороки, но также развратное поведеніе вообще, а равно и сводничество.

Эти соображенія нельзя не признать совершенно основательными, ибо соблазнительныя темы конечно привлекли бы многочисленную публику въ залы судебныхъ засѣданій и доставляли бы крайне нездоровое развлеченіе, вызывая обостренную чувствительность въ сферѣ самаго интимнаго свойства. Къ проекту устава уголовнаго судопроизводства было приложено особое „наставленіе судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ о соображеніи силы судебныхъ доказательствъ", къ которому Департаменты отнеслись весьма несочувственно, очевидно усматривая въ немъ непріятный пережитокъ осужденнаго уже стараго порядка; они исходили изъ того соображенія, что такое постановленіе можетъ, съ одной стороны, стѣснять судей и присяжныхъ засѣдателей, а съ другой — дастъ имъ возможность съ крайней легкостью подводить случаи жизни подъ готовыя формулы, чѣмъ будетъ очень скоро уничтожена живая дѣятельность суда.

Большое вниманіе удѣлили Департаменты суду присяжныхъ, причемъ они подвергли, между прочимъ, строгой критикѣ и отклонили предложенное проектомъ правило, что въ случаѣ разномыслія между присяжными засѣдателями, они должны оставаться въ комнатѣ для совѣщаній не менѣе двухъ часовъ, признавая это постановленіе унизительнымъ для присяжныхъ. Совершенно основательно Департаменты замѣчали, что для добросовѣстныхъ людей такое стѣсненіе излишне, а для слабохарактерныхъ и готовыхъ подпасть подъ чужое вліяніе – вредно.

Охраняя достоинство суда присяжныхъ, Департаменты отмѣнили еще постановленіе проекта о предоставленіи суду права, если онъ признаетъ отвѣты присяжныхъ нелѣпыми, неполными или противорѣчивыми, отослать присяжныхъ къ новому совѣщанію.

Значительно меньше вниманія удѣлили Департаменты проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ. Прежде всего они категорически отвергли предложеніе П. А. Валуева объ учрежденіи въ столицѣ

мировыхъ судей не по выбору, а по назначенію отъ правительства, сославшись на то, что это предложеніе противорѣчитъ Основнымъ Положеніямъ и добавивъ, что принятіе его неудобно и потому, что оно можетъ быть истолковано, какъ „недовѣріе къ столичнымъ жителямъ и лишеніе ихъ того права, которое предоставляется всѣмъ прочимъ жителямъ Имперіи".

Затѣмъ Департаменты остановились на вопросѣ объ имущественномъ цензѣ мировыхъ судей и признали, что цензъ, предложенный проектомъ—100 руб. годового дохода съ недвижимости—крайне недостаточенъ. Департаменты признали необходимымъ, чтобы кандидаты въ мировые судьи или ихъ жены или родители владѣли имуществомъ: въ уѣздахъ, стоящимъ 15000 р., а въ городахъ—3000 рублей.

Послѣ мирового института Соединенные Департаменты болѣе всего занимались организаціей суда присяжныхъ, но никакихъ особенно существенныхъ измѣненій въ проектъ ими внесено не было.

Проектъ „устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ", подвергся весьма быстрому обсужденію, ему было посвящено всего лишь два засѣданія: 1 и 9 іюля [1]).

Вообще это былъ какъ бы пасынокъ среди Судебныхъ Уставовъ, ему удѣлялось весьма мало вниманія какъ въ сферахъ офиціальныхъ, такъ и въ обществѣ. Соединенные Департаменты занялись преимущественно редакціонной его стороной и небольшими примѣненіями наказаній, установленныхъ въ нѣкоторыхъ его статьяхъ, не внеся въ уставъ ничего особенно существеннаго [2]).

Изучая журналъ Соединенныхъ Департаментовъ о проектахъ Судебныхъ Уставовъ и сравнивая его съ журналомъ объ Основныхъ Положеніяхъ судебнаго преобразованія, нельзя не замѣтить сравнительной блѣдности перваго. Важнѣйшіе вопросы принципіальнаго характера разрѣшались при окончательной выработкѣ Основныхъ Положеній, когда и споры отличались значительною горячностью, а общее настроеніе членовъ Государственнаго Совѣта—большимъ подъемомъ. Совсѣмъ другое дѣло было теперь, при обсужденіи уже готовыхъ проектовъ; тутъ

[1]) Журн. Соед. Деп. по этому проекту составляетъ всего 24 печатныхъ страницы.

[2]) См. журн. Госуд. Совѣта по Суд. Уставамъ. Имп. Публ. Библ., іюля 18, шкафъ 235, полка 1, № 46.

была работа уже не творческая, а техническая, не провозглашеніе основныхъ началъ, а детальное обсужденіе всѣхъ подробностей судебной реформы. Но и здѣсь, въ этой сравнительно тусклой роли, Соединенные Департаменты оказались на должной высотѣ, они обнаружили отличное знаніе дѣла, ясное пониманіе существеннѣйшихъ сторонъ предстоящаго преобразованія и опредѣленное стремленіе охранить во всей чистотѣ важнѣйшія нововведенія, какъ напр., судъ присяжныхъ, мировой институтъ и проч.

Разсмотрѣніе проектовъ Судебныхъ Уставовъ въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта заняло всего лишь шесть засѣданій [1]) и носило очень бѣглый характеръ. Сравнительно большое вниманіе привлекъ къ себѣ лишь уставъ уголовнаго судопроизводства, но и тутъ обсужденіе коснулось лишь 26 пунктовъ, которые въ общей сложности не составятъ по объему и одной десятой части этого устава, что же касается содержанія возникшихъ преній и сдѣланныхъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта исправленій, то они относятся преимущественно до второстепенныхъ предметовъ. Выйдя изъ Соединенныхъ Департаментовъ, проекты Судебныхъ Уставовъ въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ подверглись весьма незначительнымъ и мало существеннымъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ былъ пройденъ длинный и трудный путь составленія Судебныхъ Уставовъ. Призванныя къ этому дѣлу лица внесли въ него много энергіи, настойчивости, знанія и любви, поэтому и работа ихъ оправдала самыя смѣлыя ожиданія и вызвала полное одобреніе громаднаго большинства современниковъ.

Въ памятный день 20 ноября 1864 года Императоръ Александръ Николаевичъ утвердилъ: 1) Учрежденіе Судебныхъ Установленій, 2) Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, 3) Уставъ Гражданскаго Судопроизводства и 4) Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, признавъ ихъ вполнѣ соотвѣтствующими его давнишнему желанію „водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно

[1]) 16, 18, 23, 25, 30 сентября и 2 октября.

быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго".

Указъ 20 ноября 1864 года, при которомъ препровождались новые законы для распубликованія, проникнутъ такой же вѣрою въ людей какъ и самые Уставы и заканчивался слѣдующими многознаменательными словами: „призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльнаго въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ общества, сословій и земства, нынѣ по волѣ Нашей на новыхъ основаніяхъ образуемаго" [1]).

VIII. Къ вопросу о дѣятеляхъ судебной реформы.

Судебной реформѣ особенно посчастливилось, надъ нею трудился цѣлый рядъ энергичныхъ, талантливыхъ и преданныхъ дѣлу лицъ, объединенныхъ единодушнымъ и горячимъ стремленіемъ къ водворенію правосудія въ родной землѣ. Изучая ихъ дружную работу, крайне трудно установить степень вліянія того или другого дѣятеля, воспроизвести въ точности роль, сыгранную каждымъ изъ нихъ.

До сихъ поръ память общественная не одинаково относилась къ „отцамъ Судебныхъ Уставовъ"; одни изъ нихъ прославлены по заслугамъ, какъ напримѣръ, Зарудный или Ровинскій, а другіе незаслуженно остаются въ тѣни и почти забыты, какъ напримѣръ, Бутковъ или кн. Гагаринъ [2]).—Такое отно-

[1]) Лица, участвовавшія въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, получили значительныя награды: чины, ордена и денежныя вознагражденія, такъ напр., Буцковскій—Владиміра 2 степени, Ковалевскій—Св. Станислава I степени, Побѣдоносцевъ и Ровинскій пожизненное прибавочное жалованье, первый 2.000 р., а второй 1.500 р. въ годъ; Книримъ и Принтцъ слѣдующіе чины и пожизненное прибавочное жалованье въ 1.000 р. и проч. (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 7431).

[2]) Кромѣ дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, для выясненія роли того или иного дѣятеля могутъ служить сочиненія, помѣщенныя въ нижеслѣдующемъ перечнѣ; списокъ этотъ примѣрный и отнюдь не претендующій на полноту.

Венгеровъ, С. „Источники словаря русскихъ писателей", т. I-й. Его-же. „Словарь русскихъ писателей". Его-же. „Русскія книги", т. III-й. Спб. 1898 г. Джаншіевъ, Г. „Эпоха великихъ реформъ". Его-же. „Первыя страницы въ исторіи судебной реформы

шеніе представляетъ собою полную несправедливость и ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Судебныхъ Уставовъ своевременно напомнить хотя бы о нѣкоторыхъ изъ дѣятелей этой великой реформы, которые еще ожидаютъ справедливаго суда исторіи. Прежде всего недостаточно оцѣнена роль самого Императора Александра Николаевича. Въ трудахъ, посвященныхъ Его царствованію, обыкновенно отводится первое мѣсто освобожденію крестьянъ и отмѣчается болѣе или менѣе обстоятельно личное участіе Царя Освободителя преимущественно въ этой великой реформѣ.

Ни С С. Татищевъ, посвятившій изученію жизни и дѣятельности Императора Александра II два огромныхъ тома, въ которыхъ собранъ дѣйствительно богатый матеріалъ, ни другіе изслѣдователи не выясняютъ сколько нибудь обстоятельно степени Его участія въ ходѣ судебнаго преобразованія, тогда какъ это участіе было весьма значительно.

Выше уже неоднократно упоминалось о постоянномъ стремленіи Императора Александра II къ уничтоженію произвола и водворенію законности, которое и служило исходной точкой его отношенія къ судебному преобразованію. Такое настроеніе Государя представляло изъ себя внушительное указаніе линіи

въ Россіи". 1862—1867 г.г. („Русская Старина", 1885 г., т. XLVII, стр. 482—494). Его-же. „Страница изъ исторіи судебной реформы". М. 1883 г. Его-же. „С. И. Зарудный и судебная реформа". М. 1889 г. гл. VI. Его-же. Біографическій очеркъ Б. въ V т. „Критико-біогр. словаря Венгерова". Его-же. „Основы судебной реформы". 1891 (гл. VI). Его-же. „Нашъ судъ присяжныхъ и его критика". Его-же. („Русская мысль", 1890 г. № 5, стр. 63). „Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ" („Вѣстникъ Европы". 1889 г., XII, стр. 476—507). Дылевскій. „Іосифъ Симашко". Ковалевскій, Е. П. „Графъ Блудовъ и его время". Кони, А. Ѳ. Н. А. Буцковскій („Главные дѣятели судебной реформы". Прилож. къ Вѣстн. Самообразованія изд. „Брокгаузъ и Ефронъ", 1904 г.). Его-же. „Очерки и воспоминанія". Мюнстеръ. „Портретная галлерея русскихъ дѣятелей". Tourgueneff, N. La Russie et les Russes". „Вѣстникъ Европы". 1896 г. № 10. „Историческій Вѣстникъ" 1891 г. авг., стр. 524. 1894 г. май, стр. 581. 1895 г. іюль, стр. 243. 1896 г. № 7 и 9. 1900 г. сент., стр. 1150. „Журн. Гражданскаго и Уголовнаго права". 1881 г. № 6 и 1882 г. № 9 (рѣчь Н. И. Стояновскаго). „Журн. Мин. Юстиціи". XXVIII, ч. 2, стр. 600 и 1895 г. № 12, стр. 196 (Изъ воспоминаній Д. Б. Бера). „Русскій Архивъ". Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1873 г. Г. И. Геннади. 1875 г. № 12, стр. 461—468. 1885 г. № 8, стр. 493 (статья Левшина). „Русская Старина". 1894 г. „Изъ воспоминаній А. А. Харитонова". 1895 г. „Записки В. А. Инсарскаго". № 3, 4, 7—9. 1888 г. №№ 2 и 9. 1890 г. № 2. „Биржевыя Вѣдомости". 1873 г. № 260. „Голосъ"—1868 г. „О прежней службѣ сенаторовъ Кассаціонныхъ Деп. Сената". № 161. 1873 г. № 268. „Гражданинъ". 1874 г. № 3, стр. 84 и 85. „Иллюстр. Недѣля". 1873 г. № 42. „Календарь Гатцука" на 1874 г. „Петербургскія Вѣдомости". 1873. № 267. „Русскій Міръ". 1873 г. № 257. „Словари Клюшникова и Березина".

поведенія многимъ сановникамъ, побуждая ихъ на сочувствіе этому дѣлу.

Полное и искреннее одобреніе Императора Александра II, которое встрѣтили Блудовскіе проекты 1857 и 1859 г.г., предлагавшіе уже капитальныя измѣненія нашего судебнаго обихода, давало возможность дальнѣйшей спокойной и смѣлой работѣ, открывало перспективу еще болѣе радикальныхъ измѣненій.

Государь охотно поддерживалъ Блудова и вполнѣ цѣнилъ его энергическія усилія къ проведенію судебной реформы, а когда состоялось освобожденіе крестьянъ, потребовавшее много труда и усилій отъ самого Императора Александра II, и Положеніе 19 февраля 1861 г. стало успѣшно приводиться въ дѣйствіе, то Онъ началъ еще болѣе интересоваться дѣломъ судебной реформы, что, конечно, заставляло торопиться работавшихъ надъ ней лицъ.

Вполнѣ раздѣляя взгляды огромнаго большинства своихъ подданныхъ на старый судебный строй и на необходимость коренаго его измѣненія, Онъ настойчиво поддерживалъ Буткова, внимательно слѣдилъ за всѣми перипетіями подготовительныхъ работъ, и неоднократно старался ихъ ускорить, требуя чтобы тѣ или иныя дѣйствія производились въ весьма короткіе, Имъ Самимъ опредѣлявшіеся сроки, причемъ не разъ подтверждалъ Свою волю о скорѣйшемъ приведеніи судебнаго преобразованія „къ желанному окончанію“. Мысль о реформѣ судебнаго строя не оставляла Императора Александра II даже въ тяжелую годину польскаго возстанія, когда естественно главное вниманіе русскихъ людей сосредоточивалось на Польшѣ и возможныхъ дипломатическихъ осложненіяхъ съ нѣкоторыми западно-европейскими державами.

Когда Уставы были утверждены, и настала пора приводить ихъ въ исполненіе, Провидѣнію угодно было послать Россіи тяжелое испытаніе. За нѣсколько дней до открытія новыхъ судебныхъ учрежденій раздался злодѣйскій выстрѣлъ Каракозова, послужившій сигналомъ для нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ охранителей громко заговорить противъ этой и другихъ либеральныхъ реформъ. Раздались голоса за отсрочку открытія новыхъ судовъ. Но Императоръ Александръ Николаевичъ хорошо понималъ безусловную необходимость проведенія въ жизнь Судебныхъ Уставовъ и открытіе столичныхъ судеб-

ныхъ учрежденій не было отсрочено, причемъ состоялось по желанію Государя съ полною торжественностью. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Онъ посѣтилъ приготовленное въ Петербургѣ зданіе для судебныхъ установленій и сказалъ будущимъ судебнымъ дѣятелямъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, призывая ихъ на вѣрное служеніе великому дѣлу правосудія [1]), правильному ходу котораго Онъ всегда придавалъ громадное значеніе. „И такъ въ добрый часъ, начинайте благое дѣло", заключилъ свое обращеніе Государь. Дѣятели призванныхъ къ жизни Императоромъ Александромъ Николаевичемъ судовъ не забыли Его Великой заслуги въ дѣлѣ водворенія правосудія; въ ихъ сознаніи имя Александра II навсегда неразрывно было связано съ однимъ изъ славнѣйшихъ памятниковъ Его Царствованія— Судебными Уставами 20 ноября 1864 года. Выразителями общаго настроенія явились московскія и нѣкоторыя другія судебныя установленія, вслѣдствіе ходатайства которыхъ состоялся 17 апрѣля 1884 года Высочайшій указъ о присвоеніи Судебнымъ Уставамъ Имени Императора Александра II.

Весьма большія услуги дѣлу судебнаго преобразованія оказалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, хотя непосредственно онъ почти не принималъ участія въ этой реформѣ. Проникнутый стремленіемъ къ законности и человѣчности не менѣе своего старшаго брата, онъ еще въ первые годы новаго царствованія провелъ по своему вѣдомству рядъ мѣръ, которыя по справедливости могутъ быть названы предвѣстниками судебной реформы, такъ какъ ими устанавливался совершенно новый гуманный взглядъ на подсудимаго [2]).

Эта новая точка зрѣнія была хорошо выражена слѣдующими строками одного изъ Высочайшихъ повелѣній, состоявшагося по представленію генералъ-адмирала: „лица, состоящія подъ слѣд-

---

[1]) Любопытно отмѣтить, какъ внимательно и осторожно относился Александръ II къ дѣламъ, относящимся до судебной реформы. Въ виду неуказанія порядка распредѣленія членовъ судовъ и палатъ по отдѣленіямъ, министръ юстиціи Замятнинъ предложилъ, чтобы распредѣленіе предварительно производилось судами, но съ утвержденія министра юстиціи. Государь велѣлъ разсмотрѣть это предположеніе въ Совѣтѣ Министровъ, а затѣмъ, по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ, велѣлъ надлежащую записку внести въ комитетъ Высочайше утвержд. для разсмотрѣнія вопросовъ по судебному преобразованію. Сен. Арх. Всепод. записки мин. юстиціи. 1866 г., л. 108, помѣтка рукою Замятнина.

[2]) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в.в. Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Біографическій очеркъ.

ствіемъ и судомъ, доколѣ не будутъ обвинены, не суть еще преступники и посему могутъ быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности. Во всякомъ случаѣ обращеніе съ ними должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ". Въ 1855 году при аудиторіатскомъ департаментѣ была образована особая комиссія для переработки правилъ и наблюденія за скорѣйшимъ рѣшеніемъ судныхъ дѣлъ и объ отчетности въ ихъ производствѣ. Съ цѣлью возможнаго ускоренія и сокращенія переписки 22 декабря 1858 года отмѣнены были нѣкоторыя судебныя обрядности и установлены новыя правила письмоводства въ судахъ.

Наконецъ, въ военно-морской судъ внесено было до извѣстной степени начало гласности. По распоряженію Великаго Князя, явившемуся важнымъ нововведеніемъ, наиболѣе интересныя изъ морскихъ судебныхъ дѣлъ стали оглашаться во всеобщее свѣдѣніе на страницахъ „Морского Сборника".

Но всѣ эти мѣропріятія не измѣняли основныхъ началъ стараго военно-морского судопроизводства и поэтому, естественно, не могли привести къ существенному его улучшенію. Видя единственный исходъ изъ прежняго неудовлетворительнаго положенія военно-морского суда въ коренной реформѣ его, Великій Князь учредилъ въ іюлѣ 1857 г. при аудиторіатскомъ департаментѣ особый комитетъ по пересмотру свода морскихъ уголовныхъ постановленій, поручивъ ему составить проектъ морского суднаго устава на новыхъ, современныхъ началахъ. Если мы припомнимъ хронологическія данныя хода судебной реформы, то поймемъ все значеніе, которое имѣли начинанія Великаго Князя Константина Николаевича для укрѣпленія идеи о коренномъ судебномъ преобразованіи на основаніи началъ, принятыхъ лучшими западно-европейскими законодательствами. Эти новыя для Россіи начала суда оказались недостаточно извѣстными членамъ комитета и для успѣха ихъ работъ Великій Князь призналъ необходимымъ прежде всего собрать матеріалы за границей; съ этой цѣлью генералъ-аудиторъ флота, П. Глѣбовъ, былъ командированъ въ 1858 году во Францію и позднѣе, въ 1860 г. юрисконсультъ Морского Министерства Варрандъ — въ Англію. Результатомъ командировки Глѣбова былъ составленный имъ, примѣнительно къ судебнымъ учрежденіямъ Франціи, проектъ устава морского судоустройства и судо-

производства, въ основу которыхъ положены были самостоятельность судей, принципы обвинительнаго процесса, устность, гласность и пр.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1880 г. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, справедливо гордясь своимъ содѣйствіемъ великой реформѣ 1864 г., замѣтилъ, что проектъ военно-морского судебнаго устава 1860 г. много содѣйствовалъ принятію рѣшенія подвергнуть наше судоустройство и судопроизводство коренному преобразованію.

Дѣйствительно, этотъ проектъ, напечатанный въ 1860 г. за два года до утвержденія Основныхъ Положеній преобразованія судебной части въ Россіи, тотчасъ же былъ разосланъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, судебнымъ чинамъ (предсѣдателямъ судебныхъ палатъ и губернскимъ прокурорамъ), а также юристамъ, профессорамъ университетовъ. Въ слѣдующемъ же году Морское Министерство напечатало два тома „Отзывовъ и замѣчаній разныхъ лицъ на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ". Онъ имѣлъ весьма важное значеніе въ общемъ ходѣ судебной реформы, такъ какъ настойчиво проводилъ мысль о коренномъ преобразованіи старыхъ морскихъ судовъ, раздѣлявшихъ весьма многіе недостатки общихъ судебныхъ мѣстъ, на началахъ несмѣняемости судей, устности и гласности судопроизводства и пр.

Великій Князь, выйдя, въ сущности говоря, изъ области подлежащихъ его непосредственному вѣдѣнію вопросовъ морского управленія, своимъ проектомъ смѣло поставилъ на очередь общую судебную реформу. Всѣ поняли значеніе этого шага и большинство восторженно привѣтствовало его проектъ, какъ „зарю прекрасной будущности для Россіи". Нѣкоторые находили неудобнымъ преобразовать морскіе суды, оставивъ въ общихъ судахъ всю прежнюю систему; но многіе поддерживали такую частную реформу, въ увѣренности, что „введеніе морского проекта въ дѣйствіе неминуемо повлечетъ коренное преобразованіе всего судопроизводства и судоустройства, какъ военнаго, такъ и гражданскаго". Морское вѣдомство,—писалъ К. П. Побѣдоносцевъ—хочетъ положить начало, показать примѣръ на практикѣ. „Благослови Боже это благое начинаніе морского вѣдомства". И дѣйствительно работы морского вѣдомства надъ преобразованіемъ своихъ судовъ имѣли большое показательное

значеніе, подготовляя умы къ общему судебному преобразованію: это была своего рода пропаганда новыхъ идей въ сферѣ судебнаго права, энергически руководимая роднымъ братомъ Государя при помощи талантливаго генералъ-аудитора флота Глѣбова.

Такимъ образомъ, хотя Великій Князь, отвлеченный польскими дѣлами и другими обстоятельствами, и не принималъ значительнаго участія въ постройкѣ новаго храма правосудія, но зато сдѣлалъ очень многое для расчистки подъ него почвы [1]).

Кромѣ Государя и Великаго Князя Константина Николаевича въ средѣ Царской Фамиліи было еще одно лицо, грубоко сочувствовавшее судебной реформѣ — это Великая Княгиня Елена Павловна (вдова Великаго Князя Михаила Павловича), которая сумѣла стать въ уровень съ вѣкомъ и понять неотложныя нужды Россіи; въ минуты колебанія и раздумья она поддерживала словомъ и совѣтомъ своего Царственнаго Племянника. Этой замѣчательной женщинѣ Россія многимъ обязана.—Она постоянно содѣйствовала всѣми доступными ей способами и средствами великимъ преобразованіямъ эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка, выдвинула и рекомендовала немало талантливыхъ людей. Памятникомъ непосредственнаго ея интереса къ судебной реформѣ осталось письмо лейпцигскаго профессора Вехтера, представлявшее собою обстоятельное мнѣніе о предстоящемъ судебномъ преобразованіи, съ разборомъ Основныхъ его Положеній, написанное по желанію Великой Княгини.

Великая Княгиня Елена Павловна отлично сознавала все значеніе новыхъ судовъ для Россіи и поэтому вмѣстѣ съ широкими кругами населенія скорбѣла, когда имъ угрожала какая либо опасность. Такъ, напримѣръ, она очень волновалась послѣ ухода Замятнина, боясь, что мѣсто его займетъ незнакомый съ дѣломъ, и вообще не подходящій человѣкъ, и на этомъ основаніи радовалась, когда графъ Паленъ сперва отказался отъ должности министра юстиціи, такъ какъ по прежней своей службѣ и дѣятельности онъ былъ совершенно неподготовленъ къ предназначенной ему роли [2]).

---

[1]) Морской Сборникъ 1862 г. т. 58. „Отчетъ по военно-судной части морского вѣдомства за 1861 годъ, предст. флота генералъ-аудиторомъ Глѣбовымъ“ и Павловъ-Сильванскій — „Очерки по русской исторіи въ XVIII и XIX в. в.“ Велик. Кн. Константинъ Николаевичъ, стр. 317—322.

[2]) Изъ неизданныхъ записокъ Б. Н. Чичерина.

Едва ли есть надобность распространяться о заслугахъ гр. Д. Н. Блудова въ дѣлѣ судебнаго преобразованія, такъ какъ онѣ уже отчасти выяснены выше. Можно поистинѣ удивляться энергіи этого престарѣлаго государственнаго человѣка, который, несмотря на свои семьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ, продолжалъ горячо интересоваться дѣломъ насажденія правосудія и руководить составленіемъ первоначальныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ. Прослуживъ очень долгое время въ эпоху совершенно неблагопріятную какому либо поступательному развитію, въ эпоху, когда заботились преимущественно о поддержаніи твердой и сильной власти и мало интересовались вопросами правомѣрности и человѣчности, онъ сумѣлъ до старости сохранить живую струю въ душѣ своей и цѣнную способность усваивать новыя идеи и новыя понятія. Когда же́ судьба на смѣну ему привела къ великому дѣлу судебной реформы новыхъ людей, болѣе молодыхъ, которымъ поэтому легче было рѣшительнѣе пойти на встрѣчу общественнымъ пожеланіямъ и придать болѣе радикальный курсъ начатымъ при немъ работамъ, то онъ, чуждый мелкихъ побужденій, не только не тормозилъ и не препятствовалъ полезной дѣятельности своихъ преемниковъ, но относился къ ней съ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Если роль Блудова въ ходѣ судебнаго преобразованія до настоящаго времени вызывала въ литературѣ разногласія, такъ какъ многими отрицалось и самое значеніе производившихся подъ его наблюденіемъ работъ, то роль его преемника по руководству составленіемъ Судебныхъ Уставовъ—Буткова всѣми одинаково оцѣнивается.

Такіе весьма разнообразные во всѣхъ отношеніяхъ люди, какъ съ одной стороны Н. И. Стояновскій и А. Ѳ. Кони, а съ другой—князь В. П. Мещерскій и Викторъ Фуксъ—единодушно отмѣчаютъ вліяніе и авторитетъ Буткова въ дѣлѣ судебной реформы.

Владиміръ Петровичъ Бутковъ не получилъ широкаго образованія, но ясный, быстро схватывающій сущность всякаго дѣла умъ, энергія, пріобрѣтенный на продолжительной и разнообразной службѣ опытъ и, наконецъ, выдающееся умѣніе, можно сказать талантъ выбирать людей, дѣлали изъ него недюжиннаго государственнаго дѣятеля. Свѣтскій, необычайно пріятный въ обращеніи человѣкъ, обладавшій огромнымъ житейскимъ тактомъ и умѣвшій цѣнить своихъ даровитыхъ сотрудниковъ, онъ какъ

нельзя болѣе подходилъ для руководства сложными работами надъ судебнымъ преобразованіемъ. Въ то же время Бутковъ обладалъ счастливымъ даромъ отличнаго докладчика, что было весьма важно въ виду выпавшей на него доли служить посредникомъ между Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и составителями Судебныхъ Уставовъ. Среди ряда достоинствъ Буткова, какъ государственнаго человѣка, необходимо отмѣтить одно весьма цѣнное качество, которое раздѣляли съ нимъ и нѣкоторые другіе дѣятели той славной эпохи (какъ напримѣръ Замятнинъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской)—это отсутствіе страха, что талантливые помощники могутъ оказаться ему конкурентами, затмить его собственную дѣятельность. Чуждый такой малодушной боязни и мелкаго самолюбія, онъ охотно слѣдовалъ въ дѣлѣ судебнаго преобразованія указаніямъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, лучше его образованныхъ и лучше подготовленныхъ къ разработкѣ сложныхъ вопросовъ судебнаго права.

Изучая дружную и солидарную дѣятельность большой группы лицъ очень трудно установить, что сдѣлано каждымъ изъ нихъ, и отдѣлить работу ея главы и руководителя отъ прочихъ членовъ. Въ такомъ именно положеніи мы оказываемся, выясняя роль Буткова при разработкѣ въ Государственной Канцеляріи сперва основныхъ началъ судебнаго преобразованія, а затѣмъ и проектовъ Судебныхъ Уставовъ. Но есть одно несомнѣнное положеніе, что успѣшная дѣятельность комиссіи, особенно многолюдной, находится въ тѣсной зависимости отъ ея организаціи и направленія работъ; въ данномъ случаѣ и организація и направленіе были очень хороши, поэтому и дѣятельность была весьма успѣшна. Бутковъ, повидимому, отлично понималъ, что нужно ковать желѣзо пока оно горячо, нужно торопиться, пока въ правящихъ сферахъ было достаточное количество убѣжденныхъ сторонниковъ коренного судебнаго преобразованія, въ этомъ направленіи на него воздѣйствовали и ближайшіе сотрудники и, прежде всего, С. И. Зарудный.

Энергическая настойчивость Буткова сыграла большую роль въ ходѣ судебнаго преобразованія,—по авторитетному мнѣнію Стояновскаго, хорошо знавшаго людей и отношенія того времени, а также всю обстановку, въ которой составлялись и обсуждались Судебные Уставы—безъ Буткова и его умѣнія „устра-

нять препятствія, неоднократно встрѣчавшіеся при разсмотрѣніи новыхъ началъ, внесенныхъ въ Судебные Уставы—утвержденіе ихъ въ томъ видѣ какъ оно состоялось и обращеніе къ исполненію могло бы значительно замедлиться", а замедленіе какъ извѣстно нерѣдко оказывается „смерти невозвратной подобно". Такимъ образомъ заслуги Буткова весьма серьезны и можно быть увѣреннымъ, что исторія ихъ не забудетъ.

Среди лицъ, поработавшихъ надъ судебной реформой, видная роль выпала на долю кн. П. П. Гагарина, который вошелъ къ Государю съ докладомъ о порученіи Государственной Канцеляріи изложить соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ „несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должна быть преобразована судебная часть въ Имперіи", а затѣмъ предсѣдательствовалъ въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта при обсужденіи Основныхъ Положеній судебнаго преобразованія и въ обоихъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта (Соединенныхъ Департаментахъ и Общемъ Собраніи) при обсужденіи составленныхъ комиссіей проектовъ Уставовъ.

Изслѣдователи эпохи шестидесятыхъ годовъ по большей части останавливаются на указанномъ докладѣ, но почти не упоминаютъ о значеніи кн. Гагарина, какъ предсѣдателя; едва ли такое отношеніе можетъ быть названо правильнымъ, такъ какъ умѣлое и доброжелательное его руководство засѣданіями Государственнаго Совѣта принесло большую пользу дѣлу судебной реформы. Нельзя не отмѣтить, что онъ былъ хорошо подготовленъ къ выпавшей ему роли. Продолжительная служба оберъ-прокуроромъ Сената, затѣмъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, личное знакомство со всѣми деталями старыхъ порядковъ во время произведенной имъ ревизіи Астраханской губерніи и постоянный интересъ къ юридическимъ вопросамъ сдѣлали его очень опытнымъ и отлично понимавшимъ неотложныя задачи правосудія государственнымъ человѣкомъ. Предсѣдательствуя въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ много содѣйствовалъ полному выясненію важнѣйшихъ началъ судебнаго преобразованія, обстоятельному и глубокому ихъ обсужденію и основательной разработкѣ необходимыхъ подробностей; при разсмотрѣніи проектовъ онъ строго охранялъ неприкосновенность

великихъ принциповъ, которые были положены въ ихъ основаніе и много способствовалъ единству и стройности судебной реформы.

Когда Судебные Уставы стали проводиться въ жизнь и встрѣтили во многихъ администраторахъ и нѣкоторой части правящей среды недоброжелательное къ себѣ отношеніе, то кн. Гагаринъ не только продолжалъ вѣрить въ нихъ, но и старался посильно ограждать этотъ законодательный актъ отъ попытокъ, клонившихся къ его искаженію.

Среди составителей Судебныхъ Уставовъ особенно видное мѣсто принадлежитъ С. И. Зарудному, дѣятельность котораго уже давно справедливо оцѣнена всѣми, кто занимался изученіемъ эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Зарудный много и серьезно потрудился для осуществленія своей любимой мысли о коренномъ судебномъ преобразованіи, онъ стоялъ у этого дѣла съ самаго его возникновенія, а въ важнѣйшій періодъ работы, исправляя должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, былъ центромъ и душой всей его организаціи. Отлично знакомый съ вопросами судоустройства и процесса, Зарудный пользовался огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на Буткова и кн. Гагарина. Обладая замѣчательной энергіей и трудолюбіемъ, онъ работалъ не только цѣлые дни, но нерѣдко и ночи, а въ комиссіяхъ горячо спорилъ и страстно отстаивалъ свои мнѣнія, клонившіяся обыкновенно къ возвышенію судебной власти и развитію важнѣйшихъ принциповъ предстоящей реформы. Многія высказанныя имъ положенія повліяли на выработку основныхъ началъ судебнаго преобразованія, а затѣмъ и статей Уставовъ, а нѣкоторыя перешли въ Судебные Уставы цѣликомъ, какъ напримѣръ, по поводу порядка собиранія въ судѣ голосовъ, о присяжныхъ повѣренныхъ и проч.—Заслуги Заруднаго привлекли къ нему общее уваженіе, работавшихъ рядомъ съ нимъ лицъ, начиная съ Буткова, который 22 ноября 1864 года препроводилъ ему первый экземпляръ Судебныхъ Уставовъ „какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ осуществленіемъ“.

По окончаніи работъ по судебному преобразованію Зарудный привелъ въ порядокъ и систематизировалъ огромное количество матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи состави-

телей Судебныхъ Уставовъ и изготовилъ имъ опись, благодаря чему значительно облегчилось пользованіе этими документами, имѣющими необычайную цѣнность для изученія исторіи русской государственности и вообще эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Работами Джаншіева и другихъ изслѣдователей роль Зарудnаго въ дѣлѣ судебной реформы достаточно выяснена и заслуги его хорошо извѣстны широкому кругу читающей публики; въ такомъ счастливомъ какъ онъ положеніи находятся еще лишь двое „отцовъ Судебныхъ Уставовъ“ — Буцковскій и Ровинскій, которымъ посвящаетъ рядъ интересныхъ страницъ въ своихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони, сумѣвшій оживить передъ нами этихъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка, отдавшихъ на служеніе великому дѣлу судебной реформы всѣ силы своего недюжиннаго ума, огромной эрудиціи и выдающагося трудолюбія.

Большая же часть лицъ, работавшихъ надъ судебнымъ преобразованіемъ, даже такихъ видныхъ, какъ напримѣръ, Побѣдоносцевъ, Плавскій, Даневскій, ждетъ еще любящей руки, которая бы вскрыла и разъяснила заслуги каждаго изъ нихъ, для сохраненія вѣчной памяти благодарнаго потомства объ этой замѣчательной плеядѣ дѣятелей, создавшихъ твердый фундаментъ для водворенія въ Россіи правового строя.

IX. Отношеніе современниковъ къ судебной реформѣ.

Изданіе Судебныхъ Уставовъ вызвало полное удовлетвореніе въ широкихъ кругахъ населенія, недовольныхъ почти не было; даже изъ славянофильскаго лагеря, откуда слышались отрицательные отзывы на Основныя Положенія судебнаго преобразованія, теперь раздались сочувственныя слова. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія новыхъ судовъ И. С. Аксаковъ удостовѣрялъ, что „едва ли какое преобразованіе, кромѣ уничтоженія крѣпостного права, такъ быстро принялось на нашей почвѣ, такъ быстро пустило корни въ народное, именно въ

народное и даже простонародное сознаніе, какъ новыя судебныя учрежденія". „Правый судъ, судъ самостоятельный, независимый и равный для всѣхъ призванъ обновить русскую жизнь во всѣхъ ея отправленіяхъ, государственныхъ, соціальныхъ, бытовыхъ и поднять общій уровень народной нравственности; одно изъ величайшихъ достоинствъ новаго гласнаго уголовнаго судопроизводства состоитъ въ томъ, что противорѣчіе закона съ нравственными понятіями общества, съ требованіями общественной совѣсти уже не можетъ, какъ прежде, укрываться во тьмѣ судейскихъ и административныхъ порядковъ, а выступаетъ на свѣтъ дневной, колетъ глаза нестерпимою яркостью правды".

Близкій Аксакову по духу человѣкъ, профессоръ Лешковъ съ удовлетвореніемъ отмѣчалъ, что Судебные Уставы воскресили, въ сущности говоря, нашъ самобытный судъ, которымъ судились еще древніе славяне, дополнивъ его выработанными на западѣ формами, а не принципами, такъ какъ принципы обвинительнаго процесса всегда были присущи русскому народу [1]).

Но самымъ яркимъ выразителемъ общественнаго настроенія и общественнаго отношенія къ судебной реформѣ явился Катковъ, помѣстившій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" рядъ восторженныхъ статей объ этомъ преобразованіи. „Немного изъ того, что свершилось прежде, говоритъ онъ въ одной изъ нихъ, и немногое изъ того, что намъ обѣщаетъ впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться по важности и значенію съ этимъ великимъ преобразованіемъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство, и его впервые получаетъ теперь Россія. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь совершенно новое начало, которое положитъ явственную грань между прошлымъ и грядущимъ, и которое не замедлитъ отозваться во всемъ. Дѣйствіе его не ограничится сферою собственно судебныхъ установленій; какъ стихія, она разольется повсюду и всему дастъ новый видъ, новую силу, новое значенье... Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силою. Судъ независимый

[1]) Юридическая газета. 1866 г.; ср. также статью Лякуба, Судебная газета. 1890 г., № 14.

и самостоятельный, не подлежащій административному контролю, возвыситъ и облагородитъ общественную среду“ [1]).

Катковъ называлъ Судебные Уставы „драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ“ и высказывалъ полную увѣренность, что „исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи“. Въ такомъ же духѣ высказывались и другіе публицисты, находившіе, что Судебные Уставы представляютъ изъ себя превосходную обработку лучшихъ юридическихъ теорій, приспособленныхъ для потребностей русскаго быта и русской жизни [2]).

Академикъ Никитенко считалъ Судебные Уставы „великолѣпнымъ монументомъ“ и правильно оцѣнивалъ ихъ значеніе, какъ оплота законности въ русской жизни [3]). Лучшія силы молодой Россіи, стремились служить въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ—это прекрасно свидѣтельствовало объ отношеніи общества къ только что изданному законодательному акту. Такіе взгляды и такія чувства къ судебной реформѣ совершенно понятны и вполнѣ естественны, такъ какъ по справедливому выраженію Н. В. Муравьева, „Судебные Уставы даровали Россіи итогъ того, до чего въ теченіе цѣлыхъ столѣтій додумалось человѣчество въ области правосудія [4])“. Интересно, что послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, такъ же, какъ и послѣ изданія

---

[1]) Московскія Вѣдомости. 1866 г. № 86.

[2]) На эту сторону реформы многіе обращали вниманіе; см. напр. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 310, изд. 1872 г.

[3]) „Въ этомъ же 1864 году была проведена судебная реформа; лучшія силы молодой Россіи стремились служить въ этомъ вѣдомствѣ, которое сразу пріобрѣло уваженіе и довѣріе общества. И оно его заслуживало. Первые юридическіе дѣятели, создавшіе нашъ судъ, могли по справедливости сравняться съ мировыми посредниками перваго призыва, сумѣвшими осуществить по всему пространству Россіи упраздненіе крѣпостного права. Люди явились тогда. Они вѣрили въ свое дѣло и въ жизненность его и примѣняли свои знанія на созидательной работѣ, которая, какъ бы она ни заключала въ себѣ детальныхъ неизбѣжныхъ ошибокъ, остается какъ памятникъ ихъ вѣрно направленныхъ стремленій“. Мои воспоминанія. Е. А. Нарышкиной, стр. 242. Другой современникъ говоритъ: „зрѣлые люди и юношество высшихъ учебныхъ заведеній устремились на новое поприще, одушевленные однимъ желаніемъ правосудія и пользы отечества“. Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія, стр. 14.

[4]) Показателемъ общественнаго интереса къ Судебнымъ Уставамъ и созданному ими новому судебному строю могутъ служить довольно многочисленные проекты частныхъ лицъ о различныхъ дополненіяхъ, улучшеніяхъ или просто о наилучшемъ проведеніи въ жизнь положеній, высказанныхъ Уставами; таковы, напр., проектъ генералъ-адъютанта Огарева о подготовкѣ присяжныхъ повѣренныхъ — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 5838, проектъ академика Жуковскаго объ измѣненіи порядка избранія мировыхъ судей въ Петербургѣ. Тамъ-же, дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 5826 и др.

Основныхъ Положеній, раздались голоса о томъ, что новымъ учрежденіямъ будетъ не легко дѣйствовать среди старыхъ, созданныхъ еще въ Екатерининское время и отражающихъ совершенно другія идеи и взгляды, что неизбѣжны тренія и столкновенія [1]).

Останавливаясь на отдѣльныхъ положеніяхъ Судебныхъ Уставовъ, печать прежде всего съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчала отдѣленіе судебной власти и независимость ея отъ администраціи, въ чемъ она справедливо усматривала „самое существенное условіе правильнаго суда". „Безъ полной независимости отъ администраціи, писалось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", наше новое судоустройство не могло бы имѣть силы, какъ бы ни было обставлено и въ какія бы формы не облекалось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ" [2]).

Особенное сочувствіе вызывалъ мировой институтъ [3]) и судъ присяжныхъ, въ которомъ видѣли живую общественную силу и лучшую гарантію гражданской свободы [4]).

Новыя правила судопроизводства всѣ находили крайне простыми и понятными для каждаго и особенную надежду возлагали на гласность и публичность, въ нихъ видѣли серьезное обезпеченіе для правдиваго суда, независимо даже отъ личныхъ качествъ самихъ судей. Поэтому къ сохраненію публичности во вновь открытыхъ судахъ относились крайне ревниво „Правда ли", писалось въ серединѣ 1866 года въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ, начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно

---

[1]) Московскія Вѣдомости. 1865 г. № 80.

[2]) Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ судебной реформы К. К. Арсеньевъ справедливо говорилъ: „для того, чтобы отдѣленіе судебной власти отъ власти исполнительной или административной могло считаться окончательно совершившимся, недостаточно одного невмѣшательства администраціи въ дѣла, производимыя судомъ; необходимо еще, чтобы кругъ дѣйствій судебной власти не былъ стѣсненъ произвольными опредѣленіями, чтобы онъ распространялся на всѣ безъ изъятія дѣла, по существу своему судебныя" („Вѣстн. Европы" 1871 г., кн. 3, стр. 357).

[3]) См. напр., интересныя статьи К. К. Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы" 1871 г.

[4]) Московскія Вѣдомости. 1866 г. № 86, и 1867 г. № 69.

развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ: правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть" [1]).

Одобреніе общества и печати вызывала гуманность Судебныхъ Уставовъ, опредѣленное стремленіе ихъ обезпечить дѣйствительно невиновнымъ—оправданіе и постоянное уваженіе къ человѣческой личности, въ чемъ правильно видѣли коренное отличіе ихъ отъ прежняго законодательства.

Относясь съ полнымъ сочувствіемъ и серьезнымъ вниманіемъ къ Судебнымъ Уставамъ, печать не ограничивалась только ихъ восхваленіемъ, раздались и серьезныя критическія замѣчанія,—указывали, напримѣръ, на зависимость назначенія чиновъ судебнаго вѣдомства отъ министра юстиціи, на неудовлетворительность порядка возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ, на нѣкоторые недостатки въ организаціи суда присяжныхъ и мирового института и проч. [2]).

Недовольные судебной реформой голоса раздавались преимущественно изъ среды высшей администраціи; такъ, къ ней отрицательно относились шефъ жандармовъ Шуваловъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, директоръ одного изъ департаментовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ гр. Д. Н. Толстой [3]) и др. Валуевъ даже пытался пробить брешь въ Судебныхъ Уставахъ и посильно ихъ испортить при самомъ составленіи. 12 ноября 1863 года онъ прислалъ министру юстиціи на заключеніе проектъ реформы полиціи въ Петербургѣ и Москвѣ, по которому полиція раздѣлялась на исполнительную и судебную; по словамъ проекта эта послѣдняя намѣчалась въ духѣ Основныхъ Положеній судебнаго преобразованія, но на самомъ дѣлѣ было далеко не такъ. Полицейскихъ судей, которые по мысли Валуева должны быть созданы вмѣсто мировыхъ, предполагалось опредѣлять по назначенію министра юстиціи; въ видѣ апелляціонной инстанціи проектировался городовой судъ съ

---

[1]) Моск. Вѣд. 1866 г. № 198.

[2]) Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, изд. 1872 г., стр. 287 и слѣд.; статьи К. К. Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы" 1871 года.

[3]) См. Русскій Архивъ, 1885 г., т. II, стр. 65, изъ записокъ гр. Дмитрія Николаевича Толстого.

весьма обширною властью и исключительнымъ преобладаніемъ предсѣдателя, совершенно не въ духѣ Судебныхъ Уставовъ, затѣмъ создавались особые стряпчіе и проч. [1]). Эта попытка Валуева встрѣтила самый энергичный отпоръ Министерства Юстиціи и не имѣла практическихъ послѣдствій. Вообще, Министерство Юстиціи, руководимое Замятнинымъ и его товарищемъ Стояновскимъ, также, какъ большинство людей той эпохи, глубоко сочувствовало судебной реформѣ и еще во время обсужденія Судебныхъ Уставовъ начало энергически готовиться къ открытію новыхъ судовъ. Вполнѣ справедливый отзывъ объ этой дѣятельности даетъ самъ Замятнинъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству Юстиціи за 1864 г., въ которомъ между прочимъ говорится: „Съ того времени, какъ Основныя Положенія преобразованія судебной части удостоились Высочайшаго утвержденія, содѣйствіе успѣху этого преобразованія сдѣлалось главною обязанностью министра юстиціи. Поэтому послѣ изданія Основныхъ Положеній дѣятельность Министерства была посвящена преимущественно разсмотрѣнію и обсужденію вопросовъ, касающихся непосредственно судебнаго преобразованія и изысканію мѣръ, которыя подготовили бы судебное вѣдомство къ новому его устройству".

Мѣропріятія Министерства въ этомъ направленіи были весьма разнообразны, оно заботилось о подготовкѣ надлежащихъ зданій для новыхъ судовъ, старалось ускорить окончаніемъ производящіяся въ старыхъ судахъ дѣла, чтобы облегчить работу будущихъ судебныхъ дѣятелей, составило сборники сенатскихъ рѣшеній, прилагало энергическія старанія къ улучшенію личнаго состава вѣдомства, интересовалось подготовкой стенографовъ для записыванія судебныхъ преній и пр. Однимъ словомъ, видно серьезное желаніе подготовить надлежащую почву для новыхъ судовъ, виденъ живой духъ, охвативший это, много лѣтъ пребывавшее въ состояніи омертвѣнія, вѣдомство [2]).

Провинціальное общество съ нетерпѣніемъ ожидавшее изданія Судебныхъ Уставовъ, отнеслось къ судебной реформѣ съ пол-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 4091.

[2]) См. Тамъ же. Всепод. отчеты мин. юст. за 1862—1866 г.г. и всепод. доклады и записки м-ра юст. за 1863 и 1864 г.г. Чтобы дать представленіе о томъ, насколько Министерство Юстиціи было во время изданія Судебныхъ Уставовъ подготовлено

нымъ одобреніемъ—дворянство, города, только что образованныя земства и многія частныя лица, одинаково спѣшили выразить свои чувства, при этомъ они не ограничивались одними словами, а готовы были на весьма значительныя жертвы для скорѣйшаго открытія новыхъ судовъ.

Интересно замѣтить, что многія незначительные города предлагали пожертвовать довольно крупныя суммы, такъ, напримѣръ—Устюжна 5000 руб., Череповецъ наемную плату за помѣщеніе суда въ теченіе 10 лѣтъ, Боровичи предлагали принять на свой

по своему личному составу къ судебной реформѣ, приведемъ таблицу о полученномъ чинами вѣдомства образованіи:

Изъ числа лицъ, занимающихъ должности.	Число лицъ.	Получили образованіе. Въ высшихъ юридическихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ.	Въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.	Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.
Оберъ-прокуроровъ . . .	14	13	—	1	—
Чиновниковъ, состоящихъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ	25	22	1	2	—
Оберъ-секретарей . . .	42	39	1	1	1
Секретарей	87	75	—	8	4
Губернскихъ, областныхъ и иныхъ мѣстъ прокуроровъ	73	53	3	8	9
Товарищъ прокурора . .	1	1	—	—	—
Предсѣдателей судебныхъ палатъ и коммерческихъ судовъ . .	105	51	4	25	25
Товарищей предсѣдателей	98	76	3	13	6
Совѣтниковъ	37	10	—	5	22
Губернскихъ, областныхъ и войсковыхъ стряпчихъ	113	66	3	27	17
Уѣздныхъ, окружныхъ, полицейскихъ стряпчихъ и прокуроровъ .	521	102	4	210	205
Утвержденныхъ Министерствомъ Юстиціи судебныхъ слѣдователей	482	287	7	126	62
Итого въ 1865 г. .	1598	795	26	426	351
А въ 1864 г. . . .	1303	617	22	358	306

Слѣдовательно, въ личномъ составѣ число лицъ, получившихъ юридическое образованіе, къ 1866 году увеличилось на 178 человѣкъ. Это увеличеніе замѣтно въ особенности въ числѣ судебныхъ слѣдователей и уѣздныхъ стряпчихъ.

(Отчетъ Министерства Юстиціи за 1865 г., стр. 21 и 21 обр.).

счетъ полный ремонтъ и приспособленія для суда стараго обгорѣлаго казеннаго зданія и проч. [1]).

Иностранцы, интересовавшіеся судебной реформой 20 ноября 1864 года, относятся къ ней съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Англійскій публицистъ Мекензи Уоллесъ, хорошо знакомый съ Россіей и ея учрежденіями 70-хъ годовъ XIX вѣка, отмѣчалъ необычайную простоту и симетричность созданнаго Уставами 1864 года судебнаго строя и хотя указывалъ на нѣкоторыя заимствованія изъ Франціи и Англіи въ частностяхъ, но подчеркивалъ несомнѣнную оригинальность цѣлаго [2]).

Въ такомъ же духѣ высказывался неоднократно цитированный нами Анатоль Леруа Болье, находившій, что изъ всѣхъ реформъ царствованія Александра II наибольшее вліяніе на государственную власть, нравы и общественную жизнь имѣла судебная реформа.

Еще болѣе горячій отзывъ даетъ другой французскій писатель—де-Кардонъ [3]), въ своей содержательной работѣ о царствованіи Императора Александра II. Судебная реформа 1864 года, говоритъ онъ, основанная на непреложныхъ аксіомахъ современной юридической науки, наиболѣе плодотворна изъ всѣхъ реформъ этой эпохи; она создала въ Россіи суды, достойные этого имени, провозгласила отдѣленіе судебной власти отъ административной и равенство всѣхъ передъ закономъ. Она пріобщила гражданъ къ отправленію правосудія, возвысила народную совѣсть, сдѣлалась однимъ изъ главнѣйшихъ основаній новой Россіи и навсегда останется благороднѣйшей побѣдой славнаго царствованія Александра II, проникнутаго стремленіемъ къ правомѣрности и прогрессу.

Широкое сочувствіе къ Судебнымъ Уставамъ объясняется тѣмъ, что они, какъ съ точки зрѣнія идейной, такъ и съ точки зрѣнія технической, стояли на высотѣ современныхъ требованій,—

---

[1]) Сен. Арх. Именные Указы 1866 г. № 789, л. л. 32—34 обор.

[2]) D. Mackenzie Wallace. „La Russie". Traduit de l'anglais. Tom. II, pages 347—377.

[3]) De Cardonne. L'Empereur Alexandre II (vingt six ans de règne), pages 348, 512, 519, 522—524, 526 и 527.

вполнѣ удовлетворяли давно сознанной необходимости коренного переустройства судебной части. Они всецѣло проникнуты двумя величайшей важности началами—правомѣрностью и человѣчностью, отъ которыхъ отправляются всѣ современныя понятія о человѣческомъ общежитіи. Судебные Уставы знаменовали собою рѣшительный поворотъ отъ произвола, бездушія и узкаго формализма въ отношеніяхъ власти къ подданнымъ — къ признанію незыблемой силы закона и уваженію правъ человѣческой личности, даже впавшей въ преступленіе.

Этотъ замѣчательный законодательный памятникъ отразилъ лучшія стороны русской души, пробудившейся въ первые годы царствованія Александра II послѣ долгаго и тяжелаго сна, онъ отвѣтилъ на горячія желанія общества и его умственныхъ вождей, лучшихъ писателей нашей земли.

Вотъ почему Судебные Уставы, съ которыми неразрывно соединено Великое имя Императора Александра II, сдѣлались съ первыхъ же дней послѣ изданія близки и дороги сердцу почти каждаго русскаго человѣка—населеніе полюбило и оцѣнило новые суды, и каждое посягательство на самостоятельность или достоинство ихъ всегда вызывало неудовольствіе и искреннее огорченіе широкихъ общественныхъ круговъ.

Русскій народъ, много вѣковъ страстно томившійся по истинному правосудію,—наконецъ дождался такого судебнаго строя, который обезпечиваетъ его гражданскія права и удовлетворяетъ его нравственному чувству.

Судебные Уставы 20 ноября 1864 года навсегда останутся прекраснымъ памятникомъ русскаго творчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.

ЧАСТЬ I.

СТРАН.

Судебный строй и судебные порядки передъ реформой 1864 года . . . . . 3—101

I. Давнишнее стремленіе къ правосудію . . . . . 3—5

II. Судебная организація и процессъ до реформы 1864 г. 6—27

III. Фактическое состояніе правосудія до реформы 1864 г. 27—40

IV. Всеобщее отрицательное отношеніе къ состоянію правосудія . . . . . 40—53

V. Сознаніе необходимости судебной реформы . . . . . 53—101

ЧАСТЬ II.

Ходъ судебной реформы 1864 года . . . . . 102—232

I. Учрежденіе слѣдователей. Проекты Блудова и составленіе Основныхъ Положеній . . . . . 102—145

II. Отношеніе къ Основнымъ Положеніямъ въ обществѣ и печати . . . . . 145—164

III. Замѣчанія, представленныя на Основныя Положенія . 165—177

IV. Составленіе проектовъ Судебныхъ Уставовъ . . . . 177—188

СТРАН.

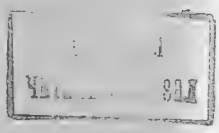
V. Замѣчанія на проекты Судебныхъ Уставовъ . . . . . 188—199

VI. Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній и откуповъ . . 200—206

VII. Обсужденіе проектовъ Уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденіе Государемъ . . . . . 206—213

VIII. Къ вопросу о дѣятеляхъ судебной реформы . . . . 213—224

IX. Отношеніе современниковъ къ судебной реформѣ . . 224—232



Главный
читальный зал

1944

Цѣна 1 р. 25 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1) **Губернаторы.** Историко-Юридическій Очеркъ изд. 1905 г. 366 печатн. стран. Цѣна **2** рубля.

2) **Отношенія Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ въ XIX вѣкѣ.** Изд. 1911 г. 288 печатн. стран. Цѣна **1** р. **50** к.

3) **Императоръ Александръ II Николаевичъ.** (Въ изданіи „Государи изъ дома Романовыхъ").